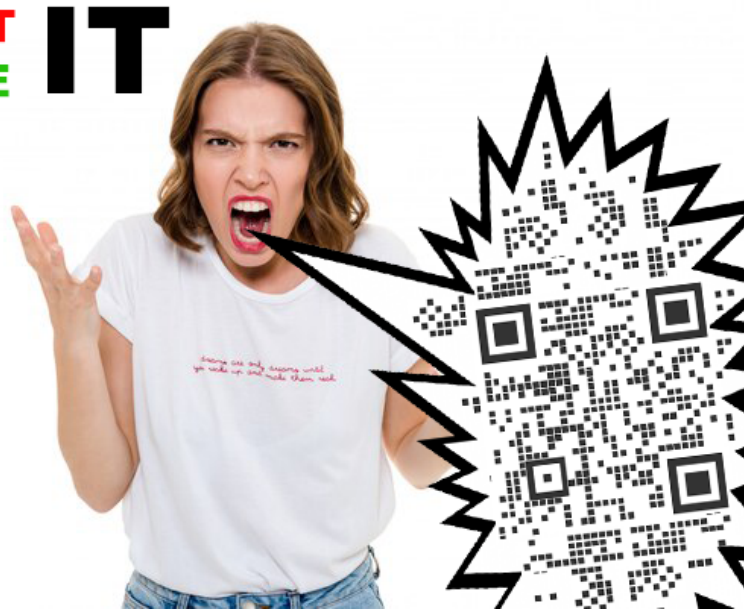
И. И. АЗАРОВ

Осажденная ОДЕССА

SHOUT
SHARE
IT



Annotation

В этой книге рассказывается о том, как начиналась Великая Отечественная война в северо-западном районе Черного моря. Во всей трагичности предстает перед читателем картина народного бедствия, вызванного нападением фашистских захватчиков на нашу землю. Основное содержание воспоминаний И. И. Азарова — героическая оборона Одессы в августе — октябре 1941 года. Автор показывает, как моряки Черноморского флота, воины Приморской армии, рабочие одесских предприятий грудью встали на защиту родного города и отстаивали его от врага, многократно превосходившего их в силах и технике. Фашистам так и не удалось поколебать стойкость защитников Одессы. Лишь выполнив свою задачу, советские войска по приказу Верховного Главнокомандования были переброшены на другое направление. Автор воспоминаний И. И. Азаров в описываемое время являлся членом Военного совета Одесского оборонительного района. Воспоминания иллюстрированы снимками, сделанными в Одессе в августе — сентябре 1941 года фронтовыми фотокорреспондентами Я. Халипом, Г. Зельмой и А. Егоровым.

Эта книга с сайта «Военная литература», также известного как Милитера. militera.lib.ru

- Азаров Илья Ильич
- Жизнь или смерть
- На крыльях — свастика
- Воевать тем оружием, которое есть…
- «Объявляется на осадном положении»
- Раненые остаются в строю
- Город-фронт
- Плуги — в мечи
- Граната — тоже оружие
- Фронт обороны сужается
- Ставка просит
- Десант
- «Полундра» в тылу врага
- Нас ждет Крым
- Недоумения и необходимость
- Когда меньше риска?
- Жива и будет жить Россия
- Заключение

Азаров Илья Ильич
Осажденная Одесса

Илья Ильич АЗАРОВ

Жизнь или смерть
Командировка в Севастополь

В первой половине июня 1941 года с группой политработников я выехал из Москвы на Черноморский флот, где должны были проводиться учения — высадка на побережье тактического десанта в составе дивизии. Напутствуя нас, начальник Главного управления политической пропаганды Военно-Морского Флота армейский комиссар 2 ранга Иван Васильевич Рогов сказал:

— Чаще напоминайте морякам, что мы не гарантированы от провокаций со стороны фашистской Германии, хотя у нас с ней договор о ненападении. Для вашего сведения: германские войска усиленно сосредоточиваются в Польше, Финляндии, Восточной Пруссии, Румынии; за последнее время участились случаи нарушения немецкой авиацией наших воздушных границ. Пользуясь случаем, особо вникните в партийно-политическую работу при посадке армейских частей на корабли, во время перехода морем, при высадке десанта.

Обратившись ко мне, он добавил:

— А вам, как начальнику организационно-инструкторского отдела, после учения остаться на флоте, разобрать с политсоставом опыт работы в этих условиях.

Этой беседой Рогов внушал нам исключительную серьезность предстоящей командировки. Он был для нас не только начальником, но и представителем Центрального Комитета партии. И мы хорошо знали, каким огромным авторитетом пользовался на флоте этот человек. Многие политработники называли его Иваном Грозным. Да, Рогов был беспощадно суров к тем, кто отступал от норм партийного поведения, кривил душой, скрывая истинное положение дел и рисуя все в розовом свете. Но вместе с тем он был очень внимателен к людям и не терпел, если кто-либо не проявлял заботы о подчиненных. Наказанный им всегда чувствовал справедливость взыскания и, если начинал исправляться, мог не сомневаться, что Рогов это заметит и в трудную минуту поддержит, поможет освободиться от недостатков. Все это вызывало глубокое уважение к нему, и даже Иваном Грозным его называли не злобно, а как-то в шутку, любовно. Мы не знали тогда более сильного политработника на флоте.

Поезд уходил в Севастополь во второй половине дня. Я успел заехать в гостиницу Центрального Дома Красной Армии к семье,

уже знавшей, что мне нужно снова ехать. Прошло лишь две недели, как я приехал с семьей из Владивостока. Все эти дни я был занят с утра до позднего вечера, и исполнение моих обещаний — побродить с женой и дочерью по Москве, побывать в театрах и музеях — отодвигалось теперь на неопределенное время.

Мне часто приходилось уходить в море, и жена к этому привыкла. Все же, прощаясь, она на этот раз не выдержала и вздохнула:

— Думала, что в Москве ты будешь с нами чаще…

В ее голосе было что-то тревожное. Но ни она, ни я не думали, что на этот раз я уезжал не на учение, не в обычный поход, а, по сути дела, на войну и что вернуться из командировки мне удастся не скоро.

Как правило, учения на флоте проводятся ближе к осени. А тут оно начиналось в середине летней кампании. Откладывать его обстановка не позволяла. Еще XVII съезд предупреждал партию и народ о неизбежности военного столкновения между капиталистическими странами. А XVIII уже обращал внимание на то, что новая империалистическая война стала фактом. Она распространилась по всей Европе, охватила бассейн Средиземного моря, перебросилась в Северную Африку и даже на Тихий океан.

Война неумолимо приближалась к нам. Почти каждый разговор в нашей, военной, среде, с чего бы ни начинался и где бы ни происходил, неизбежно сводился к обсуждению положения в Европе, на Балканах, в Африке, наполнялся беспокойством о состоянии обороны нашей страны. Иногда в откровенных беседах некоторые товарищи рассуждали, насколько реально категорическое заверение в том, что будем воевать малой кровью и бить врага на его собственной территории. Но большинство из нас удивлялись, слыша такие рассуждения, и неодобрительно смотрели на товарищей, которые высказывали их.

Надо признать, нас успокаивали победы у озера Хасан и на Халхин-Голе. Когда же заходила речь о советско-финляндской войне, то все трудности ее мы объясняли тяжелыми условиями озер и лесных массивов, мешавшими свободе маневра. Мы не сомневались в том, что достаточно только трудовому народу буржуазных стран получить оружие для ведения войны против первой страны социализма, как он подумает, не пришла ли пора повернуть штыки против собственных империалистов. А все потому, что мы отказывали противнику в способности обработать солдат идеологически.

Стойкость же финских солдат, их умение воевать

рассматривались как некая аномалия, и говорить о таких явлениях вслух считалось предосудительным. Пренебрежение противником не позволяло командирам и политработникам, в особенности не побывавшим на войне, поразмыслить над укоренившимися в нашей среде представлениями о легкости победы и готовить себя и войска к войне более трудной и тяжелой, чем она выглядела на военных играх, учениях и маневрах.

…Пассажиры, наши попутчики в севастопольском поезде, ехали в Ялту, Мисхор, Симеиз — на курорты, иные — в командировки. У них главной темой разговоров тоже была война. Они спрашивали нас, военных, чем объясняется безнаказанное шествие гитлеровских войск по европейским странам, почему фашистам удалось оккупировать почти всю Европу, почему армии европейских стран не оказывают серьезного сопротивления оккупантам.

Мы говорили о внезапности нападения гитлеровской Германии и разобщенности европейских государств, которые Гитлер бьет пординочке, о том, что гитлеровская Германия серьезно подготовилась к агрессии и что в этом ей помогали крупные империалистические государства.

Когда поезд вынырнул из туннеля и оставил наконец позади Инкерманские каменоломни, за окном вагона открылась панорама Севастопольской бухты. Я сразу же узнал по контурам старые крейсера, на которых мне довелось плавать в период академической стажировки. Рядом с ними, радуя глаз, стояли новые крейсера, лидеры, эсминцы, а у самых пирсов — продолговатые сигарообразные подводные лодки.

Севастополь встретил нас ослепительным солнцем, цветением акаций, белизной южного типа домов, построенных из ноздреватого инкерманского камня.

Тишина, безветрие, полуденная дрема.

Мы разместились на корабле, которому предстояло выйти в море.

Легкий вечерний бриз, приглушенный гул затихающего уставшего города, длинные световые столбы, вырывавшиеся из раскрытых створок иллюминаторов, спокойное звездное небо — все это успокаивающе действовало на нас, и, конечно, никто не думал увидеть настороженный, рассеченный лучами прожекторов., вздрагивающий от взрывов первых мин Севастополь десять дней спустя.

В здании штаба флота мы встретились с членом Военного совета Черноморского флота дивизионным комиссаром Кулаковым и начальником политуправления дивизионным

комиссаром Бондаренко.

Николая Михайловича Кулакова я знал по совместному учению на военно-морском факультете Военно-политической академии имени Ленина. Общительный, способный, несколько шумливый и веселый, он был старше меня курсом. На перекурах в коридоре академии, во время тренировок к парадам часто можно было слышать его густой, басистый, раскатистый голос. И внешностью своей он был заметен: крепко сколоченный, глазастый, с черной густой копной волос, высокий и плечистый, он выделялся среди других, умел расположить к себе окружающих.

Уже будучи на последнем курсе, я проходил стажировку на Балтике и встретился с ним на линкоре «Марат», где он был военкомом.

Петр Тихонович Бондаренко был одним из старейших флотских политработников. Он участвовал в гражданской войне, прошел суровую школу жизни от политбойца до начальника политуправления флота. Академию он окончил раньше нас на несколько лет. К этому честнейшему, открытой души коммунисту, уравновешенному и бесхитростному человеку каждый мог прийти на прием. Да и сугубо официальное слово «прием» как-то не вязалось с его обликом: к нему просто можно было прийти, чтобы поговорить по душам. Он умел выслушать каждого, дать разумный совет, объяснить, как проще решить поставленную задачу. На флоте его любили и уважали.

— Вот мы и снова встретились, — как всегда шумно поздоровался Кулаков, улыбаясь большими черными глазами.

После обычных при встрече разговоров, расспросов о московских новостях много времени заняло обсуждение международной обстановки. Беспокойство порождали не только сведения о нарушении наших воздушных границ немецкими самолетами и перебросках немецких войск в соседние страны. Мы знали, что английская печать вовсю трубит о возможном нападении Германии на Советский Союз, и расценивали это не только как хитрый ход воюющей страны по отношению к своему противнику. В мае 1941 г. Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по руководству фашистской партией, перелетел на самолете из Аугсбурга в Северную Англию. Вызывал недоумение тот факт, что ни немецкая, ни английская противовоздушная оборона не мешали этому перелету. Возникали подозрения, не было ли это попыткой Германии договориться с Англией о прекращении войны, чтобы потом обрушиться на нас. И от того, что заправилы фашистской Германии объясняли перелет Гесса его душевным расстройством, подозрения не уменьшались. Ведь еще в 1940 году

Гесс ездил в Мадрид для встречи с британским послом и герцогом Виндзорским (бывшим английским королем, проживавшим в Испании). Да и английское радио проговорилось тогда, что конференция лейбористской партии, обсуждавшая миссию Гесса, большинством голосов отвергла переговоры с Германией. Поэтому заявлениям немецкой печати о ненормальности Гесса никто не верил. Становилось совершенно очевидным, что фашистская Германия хочет развязать себе руки на Западе, чтобы начать войну против нас.

Когда перешли к разговору о предстоящем учении флота, я доложил о задачах, поставленных перед нами.

Кулаков и Бондаренко указывали на большое значение предстоящего учения: переход морем с высадкой на берег десанта силой до дивизии был не таким уж частым событием в жизни флота, а в складывавшейся международной обстановке приобретал особое значение.

Многим красноармейцам предстояло впервые попасть на корабли. Им нужно было обжиться на корабле, уяснить необходимость строжайшей дисциплины и порядка в условиях, когда подчас секунды решают успех или неудачу дела.

Кто мог предположить, что на этих же самых кораблях нам вскоре придется прорываться сквозь кольцо блокады к осажденной Одессе и эти же самые красноармейцы и командиры будут с благодарностью вспоминать последнее учение, предотвратившее многие жертвы?

* * *

В кают-компании, в кубриках, на палубе завязывались дружеские беседы моряков и армейцев. Флотские командиры сумели так расположить к себе армейских, что со стороны казалось, будто они не сутки, а уже многие дни вместе.

И здесь завязывались разговоры о возможности войны. Командиры и политработники, ссылаясь на заверения Сталина и Ворошилова, высказывали убеждение, что мы будем воевать только на территории того, кто поднимет против нас оружие. Разве мог тогда кто-нибудь предугадать, что мы так трудно начнем войну — отходом от границ, сдачей городов, иногда даже без серьезного сопротивления, что нам придется проводить десантные операции, не имея специальных десантных кораблей и высадочных средств?

Во время учения 14 июня мы услышали сообщение ТАСС, которое удивило и вызвало у многих недоуменные вопросы.

Мы только провели на кораблях работу по разъяснению агрессивных намерений германского фашизма, призывали личный состав кораблей и частей к повышению бдительности и боевой готовности. Сообщение ТАСС опровергало наши доводы и сводило на нет всю проведенную работу: в нем говорилось, что распространяемые иностранной, особенно английской, печатью слухи о близости войны между СССР и Германией не имеют никаких оснований, так как Германия, как и Советский Союз, неуклонно соблюдает условия советско-германского договора о ненападении, и слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы.

В сообщении было такое указание, которое совершенно дискредитировало нашу работу и направляло внимание людей в другую сторону. Во всеуслышание было заявлено, что слухи о возможной агрессии Германии являются делом враждебных Советскому Союзу и Германии сил, которые заинтересованы в дальнейшем расширении и развязывании войны. Это ставило нас в нелепое положение.

В самом деле, всего несколько дней назад в Москве, перед нашим отъездом в Севастополь, Рогов, являвшийся членом Центрального Комитета партии, требовал от политорганов флота усилить в устной пропаганде разоблачение агрессивных действий германского фашизма, ориентировать личный состав флота на повышение бдительности и боевой готовности. И вдруг — совершенно противоположная ориентировка.

Когда пришли газеты с этим сообщением ТАСС, я был на крейсере «Красный Кавказ». Командир крейсера капитан 2 ранга А. М. Гущин обратился ко мне с просьбой выступить перед моряками и разъяснить им, как понимать это сообщение: у моряков возникло много вопросов. Уклониться от этого мне было невозможно.

Командир крейсера «Красный Кавказ» капитан 2 ранга А. М. Гущин

Незадолго до большого сбора заместитель начальника отдела политической пропаганды эскадры полковой комиссар В. И. Семин, тоже находившийся на крейсере, доложил мне о жарких спорах, завязавшихся среди моряков в связи с сообщением ТАСС. Да и сам он был совершенно сбит с толку. Но он знал, что я дал согласие выступить на большом сборе с разъяснением, и потому спросил, не имею ли я каких-либо указаний свыше. Когда я сказал, что никаких указаний не имею, Семин, очевидно, заметил мое волнение, и в его взгляде я прочел сочувствие. Он помолчал минуту и проговорил:

— Нелегко вам, Илья Ильич…

И вдруг призывно заиграл горн, разнося через репродукторы сигнал большого сбора. У меня тревожно сжалось сердце. Раздался топот поднимавшихся по трапам на палубу моряков.

Лица собравшихся сосредоточенны, напряжены. На многих как бы написан вопрос: что же теперь скажет бригадный комиссар? По крайней мере, так казалось мне.

Всего два дня назад мне пришлось выступить здесь, на крейсере, с докладом о международном положении. И, конечно, большое место я отвел в докладе раскрытию агрессивных

действий германского фашизма. Говорил о том, как Гитлер, не считаясь с договорами и международными соглашениями, захватывал государства, попирал суверенитет европейских стран, а в заключение я сказал о необходимости повышать бдительность, памятуя, что пожар войны приближается к границам нашей Родины, вблизи которых уже сосредоточены германские войска. После доклада было много вопросов. Моряки спрашивали, зачем мы заключили с Германией договор о ненападении, если знаем, что германский фашизм наш заклятый враг; какой смысл иметь договор о ненападении с государством, со стороны которого можно ожидать всяких провокаций?..

Я отвечал, что соглашением о ненападении мы выигрываем время, очень нужное для подготовки страны к обороне, расстраиваем планы антисоветского блока империалистов.

Теперь же мне предстояло очень трудное выступление — опять перед теми же людьми. Эти люди смотрели на меня как на представителя высшего на флоте политоргана и полагали, конечно, что я должен знать больше других. А я с того самого момента, когда Гущин попросил выступить, не переставал думать: что же я скажу, если сам не могу осмыслить сообщение ТАСС, не знаю, чем оно вызвано? Внутренне был убежден, что за короткое время, которое прошло с момента отъезда из Москвы, не могла в корне измениться обстановка.

Увидев перед собой эти испытующие и требовательные лица, я решил про себя: не выдать своего волнения, признаки которого будут расценены как неуверенность и растерянность, — а так лучше не выступать. Но не выступать было нельзя.

Вот сейчас Гущин предоставит мне слово, а я еще не знаю, что сказать. И тут передо мной встало строгое лицо Рогова («Вам, как начальнику организационно-инструкторского отдела… остаться на флоте… разобрать с политсоставом…»).

А ведь если бы что-либо изменилось в сценке обстановки, Рогов обязательно уже дал бы знать. Он не дал, — значит, в силе прежние указания.

В этот момент мне неожиданно пришла в голову спасительная мысль: а не имеет ли целью сообщение ТАСС создать у заправил гитлеровской Германии впечатление, будто мы не замечаем их военных приготовлений? Эта мысль несколько подбодрила меня.

— Фашизм остается нашим злейшим врагом, — начал я, стараясь говорить твердо. — Сообщение ТАСС не должно нас демобилизовать. Мы — военные люди и должны понимать, что война, бушующая в Европе, приближается к границам нашей Родины.

По общему выражению лиц, по шумному оживлению слушателей, по лихорадочному блеску глаз я понял, что у меня с аудиторией установился контакт. И это утвердило меня в мысли, что я прав. Мне стало легче. Наступила разрядка. И я уже больше не боялся оговориться. В настроении аудитории читал, что не ошибаюсь и не запутываю сути дела.

* * *

18 июня закончились флотские учения. Корабли эскадры взяли курс на главную базу флота — Севастополь.

Проведенные учения, и особенно действия личного состава кораблей, получили высокую оценку наблюдавшего за ними заместителя народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала И. С. Исакова. А между тем в ходе учений выявилось неудовлетворительное положение с обеспеченностью флота десантными кораблями и судами специальной постройки.

Если не считать незначительного количества канонерских лодок типа «Красный Аджаристан», вступивших в строй в 20–30 годах, мы не имели десантных кораблей, отвечавших новейшим требованиям перевозок войск и боевой техники. А из высадочных средств были только барказы, катера и шлюпки.

На 23 июня было назначено совещание политсостава Черноморского флота, на котором намечалось подвести итоги проведенного учения и обобщить опыт работы политорганов, партийных и комсомольских организаций кораблей по обеспечению высадки десанта. Мне, как указывал И. В. Рогов, предстояло сделать на этом совещании доклад.

А пока корабли, возвратившиеся в базу приводились в порядок: подкрашивались места на трубах, где обгорела краска, освежалась окраска на наружных бортах и верхнепалубных надстройках, наводилась чистота на верхних палубах. Во всех корабельных помещениях производилась большая приборка, особо тщательная после похода. Надраивались медные части. В открытые на время приборки иллюминаторы, крышки люков и горловин животворящей струей вливался воздух, насыщенный запахами моря и ароматом цветущих на берегу акаций.

К бортам кораблей, стоявших на рейде у Северной стороны и у стенки в Южной бухте, портовые буксиры подводили баржи с топливом и боезапасом. На поднятых бельевых леерах сушилось краснофлотское белье и комплекты рабочего платья.

На крыльях — свастика

В субботу 21 июня было, как всегда, оживленно и шумно на Графской пристани. Подходили катера и барказы с уволенными на берег моряками. Встречались друзья с различных кораблей, делились последними новостями.

На Краснофлотском бульваре шел фильм «Музыкальная история». В Доме флота был вечер.

Товарищи, с которыми я приехал на учения, — Д. И. Корниенко и И. В. Маслов — уже отбыли в Москву. Я сидел за столиком ресторана в летнем саду Дома флота вместе со своим старым товарищем по службе на Балтике Александром Викторовичем Солодуновым, теперь начальником гидрографического отдела Черноморского флота. Было уже поздно, но уходить в гостиницу не хотелось. Завтра — выходной день, можно рано и не вставать.

Вдруг я заметил, что к столику, за которым сидели некоторые командиры соединений, подошли начальник Дома флота и дежурный командир. Они о чем-то поговорили — командиры поднялись и сразу ушли. Проходя мимо нас, один из них наклонился к Солодунову и сказал, что объявлена оперативная готовность № 1. И не успели мы расплатиться, как к Александру Викторовичу подошел рассыльный и вручил пакет с вызовом в часть.

Мы вышли вместе. Я отправился в штаб флота.

По дороге обратил внимание на то, что в городе начало производиться затемнение, а у штаба флота услышал сигнал большого сбора, который не на шутку встревожил меня.

Поднимаясь по лестнице штаба, я невольно вспомнил недавний разговор с Кулаковым. Он сказал тогда, что на Дунайской военной флотилии задержан еще один перебежчик (о первом перебежчике, перешедшем нашу границу в первых числах июня, я знал еще в Москве). Оба перебежчика предупреждали о тщательной подготовке Германии к нападению на Советский Союз.

Чтобы узнать о том, что происходит, я зашел к начальнику штаба флота контр-адмиралу Елисееву. Оказалось, он не уходил еще домой.

— Получена телеграмма от наркома, — сдержанно отвечая на мое приветствие, сказал Елисеев, — готовность № 1. Нарком звонил по вэ-че, интересовался, как идет переход на оперативную готовность. Обстановка, по-видимому, очень серьезная.

Всегда учтивый и внимательный, на этот раз Иван

Дмитриевич был крайне сух и предельно собран.

За окнами кабинета стало совсем темно: на рейде погасли огни, только маяк продолжал размеренно мигать. Непрерывно звонили телефоны.

— Прибыли командующий и член Военного совета, — доложил оперативный дежурный.

— Хорошо, — не опуская трубку, сказал Елисеев.

Я прошел к оперативному дежурному. От него узнал, что три немецких транспорта, обычно совершавших перевозки в разных районах Черного моря, вчера вечером оказались в портах Румынии и Болгарии.

Сейчас, когда многие немецкие документы опубликованы в официальных протоколах Нюрнбергского суда, стало ясно, что выход немецких судов из наших портов был запланирован и разработан верховным командованием вооруженных сил фашистской Германии в связи с подготовкой нападения на Советский Союз. Одновременно, с 17 июня, планом операции «Барбаросса» запрещалась отправка судов в наши порты.

Тогда мы, конечно, обо всем этом не знали, но неожиданное сосредоточение судов в западных портах настораживало.

— Как понимать повышенную готовность: как боевую или как учебную? — запрашивали оперативного дежурного начальники штабов и командиры.

— А знаете ли вы, какие большие потребуются мероприятия, чтобы привести батареи в боевую готовность? — спросил начальник штаба 61-го зенитного полка И. К. Семенов.

— Знаем, майор Семенов… Выполняйте приказание, — ответил оперативный дежурный капитан 2 ранга Рыбалко.

Город был погружен во тьму, а створные огни и маяки продолжали гореть, несмотря на то что было приказано выключить их.

— Почему горят маяки? — возмущался Рыбалко. Его помощник капитан-лейтенант Левинталь доложил, что с маяками нарушена связь.

Рыбалко связался по телефону с начальником гарнизона генерал-майором П. А. Моргуновым. Оказалось, что Моргунов уже имел по этому поводу неприятный разговор с командующим флотом. Командиру 35-й батареи и начальнику караула Сухарной балки начальник гарнизона дал приказ срочно выслать мотоциклистов и передать, чтобы створные огни и маяки были немедленно выключены.

Наконец ориентиры на подходах к Севастополю с моря — Херсонесский маяк и Инкерманские створные огни — погасли.

«В направлении с юго-запада слышен шум авиационного

мотора», — поступило донесение оперативному дежурному.

— Выясните в ВВС, есть ли *наши* самолеты в воздухе! — приказал Рыбалко своему помощнику Левинталю и вызвал по телефону начальника противовоздушной обороны флота.

Не успел он закончить разговор по телефону, как Левинталь сообщил:

— Оперативный дежурный по ВВС доложил, что наших самолетов в воздухе нет.

Я простился с оперативным дежурным и пошел в политуправление. Туда все подходили и подходили из разных концов города политработники. Еще час назад все они мирно пили чай, кто дома, а кто в гостях, строили планы на завтрашний выходной день.

К двум часам ночи все политработники были в сборе, они направлялись на корабли и в части. Мы с Бондаренко решили для ориентировки сообщить им о двух перебежчиках.

— Предупредите комсостав, что эта тревога может быть и не учебной, — окинув взглядом собравшихся, сказал Бондаренко.

За стеклами окон, по мало заметным сигнальным огням вдалеке угадывался рейд. В напряженной тишине раздавались то удаляющиеся, то приближающиеся звуки выхлопов движков и моторов — это катера и барказы развозили по кораблям возвращавшихся с берега командиров и сверхсрочников.

Дежурный по политуправлению флота политрук Хсджанов доложил Бондаренко:

— С Херсонесского поста донесли, что слышен шум авиационного мотора.

Мы уже знали, что в районе Севастополя наших самолетов не должно быть в воздухе. Чьи же они?

— Пойдем к командующему и члену Военного совета, — сказал я Бондаренко. — Нужно уточнить ситуацию.

И вдруг тишину разорвали артиллерийские залпы.

Я машинально взглянул на часы: было около половины четвертого.

— Неужели война? — мы взглянули друг на друга.

— Да, — сказал Бондаренко, — не исключено, что война.

Мы вошли в кабинет командующего флотом. Там был Кулаков.

Вице-адмирал Октябрьский разговаривал по ВЧ с Москвой.

— Чьи самолеты? — спросил я у Кулакова.

— Наверное, немецкие, — ответил он и протянул мне телеграмму наркома, адресованную Военному совету. В ней сообщалось: «В течение 22 и 23 июня возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с

провокационных действий. Наша задача не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности, встретить внезапные удары немцев или их союзников. Приказываю: переход на оперативную готовность № 1 тщательно маскировать. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особых распоряжений не проводить. Кузнецов».

— Как видите, — сказал Кулаков, — нас уже бомбят. Это не провокация, а самая настоящая война.

Раздвинув шторы, мы выглянули на балкон. Небо бороздили, нити трассирующих пуль, прорезали лучи прожекторов. То и дело вспыхивали белые кулачки разрывов снарядов — зенитные батареи с берега и с кораблей вели огонь по врагу.

— Хорошо встретили! — проговорил Кулаков, и в голосе его чувствовалась гордость за флот.

Наше внимание привлек разговор командующего флотом по ВЧ.

Необычно резким голосом Октябрьский говорил:

— Да, да, нас бомбят…

Раздался сильный взрыв, в окнах задребезжали стекла.

— Вот только сейчас где-то недалеко от штаба сброшена бомба, — возбужденным голосом продолжал Октябрьский.

Мы переглянулись.

— В Москве не верят, что Севастополь бомбят, — приглушенно произнес Кулаков.

А в штаб флота оперативному дежурному с постов связи, с батарей и кораблей доносили: в лучах прожекторов видны сбрасываемые парашютисты. Моргунов доложил, что недалеко от 12-й батареи береговой обороны сброшено четыре парашютиста.

— Усилить охрану штаба! — приказал Рыбалко.

Вскоре выяснилось, что с неопознанных самолетов на парашютах сбрасывались не люди, а мины. Освещенные лучами прожекторов, они принимались сначала за парашютистов. Оказалось, что во время разговора командующего флотом по ВЧ разорвалась не бомба, а мина, упавшая вблизи памятника затопленным кораблям.

После налета вражеской авиации пришло донесение с Дунайской военной флотилии: на рассвете, в 4 часа 45 минут, с румынского берега и полуострова Сату-Ноу был открыт артиллерийский и пулеметный огонь по советскому берегу, портовым сооружениям Измаила и кораблям Дунайской военной флотилии. Дунайцы ответили огнем по румынскому берегу и полуострову, и к 6 часам 30 минутам огневые точки противника

были подавлены.

Нас обрадовали эти известия: они говорили о том, что Дунайскую военную флотилию, как и главную базу флота, враг не застал врасплох.

Узнав, что в районе Приморского бульвара и на улице Подгорной взорвались мины, я пошел туда, размышляя о всем виденном и слышанном.

Около Приморского бульвара окна в домах были выбиты, под ногами хрустели осколки стекла. Некоторые дома, и особенно здание филиала Института физических методов лечения имени Сеченова, повреждены взорвавшейся вблизи миной. Среди больных, находившихся на излечении, насчитывалось много контуженных и раненых.

Мина упала в воду у памятника затопленным кораблям. У берега было мелко, и она взорвалась. Но памятник с орлом, распластавшим свои могучие крылья, — символ славы Черноморского флота — не пострадал. На берегу и в воде валялись лоскуты светло-зеленого парашюта.

На Подгорной улице был полностью разрушен жилой дом. От того же взрыва получили повреждения и дома на улице Щербака, расположенной рядом. Создавалось впечатление, будто в эти дома стреляли из пушек прямой наводкой. Во многих домах вылетели не только стекла, но и рамы.

Среди мирных жителей Севастополя появились первые жертвы — 30 человек убитых, 200 раненых и контуженных.

Своевременное затемнение Севастополя и огонь зенитных батарей и кораблей помешали вражеской авиации более точно заминировать фарватеры, чтобы воспрепятствовать выходу кораблей из бухты и парализовать активные действия флота.

С утра подразделения охраны водного района приступили к тралению подходов с моря.

Это было тяжелое утро — первое утро Великой Отечественной войны. Война — и еще не война: не было никаких официальных сообщений о нападении. Где-то в глубине души теплилась крохотная надежда: а вдруг то, что случилось в Севастополе, только провокация фашистов…

Я стоял на Графской пристани и глядел на тральщики, впервые вышедшие на боевое траление, на ощетинившиеся палубы кораблей, на суровые лица командиров, направляющихся прямо с барказов и катеров в штаб за дополнительными указаниями. Снова восстанавливал в памяти быстро пролетевшую ночь — и стало беспощадно ясно: война!

В тот же день мы получили из Москвы официальное сообщение о вероломном нападении германского фашизма на

нашу Родину.

Повсюду в частях и на кораблях прошли митинги. Командиры и краснофлотцы клялись защищать Родину до последней капли крови, сражаться с врагом так же, как сражались отцы в гражданскую войну. «Наше дело правое — мы победим» — было на устах у всех. Однако всей глубины опасности, которая нависла над Родиной, многие из нас тогда еще не представляли.

* * *

С утра я все собирался съездить в зенитную батарею, сбившую вражеский самолет. Но немалую трудность представляло выяснить, какой именно батарее принадлежит честь первой уничтожить фашистского налетчика. Ни заместитель командира по политчасти 61-го зенитного полка Шпарберг, ни начальник штаба ответить на этот вопрос не могли. В самом деле, с батарей и наблюдательных постов видели не один уходящий в сторону моря и резко снижающийся с черным шлейфом дыма самолет, освещаемый десятками лучей прожекторов. К каждому самолету тянулись трассы зенитного огня с десятков зенитных батарей с берега и кораблей, и определить, какая из батарей сбила врага, было решительно невозможно. Краснофлотцы, командиры и политработники каждой батареи были уверены, что сбили именно они. («Не может быть, чтобы мы мазали. Наши снаряды наверняка угодили в самолет».)

Многие, однако, считали более вероятным, что самолет сбила 78-я зенитная батарея, расположенная на Северной стороне. Туда я и поехал. И у командира батареи лейтенанта Зернова, и у его заместителя по политчасти политрука Тарасова, и у всех краснофлотцев настроение было приподнятое, боевое.

Когда лейтенант подал команду стрелять по самолету боевыми снарядами, рассказывали мне краснофлотцы, сначала решили, что это обычное учение и сейчас же, как только будет проверена готовность, последует отбой. Но его не последовало.

— А морально к боевым действиям мы были готовы, — говорил мне Тарасов. — Сообщение-то ТАСС сообщением, но ведь мы заметили и другое: через три дня после этого сообщения — в «Красном черноморце» передовая «За мгновенную боевую готовность зенитных подразделений», в следующем номере опять передовая — «Связь в подразделениях ПВО должна работать отлично». Сначала удивились — слишком неожиданно такое внимание именно к нам, зенитчикам, а потом поразмыслили — да ведь это не случайно.

И тогда же обсудили обе передовицы со всем личным составом.

— Когда обсуждали эти передовицы, — сказал секретарь комсомольской организации краснофлотец Иван Шатохин, — командир и политрук нам втолковывали, что нам, зенитчикам, первыми открывать огонь по врагу. Так мы и действовали…

Тут политрук Тарасов рассказал, как война помешала Шатохину съездить домой. Ему предоставили очередной отпуск, провели заседание бюро и на это время обязанности секретаря комсомольской организации возложили на члена бюро младшего сержанта Пачкалова. Поскольку поезд уходит рано утром, когда еще только начинают ходить катера, Шатохин отправился на вокзал вчера с вечера.

Я посочувствовал Шатохину. И он рассказал, как сорвалась его поездка. На вокзале он услышал сигнал большого сбора. Командиры и краснофлотцы, вместе с ним ожидавшие поезд, решили, что опять начинается учение. А через несколько минут из репродуктора послышалось: «Всем военнослужащим возвратиться на корабли и в части».

— Мне стало не по себе, — говорил Шатохин. — Настроился побывать в своем Донбассе, у родных, в своей шахте — а тут учение. Сразу на ум пришел доклад полкового комиссара о международном положении. Он сказал тогда, что обстановка грозная, придется, видимо, воевать с фашистами, а я подумал: успеть бы побывать дома — тогда и воевать не страшно. И вот вижу: побывать-то дома не удастся, надо бежать на батарею. И все, кто был на вокзале, подхватили чемоданы — и на Графскую, а там уже катера ждут…

Когда Шатохин вернулся на батарею, она уже вела огонь по воздушному противнику. Не мешкая, включился в дело и он.

* * *

Вечером я говорил по ВЧ с Иваном Васильевичем Роговым. Мне нужно было доложить ему о происходящем и уточнить свои задачи в связи с начавшейся войной. Кроме того, я высказал ему желание остаться на действующем флоте.

— Учтите сами и подскажите товарищам, что в такой обстановке не исключено распространение ложных слухов и паники. Нужно пресекать их. До моего приезда в Севастополь оставайтесь на флоте. О вашей дальнейшей службе решим на месте. Побывайте в авиации, — сказал он, заканчивая разговор, и, помолчав, добавил: — О семье не беспокойтесь.

Я ни слова не говорил ему о семье, хотя и порывался сказать.

«Как понять фразу: «Побывайте в авиации»? Почему авиация, а не корабли?» — думал я, направляясь на командный пункт флота.

КП перешел в специально оборудованное помещение на берегу Южной бухты у Каменной пристани. Скала защищала его слоем твердого грунта толщиной более 30 метров. Здесь разместился Военный совет, начальник политуправления и начальник штаба флота.

В помещении чувствовалась большая влажность. Вытяжная и нагнетательная вентиляция была настолько малодейственна, что пришлось поставить электрогрелки, подсушивавшие стены. Дышалось тяжело.

У Кулакова я застал Бондаренко. Оба — с осунувшимися, озабоченными лицами. Я передал им свой разговор с Роговым.

Кулаков сказал, что вечером в Карантинной бухте подорвался на мине морской буксир СП-12. Катера, вышедшие к месту его гибели, подобрали 5 человек, остальные 26 погибли. Это были первые жертвы войны от магнитно-донных мин, тогда еще нам не известных. Их ставила немецкая авиация при налете на Севастополь.

Здесь же я узнал, что Военный совет флота получил приказание нанести удар с воздуха по Констанце и Сулину, уничтожить портовые сооружения, корабли, склады, нефтебаки и железнодорожное депо. Стало понятно, почему Рогов советовал побывать в авиации.

Ночевали мы с Бондаренко в палатке рядом с командным пунктом.

Несмотря на усталость, долго не могли уснуть. Каждый думал о своем и вместе с тем об одном и том же: как сложится судьба Родины.

На рассвете за мной заехал начальник отдела политической пропаганды военно-воздушных сил флота бригадный комиссар М. Г. Степаненко. Перед тем как ехать в 63-ю авиабригаду, стоявшую в Сарабузе, мы познакомились в штабе ВВС с планом бомбового удара по Констанце и Сулину. В момент нашего разговора первая группа 63-й авиабригады с грузом фугасных и зажигательных бомб была уже на подходе к Констанце.

— Это наш ответный визит за вчерашний налет вражеской авиации, — сказал начальник штаба ВВС Калмыков.

За пятьдесят минут мы доехали до Симферополя.

Город преобразился. Окна многих домов уже были накрест перечеркнуты полосками бумаги. Привокзальная площадь стала необычно многолюдной.

В течение двух дней сюда собирались все, для кого так неожиданно оборвался отпуск. Люди старались любым способом уехать к семьям, на места службы.

В Сарабуз мы приехали, когда первая группа бомбардировщиков уже вернулась с задания. Но на аэродром не возвратились два бомбардировщика. В экипажах самолетов, вернувшихся из боевого полета, были и раненые. Нам рассказали, что на обратном пути после бомбежки некоторые экипажи 5-й эскадрильи наблюдали, как самолет старшего лейтенанта Чернышева пошел на снижение в северо-восточном направлении. Видевших это успокаивало то обстоятельство, что самолет шел на снижение не резко и без дыма. Но на неоднократный вызов по радио самолет не отвечал. В штаб пришло донесение о том, что разбитый самолет СБ обнаружен западнее Зуи.

К сообщениям о погибших, раненых, не вернувшихся в строй привыкнуть на войне вообще нельзя. Но эти первые жертвы, первые горькие сводки переживались особенно остро.

В тот день мы побывали на разных аэродромах бригады, беседовали со многими летчиками, штурманами и стрелками-радистами, летавшими бомбить вражеские базы и аэродромы.

Экипажи воздушных кораблей и технический состав находились у своих самолетов, кое-кто подсчитывал пробоины. Редкий самолет не имел хотя бы небольшого повреждения. У одних были помяты баки, кабины, у других — пробоины в плоскостях, следы пулеметных очередей.

Летчики отвечали на вопросы кратко, не вдаваясь в подробности:

— Бомбы донесли и сбросили над целью.

— Старался отбомбиться, как на полигоне.

— Нас обстреляли методом завес. Зенитная артиллерия расположена у них вкруговую.

— Нас атаковали «мессершмитты» методом «сзади-сверху».

Легкораненые, участвовавшие в первой бомбежке, упрашивали не отправлять их в госпитали. С тяжелоранеными перед их отправкой в тыловые госпитали прощались всеми экипажами. Один за другим к раненому товарищу молча подходили летчики, техники, штурманы, стрелки-радисты. Молча жали руку и молча, нахмурившись, готовые снова подняться в воздух, отходили.

Я видел, как прощались товарищи со стрелком-радистом Смирновым. У него был раздроблен подбородок, и он не мог говорить. Прощаясь с друзьями, он каждый раз, лежа на спине, поднимал обе руки вверх, к небу, словно просил: поднимитесь туда, отомстите…

Со многими прекрасными летчиками и штурманами познакомился я в тот день. Командиром звена начинал тогда свой боевой путь один из лучших летчиков, воевавших на Черном море, Герой Советского Союза И. Е. Корзунов. Он закончил войну командиром воздушной дивизии, а сейчас генерал-лейтенант авиации.

Еще дорогой Степаненко хвалил штурмана 4-й эскадрильи капитана Толмачева, который на учебном полигоне всегда бомбил на «отлично». Меня заинтересовало, как он отбомбился в боевой обстановке.

На аэродроме во Владиславовке нас встретили заместитель командира полка майор Н. А. Токарев, еще в советско-финляндскую войну получивший звание Героя Советского Союза, и командир 4-й эскадрильи капитан П. Ф. Семенюк.

Токарев доложил, что с боевого задания вернулись все самолеты, потерь не было. Я спросил у Семенюка, как отбомбился Толмачев.

— Он водил девятку, — ответил командир эскадрильи. — Отбомбился прекрасно. Проявлена фотопленка, она подтверждает эту оценку.

Часа через полтора я увидел самого Толмачева и был несколько удивлен: у меня успело сложиться представление о многоопытном, умудренном жизнью летчике, а встретил совсем юношу — с мягкими чертами лица, добрыми и ясными глазами. Через десять дней я узнал, какой характер скрывается за этими привлекательными чертами.

Во время налета нашей авиации на румынские мониторы под Тульчей самолет Семенюка, на котором Толмачев был штурманом, атаковали два «мессершмитта». Во время первой атаки заглох левый мотор самолета. После второй атаки Толмачев заметил: руки Семенюка выпустили штурвал. Лицо командира было бледно, по лицу текла кровь. Самолет, лишенный управления, резко пошел в пике. Толмачев взял управление на себя и начал выравнивать самолет. И тут он почувствовал острую боль в спине. Силы покидали его. В полусознательном состоянии дотянув машину до подходящего для посадки места недалеко от Измаила, штурман пошел на посадку прямо в поле. Когда раненый стрелок-радист Егоров дотянулся до него, чтобы перевязать, Толмачев уже потерял сознание. А месяц спустя он уже снова летал бомбить боевые порядки противника на подступах к Одессе. Мне довелось вручать ему потом орден Ленина и орден Красного Знамени, а в 1943 году Александр Толмачев был удостоен звания Героя Советского Союза.

* * *

Из Сарабуза мы выехали поздно. Возвращались через затемненный Симферополь. К вокзалу подходили и подъезжали первые группы мобилизованных для отправки к местам назначения.

Машину покачивало. Усталость брала свое, и мы со Степаненко переговаривались все реже и реже. Стали дремать, вздрагивая от резких толчков на крутых поворотах. Проехав Бахчисарай, шофер остановил машину.

— В чем дело? — спросили мы сквозь дрему.

— Слышен артиллерийский гул, и светлый кусок неба виден в направлении Севастополя, — ответил он.

Выбравшись из Бельбекской долины, мы увидели в том направлении множество лучей прожекторов, рыскающих по небу. Временами лучи сходились в одну точку, потом снова расходились в поисках воздушного врага. Доносился глухой гул артиллерийской канонады. Вначале разрывов снарядов почти не было видно, но, внимательнее присмотревшись, можно было заметить, что в небе словно кто-то непрерывно пытался зажигать спички, а ветер не давал разгораться огонькам и гасил их. По этим вспышкам и гулу можно было судить о борьбе между вражеской авиацией и нашими зенитными батареями, развернувшейся в Севастополе.

Было почти совсем светло, когда мы въезжали в Севастополь. Нас остановил патруль, проверил документы и предупредил, что отбоя воздушной тревоги еще не было.

Потом я выяснил, что вражеская авиация сбрасывала ночью донные неконтактные мины, а для отвлечения внимания зенитной артиллерии и наблюдательных постов бомбила Любимовку, Учкуевку, Бельбек и Мамашай.

В целях своевременного обнаружения и определения мест постановки мин самолетами противника штаб охраны водного района организовал береговые и плавучие посты противоминного наблюдения. Во время налетов вражеских самолетов зенитные батареи с берега и кораблей вели огонь, а посты противоминного наблюдения непрерывно следили за маневрированием самолетов, за сбрасыванием мин и определяли траектории их падения, фиксировали места и время приводнения мин.

ОВРом решался главный вопрос: фарватер должен быть чист!

С кораблей, катеров, шлюпок и с береговых постов наблюдатели установили в эту ночь, что четыре мины упали на внешнем рейде в районе Константиновского буя. Зенитные батареи сбили с боевого курса вражеские самолеты, и часть мин

упала на сушу. Две мины взорвались на территории 1-й бригады торпедных катеров у Карантинной бухты и разрушили пирс. Одна упала в районе Херсонесского музея. Она не взорвалась, и ее взяли под охрану, чтобы изучить устройство приборов и механизмов немецких неконтактных мин.

Минеры бесстрашно вступили в единоборство с неизвестными им дотоле минами. Разгадав их технические особенности, минеры стали настойчиво изыскивать средства борьбы с ними. Разоружение мин противника, разрядка взрывных устройств (магнитных замыкателей) позволили создать эффективные средства траления (уничтожения) мин. Это была трудная и опасная работа, унесшая немало жизней мужественных минеров, и продолжалась она длительное время.

Севастопольцам не забыть подвига капитан-лейтенанта Г. Н. Охрименко, который в тяжелых условиях осады Севастополя весной 1942 года освоил водолазное дело, чтобы изучить поставленные немцами комбинированные магнитно-акустические мины. При помощи опытного водолаза Викулова он приступил к разоружению мины под водой.

Водолазный бот подвергся артиллерийскому обстрелу и получил повреждение, в команде бота появились раненые, но работа не прекращалась. В сложных условиях, рискуя жизнью, люди трудились над разгадкой секретов мин противника.

При разоружении мин погибли флагманский минер Новороссийской военно-морской базы старший лейтенант С. И. Богачик, инженер Б. Т. Лишневский, минеры М. И. Иванов, И. А. Ефременко, И. И. Иванов, был тяжело контужен один из опытнейших минеров капитан-лейтенант А. И. Малов.

24 июня во второй половине дня на флагманском командном пункте стало известно, что у Константиновского буя подорвался и затонул на переходе 25-тонный подъемный плавучий кран. Катера ОВРа вышли туда, но спасти удалось лишь четырех человек. По их рассказам, 10 человек из команды крана погибли в момент взрыва. Уцелели только те, кто находились в этот момент на верхней палубе. Взрывной волной их сбросило с палубы крана за борт, потом их подобрали катера.

Через несколько дней при выходе из главной базы в море на Инкерманском створе подорвался эсминец «Быстрый», направлявшийся на ремонт в Николаев. Донная неконтактная мина взорвалась под полубаком. Это вызвало большие повреждения днища в подводной носовой части корпуса корабля. Командир корабля капитан 2 ранга С. М. Сергеев решил сохранить корабль на плаву и повел его к отмели.

Когда мы направились на катере к месту подрыва «Быстрого»,

навстречу попадались катера, идущие к Морскому госпиталю с ранеными и контуженными с эсминца.

Так мы расплачивались за недостаточную подготовку к минной войне. На флоте не оказалось тралов для траления весьма сложных по устройству магнитных неконтактных мин, принятых на вооружение у немцев.

Общими усилиями минеров флота, инженеров Испытательного минно-торпедного института и инженеров судостроительного завода был создан магнитный трал. Командир ОВРа контр-адмирал В. Г. Фадеев приступил к тралению неконтактных мин кораблями своего соединения. Его первым помощником в работе явился начальник политотдела ОВРа полковой комиссар Н. А. Бобков.

Однажды, когда вместе с Бобковым мы направлялись к месту стоянки катеров-тральщиков, нас догнал заместитель командира 1-го дивизиона катеров-охотников полковой комиссар П. Г. Моисеев и воскликнул:

— У меня новость!

Он рассказал, что вернулся с моря, куда выходил со звеном сторожевых катеров в противолодочное охранение отряда кораблей. Маневрируя, один из катеров сбросил несколько глубинных бомб. Через короткий промежуток времени после взрыва одной бомбы вблизи его последовал необычайной силы подводный взрыв, поднявший вверх колоссальный столб воды.

Тщательно сопоставив данные об этом взрыве, в штабе ОВРа пришли к заключению, что его место совпадает с засеченным местом мины, сброшенной с самолета противника в один из ночных налетов.

Сосредоточенное лицо Бобкова при этом прояснилось: он понял, что найден еще один способ борьбы с минами. Оказывается, донные неконтактные мины детонируют от взрыва вблизи их корпуса. И ОВР главной базы включил в систему траления только что открытый способ уничтожения мин глубинными бомбами.

Позже, во время обороны Одессы, мы уже знали, как бороться с мифическими минами противника, не поддающимися якобы тралению.

Воевать тем оружием, которое есть…

В конце июля 1941 года Приморская армия Южного фронта занимала оборону по Днестру — от Тирасполя до побережья Черного моря. Правее ее, на широком фронте по Днестру, оборонялась 9-я армия. 11-я немецкая и 4-я румынская армии наносили удар в стык между ними. Подтянув три свежие пехотные дивизии — две румынских и одну немецкую, — противник переправился на восточный берег Днестра в районе Дубоссар и пытался развить успех в восточном и юго-восточном направлениях.

Как раз в эти дни в Севастополь прилетел Иван Васильевич Рогов. Мне пришлось бывать с ним на кораблях, в частях и на аэродромах. А перед отъездом в Москву Рогов объявил, что оставляет меня здесь в качестве заместителя начальника политуправления флота.

В первых числах августа Военный совет Черноморского флота поручил мне выехать в Николаев, Одессу и Очаков проверить, как выполняются на месте указания наркома и Военного совета флота об организации обороны, и оказать практическую помощь политорганам.

В связи с напряженной обстановкой на Южном фронте и отходом наших армий еще 27 июля были получены указания наркома: Одессу не сдавать, независимо от положения на сухопутном фронте.

Военный совет Черноморского флота потребовал от командира Одесской военно-морской базы контр-адмирала Г. В. Жукова: немедленно приступить к созданию сухопутной обороны, работать круглосуточно, запретить эвакуацию воинских частей, а в Севастополь отправить только то, что не нужно для обороны.

Контр-адмирал Г. В. Жуков

О своем отъезде я доложил по телефону ВЧ начальнику Главного политического управления. Рогов просил сообщить из Одессы или Николаева о положении дел там.

Я взял с собой пистолет, положил в машину карабин, четыре гранаты и рано утром выехал.

В Симферополе бросились в глаза желто-зеленые грязные полосы маскировки на домах, обитые досками и заваленные мешками с землей витрины магазинов.

К 18 часам подъехал к Днепру, где была переправа в Херсон. Ясно стало, что отступление Южного фронта продолжается. По дорогам гнали гурты скота, арбы, нагруженные бидонами, вещами, — перебирались в глубокий тыл молочные хозяйства. Попадались тракторы, комбайны, другие сельскохозяйственные машины, на них виднелись мешки и узлы с разным скарбом. Расспросил — бессарабцы.

В сумерках я погрузился на паром. Кроме моей машины, на пароме ничего не было: все шло оттуда, только я — туда.

— Ваша «эмка» первая за весь день, — сказал старик паромщик. — А отсюдова, — он показал рукой на запад, — и люди, и машины, и повозки. А скота сколько переправили — счету нет. Неужто так силен немец, — продолжал, хитро глядя на меня, паромщик, — что наши не могут в себя прийти? В четырнадцатом году, помнится, в ту войну, немцу свободного ходу не было. Страсть, что беженцы рассказывают.

Паром шел тихо. Было прохладно. В воде покачивались звезды.

— Ты, видать, большой начальник. Чего ж молчишь?

Я и сам не допускал мысли, что враг может оказаться за

Днепром.

Старик, видно, надеялся, что я его успокою, скажу: потерпи, мол, немного.

— Остановим, — глухо сказал я.

На пристани, к которой мы подошли, было темно. Молча съехал с парома. Люди, повозки, машины заполняли площадь и прилегающие к ней улицы. Где-то в стороне ревел сбившийся в кучу скот.

— Ну, отец, прощай! — Я пожал паромщику руку. — Недельки через две ворочусь.

— Место для машины будет. Можете не беспокоиться.

В его тоне было что-то покровительственное.

Выехав на Николаевскую дорогу, мы свернули с шоссе, чтобы перекусить.

— Ну как, Гриша? — спросил я шофера.

— Не мешало бы хоть часок вздремнуть, — сказал он неуверенно, — день будет трудный.

— Спи!

Он откинулся на сиденье и тотчас захрапел.

Я тоже прилег в машине, но долго не мог уснуть. В ушах стоял людской гомон, рев скота. Перед глазами проплывали арбы, сидящие на них женщины, дети, старики с серыми от пыли и горя лицами.

Незаметно для себя уснул и я. Проснулись оба от шума идущих невдалеке машин. Двигалось какое-то войсковое хозяйство.

Я вышел к дороге, поднял руку. Машина остановилась.

— Где старший колонны? — спросил я у шофера.

— На третьей машине, — сказал он, — начальник и комиссар.

Увидев меня, из кабины выскочил батальонный комиссар. Заметив, наверно, на моем рукаве нашивку бригадного комиссара, поприветствовал.

Я достал удостоверение, подал ему. Он взял, перелистал, взглянул в сторону «эмки», въезжавшей на дорогу, спросил:

— Ваша?

— Да.

Батальонный комиссар представился. Он был из какого-то управления или отдела тыла 9-й, не то 18-й армии. Я плохо его слышал, но переспрашивать не стал.

— Еду в Николаев. Какая там обстановка?

— Горит. Много жертв. Бомбят вот уже сутки.

— Это хозяйство вашей армии? — спросил я, показывая на машины.

— Нет, здесь части войскового хозяйства 9-й и 18-й армий.

— А куда же вы уходите? — спросил я.

— Этого мы не можем сказать, — ответил батальонный комиссар.

По сдержанности ответов я понял: наш разговор продолжается только потому, что я старший по званию.

— Какова обстановка на фронте? — опять спросил я.

— Сводок мы не получаем, — нехотя проговорил батальонный комиссар. — Все по-прежнему — отходим. А где будем останавливаться, сами не знаем.

Мы сухо простились.

Вскоре навстречу стали попадаться санитарные машины, повозки с ранеными. Среди них были женщины и дети. Повязки пропитаны кровью, покрыты темно-бурой пылью.

Подъезжая к Николаеву, я впервые увидел группы идущих без оружия красноармейцев. Я остановился, вышел к ним из машины. Кое у кого не было и петлиц на гимнастерках.

— Среди вас командиры есть? — спросил я.

На мои слова никто не обратил внимания. Красноармейцы продолжали идти. Я подошел к ним вплотную и повторил вопрос.

Несколько голосов одновременно ответили:

— Мы командиров своих давно не видели.

Я все же попытался выяснить у них, при каких обстоятельствах они отбились от своих частей и очутились здесь, на дороге в Херсон, вместе с беженцами.

Красноармейцы отвечали неохотно, коротко:

— Отходили. Утром сказали, что в окружении и нужно мелкими группами пробираться на восток. Вот мы и пробираемся.

Моя попытка выяснить какие-либо подробности не увенчалась успехом.

— Да что он допытывается? — услышал я чей-то голос. — Подъедет к фронту — спрашивать не будет, сам все увидит.

— А где ваше оружие? — не отставал я.

— А у нас его и не было, — зло ответил пожилой красноармеец. Вид у него был мрачный. Видимо, давно не брился, отрастил бороду. Борода покрылась толстым слоем пыли, рыжие брови зло нахохлились.

— Как это не было? Вы же отходите с фронта? — недоумевал я.

Наконец узнал, что эти люди были призваны из запаса, около недели проходили подготовку, а потом их отправили на пополнение, но, прежде чем они доехали до места назначения, эшелон разбомбили немцы.

— А оружие у нас отобрали у Варваровки, на переправе.

Ваши, моряки.

— Как же вы отдали оружие?! — возмущенно, едва сдерживая себя, спросил я.

— Не было командира. Нас признали неорганизованными бойцами и отобрали…

— А как же вы очутились здесь, на дороге в Херсон?

— После воздушного налета собрались и пошли из города.

И бредут на восток неизвестно куда, неизвестно кто — не гражданские уже, и еще не военные.

— Бежим от немца, проклятого богом и людьми, — глухо проговорил пожилой красноармеец.

Эта встреча оставила у меня гнетущее впечатление. Что же будет дальше? — с беспокойством думал я.

Из города непрерывным потоком двигались машины, повозки — и никаких регулировщиков. Нам приходилось останавливаться и пропускать этот поток.

Над северо-западной частью города стелился дым. На улицах пригорода — свежие следы воздушного налета. В развалинах домов копаются люди. В разных направлениях идут разрозненные группы бойцов.

В штабе Николаевской военно-морской базы дежурный проверил мои документы. Из кабинета навстречу мне вышел командир базы контр-адмирал И. Д. Кулешов.

— Вот и хорошо, что не поспешили, — были его первые слова. — Вчера у нас очень тяжелый день был, да и ночь не лучше: первый массированный налет…

Подошел комиссар базы полковой комиссар И. Г. Бороденко. Я знал его немного по академии.

— Вчера еще вас ждали… — сказал он, здороваясь.

Кулешов и Бороденко рассказали о налете вражеской авиации, о причиненных городу разрушениях и жертвах. От них я узнал, что по кораблям, отправляемым в Севастополь, попаданий нет. На строящихся же кораблях остается около 700 моряков, не имеющих оружия. Я спросил, правильно ли, что моряки отбирают оружие у идущих в тыл красноармейцев.

— А что же нам остается делать, если иначе его неоткуда взять? — вопросом на вопрос ответил Бороденко.

Я предложил прервать наш разговор до вечера и пригласил Бороденко поехать со мной в части.

— Я немного вас задержу, — сказал Кулешов и познакомил меня с первой полученной им из штаба фронта оперативной сводкой. Из нее я узнал, что противник занял мотомеханизированными частями Балту, Первомайск, Кировоград.

Эта тревожная сводка сильно взволновала меня. И снова, как недавно на «Красном Кавказе», пришлось собрать волю, чтобы сохранить самообладание и не выдать внутреннего волнения здесь и в частях.

Мы поехали к переправе, соединяющей Варваровку с городом. Навстречу двигалась масса машин и повозок — исключительно военных. Среди них было очень трудно пробираться — мы вышли из машины и пошли пешком. В воздухе барражировали наши истребители. С возвышенности у берега было видно, как, плотно прижавшись друг к другу, по плавучему мосту двигались машины и повозки. При выходе с моста образовался затор. Там почти неподвижно стояли клубы пыли, до нас доносился многоголосый шум.

Справа от моста на баржах и понтонах через Южный Буг переправлялись орудия, тягачи, тракторы. Погрузка и разгрузка производилась при помощи подъемных кранов.

— Чтоб не сорвать погрузку и разгрузку, — пояснил Бороденко, — рабочие не уходят домой, работают, не считаясь со временем. Мало того что переправляют технику отходящих воинских частей, — приспособили плавучий док судостроительного завода и перебрасывают в Николаев паровозы, строят бронепоезда.

Мы не стали переправляться на тот берег и поехали в пулеметный батальон.

Встретил нас командир батальона капитан Алексеев. Комиссара не оказалось: он обходил пулеметные точки, выставленные для прикрытия переправ.

Алексеев доложил, что батальон обеспечен всем и готов выполнить любую задачу. У меня отлегло от сердца.

Капитан помолчал и вдруг, замявшись, спросил:

— На всех нас удручающе действует хаотичность отступления… Мы уйдем из Николаева?

— Военный совет требует оборонять город. Если же вынуждены будем уходить, то — последними, — ответил я.

— Мы выполним свой долг до конца, — сказал комбат, прощаясь.

Мы поехали во флотский экипаж, в городок имени Фрунзе, где формировался морской полк. Здания там были разрушены. Лениво пробиваясь сквозь расщелины развалин, поднимался дымок.

Комиссар формируемого полка полковой комиссар Гвардиянов сразу же стал жаловаться на плохое вооружение:

— Автоматов нет, винтовки — учебные, с заделанными дырами. Разве с такими винтовками можно воевать?

— Доложите о винтовках, — попросил я комиссара базы.

— Вы лучше меня знаете положение дел с оружием, — сказал Бороденко. — У нас было пятьсот учебных винтовок. Все — с просверленными дырками в патроннике. По нашей просьбе завод принял заказ на заделку дырок. Большую часть винтовок удалось ввести в строй. Испробовали на стрельбище — оказались годными. С такими винтовками воевать можно.

— Мы воевать будем, но дайте нам оружие, — бросил реплику Гвардиянов.

— Что вы предлагаете? — спросил я у него.

Он смутился.

— Нужно воевать тем оружием, которое есть, — твердо сказал я. — Будет другое — получите.

— Я понимаю, — нахмурился Гвардиянов, — но без оружия все же нельзя воевать.

Он был прав и не прав. Но выхода не было. Враг наседал, а оружие еще не поступило.

Возвращаясь, мы с Бороденко решили привлечь командиров штаба и политработников к задержанию разрозненных групп бойцов из отступающих войск, всех задержанных направлять в экипаж и там формировать из них отряды.

Вечером я встретился в штабе с контр-адмиралом Кулешовым. Он показал мне телеграмму, посланную им в Военный совет Черноморского флота: «…По распоряжению Военного совета Южного фронта для защиты Николаева создана дивизия тылового ополчения. В дивизии десять полков, но так как оружия в Николаевской военно-морской базе нет, просим Военный совет флота выслать 11 000 винтовок, а также пулеметы Максима, Дегтярева».

— Нам ответили, — сокрушался Кулешов, — оружия нет. До этого мы обращались в округ и в Военный совет Южного фронта… Везде отказ. И все же мы готовимся к обороне: закончили оборудование батальонных оборонительных узлов по берегу Буга, начали строить дзоты по Ингулу. На подходе к варваровской переправе вырыли два противотанковых рва, на окраинах города роются окопы, на заводе оборудуются два бронепоезда.

Кулешов сжал рукой аккуратно подстриженную бородку и задумался. Я догадывался, о чем он думает. Еще по дороге в штаб Бороденко рассказал мне, как переживает Кулешов обвинение в паникерстве и намерении сдать Николаев врагу, брошенное ему командующим флотом.

— Дело было так, — рассказывал Бороденко. — Получив указания ЦК, обком и горком приступили к подготовке эвакуации

города. На судостроительных заводах были разработаны планы эвакуации, и во второй половине июля приступили к их реализации. Намечен был и план уничтожения всего того, что невозможно вывезти в случае отхода частей Красной Армии. Зная об этой подготовке и исходя из обстановки, мы с командиром базы решили, что надо на всякий случай и нам продумать план эвакуации. За указаниями обратились к командующему флотом. Вице-адмирал Октябрьский ответил: «Вы уже собрались Николаев сдавать врагу. Требую прекратить разговоры, не допускайте паники, стройте оборону, драться будем, а не сдавать».

Обвиненный в намерении сдать Николаев врагу, Кулешов проявлял теперь беспокойство и не был уверен в том, что все его дальнейшие действия будут признаны правильными. Я сказал ему, что командование базы, на мой взгляд, действует правильно, о чем и доложу Военному совету.

Тогда Кулешов подошел к сейфу, достал папку и развернул ее. Я увидел приказ, написанный от руки, от 3 августа 1941 года:

«В целях усиления обороноспособности Николаевской ВМБ и сохранения имущества, могущего пострадать от бомбежки, приказываю начальнику тыла провести следующие мероприятия:

1. Боезапас максимально рассредоточить по частям и аэродромам.

2. Пулеметы, имеющиеся на складе, выдать на укомплектование 70 зен. арт. дивизиона, в том числе предназначенные для «Силина» и «Днепра». Винтовки СКР «Силин» выдать штабу Николаевской ВМБ. Флотские части снабдить по числу личного состава вещевыми мешками, лопатами, сумками для гранат и т. д.

3. Форсировать вывоз имущества из баз. Для вывоза использовать каждую оказию, идущую в Севастополь, Новороссийск и другие порты, восточной части Черного моря.

4. Затребовать у начальника тыла ЧФ необходимый водный транспорт для вывоза. При необходимости иметь железнодорожный транспорт, связаться с секретарем обкома по транспорту и через него добиваться предоставления необходимого количества вагонов.

5. К 12.00 4.08 доложить план уничтожения боезапаса, топлива, которое не будет вывезено. План должен быть совершенно конкретным: кто, где, чем и что делает.

6. В складах не держать оружия, все выдать частям базы.

7. К 4.08 оборудовать КП тыла в бомбоубежище на Ингульском спуске.

К 4.08 оборудовать КП по указанию начальника политотдела в бомбоубежище 361 или 362 батареи.

Сформировать из автотранспорта автоколонну в 100–150 машин для решения задач и переброски частей баз на угрожаемом направлении или вывоза имущества по обстановке. Срок 5 августа».

Подписан приказ был Кулешовым и Бороденко. Когда я прочитал его, Кулешов вопросительно посмотрел на меня, словно говоря: как с этим приказом быть?

— Приказ ваш, по-моему, правилен, — возвращая папку, сказал я ему.

Узнав о прибытии в город Военного совета Южного фронта, я решил встретиться с членом Военного совета армейским комиссаром 2 ранга А. И. Запорожцем, с которым перед поездкой в Севастополь меня познакомил в Москве И. В. Рогов.

Запорожец выглядел усталым, осунувшимся. Он посмотрел на меня и спросил:

— Как вы попали сюда?

Я объяснил ему и в кратких чертах доложил о всем виденном мной по дороге в Николаев и в самом Николаеве.

— Все, о чем вы говорите, я видел сам, — прервал меня Запорожец. — Ничего приятного не могу сказать. Отходим. Этот отход на многих действует угнетающе. Но есть целые дивизии, которые с первых дней войны ведут упорные бои. Отходя, они сдерживают натиск противника и при случае сами переходят в контратаки… Эти дивизии уже имеют небольшой боевой опыт… хотя они и отходят.

От него я впервые услышал похвалу 25-й Чапаевской дивизии, включенной в Приморскую армию.

Я попросил Запорожца для ориентировки ознакомить меня с положением дел на Южном фронте.

Он сказал, что в связи с неудачами, постигшими 6-ю и 12-ю армии, между Юго-Западным и Южным фронтами образовался промежуток, куда прорываются главные силы противника. В стык между 9-й и Приморской армиями севернее Тирасполя также прорвались крупные силы врага. Сдержать их не было возможности.

— Как видите, положение наше тяжелое, — подытожил Запорожец. — Фронта, как такового, нет. Части действуют, как правило, самостоятельно. В штабе фронта неустойчивая связь с армиями, нарушено управление. Я уж не говорю об управлении и связи с частями в армиях. Кроме того, нашему фронту Ставка переподчинила остатки 6-й и 12-й армий, оказавшихся отрезанными от остальных сил Юго-Западного фронта. Это создало дополнительные трудности. Связь с генералами Понеделиным и Музыченко поддерживается только самолетами.

Чтобы вывести части из окружения, надо прикрывать их, а на это не хватает сил и средств. Разрешения же на последовательный отвод войск не получено, как не получено и резервов.

Запорожец хорошо отозвался о действиях бронекатеров Дунайской флотилии, которые не только успешно прикрывали наши переправы, но и срывали попытки противника переправиться на левый берег Буга в районе Вознесенска.

В конце разговора Запорожец сообщил мне, что получена директива Ставки: «Одессу не сдавать, а оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот». Эта задача возложена на Отдельную Приморскую армию. Командующим назначен генерал-лейтенант Г. П. Софронов, членом Военного совета — начальник политуправления фронта дивизионный комиссар Ф. Н. Воронин.

Когда снова зашел разговор о Николаеве, я сказал Запорожцу, в каком трудном положении находится военно-морская база, и не успел попросить помочь базе, как он опередил меня:

— С оружием дело плохо. У нас большие потери. Фронт не может ничего выделить… Ничего…

Ночь прошла беспокойно. Авиация врага опять бомбила город. Лучи прожекторов метались по темному небу, разыскивая воздушного противника.

В день моего отъезда в Одессу я с огромной радостью узнал о славных делах летчиков 9-го истребительного авиаполка: за трое суток они в неравных боях сбили 19 самолетов противника, из них 9 «хейнкелей». «Бои только начинаются», — подумал я.

«Объявляется на осадном положении»

Опять, как и по дороге в Николаев, по направлению к Одессе мы не обогнали никого. Никто не обгонял и нас. Все шло на восток. Навстречу нам шли машины, тягачи с орудиями, повозки, встречались беженцы, толкавшие впереди себя тележки со скарбом и детьми.

Не доезжая села Нечаянное, мы увидели на обочине дороги обгорелые грузовики. Рядом лежали поломанные повозки и трупы лошадей. Вблизи дороги виднелись воронки от бомб, а чуть поодаль от них — свежий холм братской могилы.

Не успели мы выехать из Нечаянного, как над головой с воем и пулеметным треском пролетели «мессершмитты», обстреливая все, что двигалось. Воздушные пираты хозяйничали на дорогах.

В десяти шагах послышались стоны раненых. Мы остановились. К машине подбежал красноармеец.

— Санитарный пакет! — крикнул он.

Мы с Григорием отдали свои санпакеты и продолжали путь к Аджалыкскому лиману.

В Одессу въезжали уже под вечер.

Я был в городе впервые и очень обрадовался, когда на повороте у пропускного пункта к машине подошел командир в морском кителе и, поглядев на мои знаки различия, спросил:

— Бригадный комиссар Азаров?

Я подтвердил.

Это оказался помощник начальника политотдела Одесской военно-морской базы по комсомолу — политрук Симонов. Комиссар базы поручил ему встретить меня и провести в штаб и политотдел, которые перебрались с Торговой улицы, где размещались в мирное время, на 411-ю береговую батарею.

— Где начальник политотдела? — спросил я.

— В отъезде, — как-то нехотя ответил Симонов. — Мы его редко видим.

У входа в штаб я познакомился с капитаном 1 ранга Ивановым.

— Начальник штаба Одесской военно-морской базы, — представился он.

Я попросил его проводить меня к командиру базы.

Перед отъездом в Одессу я познакомился с личным делом контр-адмирала Жукова и узнал, что он участвовал в гражданской войне, воевал в Испании, был награжден орденами Ленина и

Красного Знамени, плавал на Балтике, командовал кораблями, а в конце 1988 года был назначен командиром Одесской военно-морской базы.

Когда мы с Ивановым вошли к нему в кабинет, Жуков разговаривал по телефону. Закончив, подошел ко мне и, поздоровавшись, спросил:

— Как дорога?

— Военная.

— Бомбит?

— Бомбит.

— Николаев будем сдавать?

— Не ясно… Оружия маловато.

— У нас тоже, — сказал Жуков. — Нужно признать, что перед войной мы не предусматривали оборону Одессы с суши и теперь в инженерном отношении совершенно не готовы. Вы ужинали сегодня? — неожиданно спросил он меня.

— Даже не обедал, — признался я.

— А я вас кормлю разговорами. Пойдемте поедим.

К ужину приехал комиссар Одесской военно-морской базы полковой комиссар С. И. Дитятковский. Мы встречались с ним в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. В 1936 году, на год раньше меня, Дитятковский окончил академию с отличием. А в Одессу приехал почти вместе с Жуковым. Оба они были членами Одесского обкома партии, депутатами областного и городского Советов, а Жуков — и кандидатом в члены ЦК КП(б)У.

За ужином Дитятковский рассказал, что делалось в порту. Особенно оживился, когда говорил о возвращении из Вознесенска нескольких эшелонов с оборудованием. Дальше они продвинуться не могли: враг перерезал железную дорогу.

— Многие рабочие и их семьи, прибывшие в порт для эвакуации, — восторгался он, — узнав о том, что Одессу решено не сдавать, а защищать до последнего патрона, отказались эвакуироваться. Забрали свои вещи и ушли, несмотря на возражения руководителей эвакуации. Их отказ сбил пыл с других, и это помогло нам организовать посадку на корабли без особых происшествий.

После ужина начальник штаба, военком и я собрались у Жукова.

— А где же начальник политотдела Кондратюк? — поинтересовался я.

— Он что-то киснет последнее время, — нахмурился Жуков.

Я сообщил товарищам о цели моей поездки сюда. Подтвердил решимость Военного совета флота независимо от положения на

сухопутном фронте сражаться за Одессу.

— Это не только приказ наркома, но и решение Ставки, — добавил я и рассказал о том, что ведется подготовка к созданию отряда кораблей Северо-западного района. В него намечено включить крейсер «Коминтерн», эсминцы «Шаумян» и «Незаможник», минный заградитель «Лукомский», дивизион канлодок в составе «Красного Аджаристана», «Красной Грузии», «Красной Абхазии» и «Красной Армении». В отряд войдут также 2-я бригада торпедных катеров, отряд сторожевых кораблей, дивизион тральщиков, болиндеры, несколько десятков шхун и другие малые корабли. Базирование отряда намечалось в Одессе и Очакове с подчинением его командованию Одесской военно-морской базы. Это обеспечит поддержку флангов сухопутных войск и оперативный режим в районе Одесской базы.

— Какая удивительно спокойная ночь! — заметил я при прощании.

Небо было безоблачным, крупные звезды чуть дрожали в вышине. Даже не верилось, что где-то рядом уже идет война.

— Эта тишина обманчива, — с грустью сказал Дитятковский. — В такую же ночь совсем недавно был совершен воздушный налет на город и порт.

В ту же ночь я узнал от Дитятковского об одном очень важном разговоре контр-адмирала Жукова с командующим Отдельной Приморской армией.

— Я ухожу со штабом и армией в Очаков, — сказал Софронов.

— А как же Одесса? — спросил Жуков.

— Одессу будете оборонять вы — моряки — и приданные вам части.

Жуков напомнил, что есть указания Военного совета Черноморского флота и наркома отстаивать Одессу до последней возможности.

— Мы не собираемся уходить из Одессы, — продолжал он. — Мы можем прикрыть ее с моря и поддержать огнем артиллерии и кораблей, но оборонять с суши не имеем сил.

— Я сообщил вам это для того, чтобы вы не рассчитывали на нас и готовились, — твердил Софронов.

А вскоре после этого разговора пришло решение Ставки об обороне Одессы с суши силами Отдельной Приморской армии.

Договорившись о поездке в части, расположенные на самых важных участках фронта, мы расстались далеко за полночь.

Перед выездом в район Аджалыкского лимана, где формировался 1-й морской полк, я встретился с работниками политотдела Симоновым, Лизуновым, Краевым, Потаповым,

секретарем парткомиссии Дольниковым и редактором базовой газеты Шварцманом.

Меня интересовали настроение людей в частях и работа политотдела по подготовке Одессы к обороне. И я получил радостные сведения. Люди не унывали. В ряде частей по два раза в день заседала парткомиссия: в трудные для Родины минуты моряки хотели идти в бой коммунистами. Все без исключения с энтузиазмом встретили решение драться до конца.

— Оружие! Дайте нам оружие! Остальное — за нами, — вот что говорили в один голос все, с кем мне приходилось встречаться в Одессе.

Теперь, оглядываясь на путь, пройденный нашей армией за годы войны, вспоминая дни победных боев на территории врага, когда одновременно работали тысячи орудийных стволов под прикрытием нашей замечательной авиации, я с горечью вспоминаю одну встречу, происшедшую по дороге в Аджалык. Несколько моряков первого полка остановили нашу машину. От них отделился политрук и, увидев наши знаки различия, немного смутился.

— В чем дело? — спросил Дитятковский, выходя из машины.

Я тоже вышел и увидел, что товарищи поддерживают краснофлотца в обгоревшей фланелевке, с рукой, забинтованной от кисти до плеча. Невдалеке от дороги горела арба.

— Разрешите доставить в госпиталь на вашей машине обожженного краснофлотца, — обратился политрук ко мне.

Получив разрешение, он сказал сопровождающим:

— Поаккуратнее, — и обернулся к нам.

Оказывается, бойцы 2-й роты 1-го морского полка тренировались в метании бутылок с горючей смесью по импровизированному танку — арбе. Во время тренировки и произошел несчастный случай.

— Мы имеем несколько сотен бутылок с горючей жидкостью, — пояснил политрук. — В них вместо стеклянной запальной пробирки с детонирующим составом применяется пакля. Боец должен вытащить пробку и вставить в горлышко намоченную в бензине паклю, но так, чтобы жидкость не выливалась. Потом надо паклю поджечь спичкой и успеть бросить бутылку в цель.

Я посмотрел, как бросали эти бутылки. Не все они долетали до цели. Бывало и так, что подожженная пакля гасла и горючая жидкость выливалась в полете.

— Скажите, а вы успеете бросить бутылку в идущий на вас танк? — спросил я у одного краснофлотца.

— Бросить-то успеем, — сказал он, насупившись, — а вот

успеем ли зажечь паклю — это вопрос.

— Такая бутылка хороша только для арбы, — заметил пожилой боец, — а вот начнут двигаться танки, да еще стрелять, — когда тут искать спички, чиркать да подносить огонь к пакле? А если дождь? Нет, товарищи начальники, нам нужны такие бутылки, чтоб загорались без спички и пакли. Вот тогда успеем бросить в танк.

— У нас есть уже бутылки с запальной пробиркой, — оправдывался политрук.

— А зачем же тренируетесь на бутылках с паклей, если не будете использовать их в бою?

— Мало у нас этих… новых.

Вечером Дитятковский договорился с секретарем обкома партии А. Ф. Чернявским о том, чтобы пустить находившийся на консервации стекольный завод и наладить производство бутылок и запалов к ним.

Когда я уезжал из Одессы в Николаев, стекольный завод принял заказ на изготовление 20 000 бутылок с горючей смесью и запалами. Работа пошла. На обертках запалов рабочие, снаряжавшие бутылки, писали: «Боец! Каждый подожженный танк приближает нашу победу над гитлеровцами»; «Товарищ! Запал и бутылка с горючим подготовлены в Одессе. Подожги танк, рвущийся в наш родной город!»: «Черноморец! Не пусти врага в Одессу. Подожги танк!»

Мы беседовали с бойцами, переходя от одной группы к другой. Все задавали одни и те же вопросы:

— Долго ли наши войска будут отступать?

— Придут ли из Севастополя корабли на поддержку Одессе?

Мы не разубеждали их в том, что положение трудное и опасное, призывали к стойкости и выдержке. Надо было говорить правду.

Полк формировался в основном из моряков, добровольно сошедших с кораблей на берег, — хороших, мужественных людей, но плохо знавших пехотное дело. Не приходилось, однако, сомневаться, что такие быстро научатся всему, не дрогнут, выстоят.

Командир полка майор Морозов, узнав о нашем приезде, вскоре явился в расположение роты, где находились мы с Дитятковским.

— Учимся всему, как в первый раз, — сказал он, — как нужно делать перебежки, окапываться, использовать винтовку, гранату, бутылки с горючим. А сегодня к вечеру уже будем занимать отведенный нам участок обороны у Аджалыкского лимана. Плохо у нас с оружием и с походными кухнями. Нам бы автоматов

вместо драгунских карабинов.

— Как же быть? — спросил я.

— Ничего. Выстоим!

Я обещал немедленно доложить о нуждах полка Военному совету флота.

Дитятковский отправился в штаб базы — ему уже звонили оттуда, а я на обратном пути заехал в Лузановку, в прибывшую совсем недавно с Дунайской флотилии 724-ю батарею 152-миллиметровых пушек.

По дороге на Лузановку

Еще в Севастополе я из донесений знал, что эта батарея одной из первых открыла ответный огонь по врагу на румынском берегу. С тяжелыми боями, непрерывно отстреливаясь, она прошла от румынской границы до Одессы, прикрывая своим огнем отходящие части 25-й Чапаевской дивизии.

В тот же день, после поездки в части, я послал Военному совету флота телеграмму. Указал, что личным составом Одесской военно-морской базы задачи поняты, и просил быстрее дать Жукову, а заодно и Кулешову, винтовки и пулеметы.

А наутро гарнизону Одессы был объявлен приказ:

«1. С 19.00 8 августа с. г. гор. Одесса с окрестностями объявляется на осадном положении.

2. Въезд в город гражданам без специальных пропусков, выдаваемых председателями райисполкомов, запрещается.

3. Во изменение приказа по гарнизону № 21 от 4.08.41 г. движение граждан и всех видов гражданского транспорта с 20.00

и до 6.00 запрещается. Возвращение с работы и следование по служебным делам в этот период разрешается лишь по специальным пропускам, выдаваемым комендантом гарнизона.

4. За всякие диверсионные вылазки (стрельба с чердаков, подача световых сигналов, работа радиопередатчиков) отвечают домовладельцы, управляющие домами и дворники.

5. За нарушение моего приказа виновные будут привлекаться к строжайшей ответственности по законам военного времени.

Начальник гарнизона г. Одессы Жуков

Комиссар гарнизона г. Одессы Дитятковский

Комендант гарнизона г. Одессы Проценюк»

ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА!
ОДЕССА БЫЛА, ЕСТЬ И БУДЕТ СОВЕТСКОЙ!
ВМЕСТЕ С ЧАСТЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА. БУДЕМ ДРАТЬСЯ ЗА
КАЖДУЮ ПЯДЬ ЗЕМЛИ СВОЕГО РОДНОГО ГОРОДА!
ВРАГ БУДЕТ СТЕРТ С ЛИЦА ЗЕМЛИ!

Пришла война

Одновременно Одесский областной и городской комитеты Коммунистической партии Украины и исполкомы областного и городского Советов депутатов трудящихся издали обращение:

«Товарищи!

Враг стоит у ворот Одессы — одного из важнейших жизненных центров нашей Родины. В опасности наш родной солнечный город. В опасности все то, что создано в нем руками трудящихся. В опасности жизнь наших детей, жен, матерей! Нас, свободолюбивых граждан, фашистские головорезы хотят превратить в рабов.

Пришло время, когда каждый из нас обязан встать на защиту родного города. Забыть все личное, отдать все свои силы на защиту города — долг каждого гражданина.

Не впервые трудящиеся Одессы отстаивают честь и независимость своей Родины, своего родного города. Наступил момент, когда славные боевые традиции одесского пролетариата должны быть воплощены в новые боевые подвиги рабочих, работниц, работников науки, техники и искусства, домохозяек — по обороне своего родного города от фашистских варваров.

Защита родного города — это кровное дело всего населения. Вместе с частями Красной Армии отстоять родную землю, родной город — вот чего ждет и требует от нас Родина.

Каждый дом, каждое предприятие должны быть крепостью, о которую сломают зубы фашистские бандиты. Вооружитесь всем, чем можно. Бутылка с горючим, брошенная в танк, камень, брошенный из окна, кипяток, вылитый на голову людоедам, помогут ковать нашу победу над врагом.

Больше организованности, никакой паники, никакой, растерянности!

Сейчас необходима величайшая организованность, сплоченность, самоотверженность, готовность идти на любые жертвы. Решительно и беспощадно боритесь с паникерами, дезорганизаторами.

Священная обязанность каждого — отдать все силы, а если нужно, и жизнь за Родину, за наш родной город, за счастье наших детей.

Товарищи! Выполняйте все указания военного командования. До последней капли крови боритесь за свой родной город, за каждый дом, за каждое предприятие!

Деритесь за каждую пядь земли своего города!

Уничтожайте фашистских людоедов! Будьте стойкими до конца!»

С утра вместе с комиссаром базы мы отправились во 2-й сводный морской полк, получивший задачу прикрыть порт и корабли.

Еще в первый день моего пребывания в Одессе Жуков сказал, что командиром этого полка предполагается назначить начальника тыла базы интенданта 1 ранга Я. И. Осипова. Я несколько удивился, но ничего не сказал.

Яков Иванович Осипов

— Да, да, интенданта, — заметив мое удивление, повторил Жуков. — Этот интендант в прошлом отличный вояка. У него боевая закваска. Мы в гражданскую с ним воевали вместе. Я был у него в подчинении — рядовым. А Осипов — командиром…

С самого начала войны Осипов не давал Жукову покоя — просил послать на фронт, а когда Жуков отказал, стал писать рапорт за рапортом. Наконец он дождался своего.

— Вот просим заменить Осипову звание интенданта на полковника. А то интендантское звание не вяжется с должностью командира полка.

— Что ж, — сказал я, — если нужно для дела — прямой смысл.

Ни командира, ни комиссара полка в штабе не оказалось.

— Где командир и комиссар? — спросил я у начальника штаба полка майора Северина.

— Добывают оружие, — озабоченно проговорил он и доложил, что полк обороняет участок от Пересыпи до парка имени Шевченко, а в глубину — три улицы от порта.

Северин сказал, что бойцы учатся приемам борьбы с танками, сооружают баррикады и опорные пункты. Роты, сооружающие линию обороны, уже разобрали брусчатку на двух улицах и использовали камни для строительства баррикад. В строительстве принимают участие и жители.

От Северина я узнал, что по инициативе инженер-капитана

Матвеева, работающего в инженерном отделении Одесской военно-морской базы, в трамвайном парке оборудована дрезина для уличного боя. Я видел ее, обшитую броневыми листами, с двумя пулеметами. Матвеев предложил также переоборудовать трехтонный подъемный кран «Январец» в бронемашину.

Пушки для этой бронемашины взяли с бронекатеров Дунайской флотилии.

Во всех ротах и батальонах 2-го сводного морского полка, где мы успели побывать, кипела работа.

Парк имени Шевченко, изрезанный окопами и траншеями, являл собой где поле боя, где стрельбище, а местами — плац для тренировок в борьбе самбо. Краснофлотцы, пришедшие с кораблей и призванные из запаса, только что пришедшие из военкоматов, готовились к уличным боям.

Все было ново для моряков: и рытье окопов в полный профиль, и перебежки, и блокирование участка прорыва, и даже стрельба из винтовок.

— Непривычно нам зарываться в землю кротами, — говорили они, — но… беда есть беда… Нужно!

И опять разговоры об отступлении наших частей, тревожные вопросы: «Долго ли будут отступать?»; просьбы, а иногда и требования: «Оружия!» Всем хотелось драться. Драться всерьез, зло, только не отдать дорогой сердцу город.

Общее настроение так захватывало каждого, что я и сам, чего греха таить, лелеял в душе надежду: «Вот назначили бы сюда, к ним. Воевать вместе с такими людьми — какая это честь!» Эта моя мечта еще больше окрепла после встречи с Яковом Осиповым.

А пока… меня ждала первая неприятная встреча с начальником политотдела базы Кондратюком. Я просил вызвать его из Очакова для серьезного разговора.

Кондратюка я знал с 1927 года, когда мы оба были на годичных курсах переподготовки политруков при Сумской артиллерийской школе имени С. С. Каменева. Увидев его, я заметил, что он сильно постарел.

Встретившись, мы не стали вдаваться в воспоминания, сразу перешли к обсуждению положения в стране, на юге, в районе Одессы.

— Дела наши, видимо, плохи, — не то спрашивая, не то утверждая, сказал Кондратюк. — Мы никак не придем в себя после внезапного нападения.

— Сколько же нужно времени, чтобы прийти в себя?

— Все рушится… — Кондратюк потянулся к папиросе. — Можно?

— Кури!

Молча смотрим друг на друга.

— Что ж молчишь? Говори, — нарушил я молчание.

— Зная вас, хочу сказать правду… Не могу смотреть, как отступают наши… Сдача городов… Гибель людей… Когда я ехал из Очакова, — Кондратюк сильно волновался, — картина отхода частей по Николаевской дороге меня потрясла. Не могу забыть, как самолеты безнаказанно расстреливали бредущих и едущих по шоссе… Страшно стало…

— И мне было страшно. Я тоже ехал сюда по Николаевской дороге.

— Дело не в том, — отмахнулся Кондратюк. — Хорохорится Гавриил Васильевич: не сдадим, говорит, выстоим… А с чем выстоим? Даже оружия нет… Меня только и спрашивают: товарищ полковой комиссар, когда кончим отступать? Почему клялись, что воевать будем только на территории врага? Почему немец напал внезапно? Где мы были?.. А что я им скажу? Я же начальник политотдела, а сказать ничего не могу.

— Значит, руки вверх — и все?! — Я начал злиться. — Вяжите, мол, нас, немцы, сжигайте наши города. Так, что ли?

— Нет.

— А как? Ты ведь комиссар… совесть людская. Были б люди, а оружие будет. Не сегодня, так завтра.

Если бы я не почувствовал, что Кондратюк пытается докопаться до истины, пересилить себя, если бы он без разговоров согласился со мной, пообещал бы, что изменится, это вызвало бы сомнение в его искренности, и я бы немедленно отстранил его от работы. Но я знал Кондратюка и хотел сберечь человека.

— Что будем делать? — сухо спросил его.

— А вы еще верите мне?

— Пока верю.

— Правда?

— Хочу верить…

Кондратюк ожил. На глазах его показались слезы. Не актерские. Сам уверовал в свое исцеление.

Теперь, обдумывая все случившееся с ним, я не жалею, что поверил тогда ему. Надеялся, что превозможет в себе малодушие и слабость, а почувствовав доверие к себе, станет еще сильнее…

— Спасибо, — сказал он мне на прощание.

— Хотел бы не ошибиться, — сдержанно сказал я.

И все же ошибся.

Мне скоро пришлось возвратиться в Одессу и узнать, что Кондратюк застрелился: так и не поверил в нашу победу.

…В день отъезда из Одессы я впервые увидел Жукова улыбающимся. Он достал из папки телеграмму и протянул ее мне.

«В ночь с 7 на 8 августа, — прочел я, — группа самолетов Балтфлота произвела разведывательный налет на Германию и бомбила город Берлин. 5 самолетов сбросили бомбы над центром Берлина, а остальные — на предместья города…»

Мы решили объявить это сообщение командирам и комиссарам частей и кораблей.

Перед отъездом — это было 10 августа — я зашел к начальнику штаба Иванову, чтобы уточнить обстановку. Она была такова.

Части Приморской армии, ведя тяжелые бои, отходили и к исходу дня должны были занять рубеж Александровка, станция Буялык, Павлинка, Старая Вандалинка, Бриновка, хутор Новоселовка, Мангейм, Беляевка, Каролино-Бугаз.

Противник вклинился в стык 9-й и Приморской армий и расширил прорыв до нескольких десятков километров. Вместе с 9-й армией отходила 30-я дивизия Приморской армии. В последней остались лишь 25-я Чапаевская дивизия, сильно потрепанная 95-я и кавалерийская дивизии.

Немецкое командование, продолжая 11-й армией преследовать наши части, отходящие на восток, направило 4-ю румынскую армию на Одессу. Эта армия была усилена немецкой дивизией и танковыми частями. Противник пытался ворваться в Одессу на плечах наших отходящих войск, отрезая одновременно частям Приморской армии пути отхода, чтобы затем окружить ее.

Иванов сообщил мне также, что вчера, 9 августа, в районе Свердлово высадился воздушный немецкий десант численностью до роты. Парашютисты были одеты в красноармейскую форму. Успеха десант не имел, но подробных данных о его разгроме пока не поступило.

— Сегодня, — продолжал Иванов, — на гражданском аэродроме приземлился транспортный самолет. Высадились 15 солдат с офицером. Имели задачу захватить аэродром в тылу и подготовить его для принятия большого авиадесанта. Одесские ополченцы, несшие охрану аэродрома, увидели, что самолет со свастикой, и вступили в бой. На помощь прибыли бойцы истребительного батальона Ильичевского района. Десант был разгромлен. Захватили пятерых немцев, пулеметы и автоматы. Самолет оказался исправным. Обстановка в направлении Николаева неясна. Для прикрытия обнаженного правого фланга командование Приморской армии послало на побережье к Тилигульскому лиману отдельный понтонный батальон и

поручило ему подготовить к взрыву мост и дамбу Кошары-Коблево.

Поздно ночью мы прощались с Жуковым.

— Решили все же ехать машиной? — спросил он не без тревоги.

— Я должен быть в Николаеве. А затем уж в Очакове.

— Мы можем доставить вас в Очаков на малом охотнике, а машину отправим в Севастополь с оказией.

Я поблагодарил за внимание и отказался.

— Счастливой дороги, — пожелал мне Жуков и крепко стиснул руку.

Раненые остаются в строю

Проезжая через Крыжановку, Дофиновку и Чебанку, мы перегнали несколько машин с продовольствием и боезапасом. Дорога на восток оставалась пока свободной. На обочинах шоссе попадались перевернутые и обгоревшие машины и повозки. Между Григорьевной и Сычавкой в нескольких местах шоссе было разбито прямыми попаданиями бомб. Насыпь, сделанная для объезда, обвалилась, и восстановлением ее уже никто не занимался.

На подходе к Тилигульскому лиману группа красноармейцев работала у дамбы. С ними был командир.

Я остановился. Подошел к командиру и спросил, не из понтонного ли они батальона. Командир с некоторым удивлением посмотрел на меня. Я предъявил удостоверение.

— Из понтонного, — нерешительно сказал он. — А что?

— Ничего… На Николаев идет транспорт?

— Нет.

— Вы будете взрывать мост и дамбу?

— Таков приказ.

Мы с Григорием поехали дальше. Никто не двигался ни вслед ни навстречу.

Недалеко от села Нечаянное нас остановили пограничники: старший лейтенант и два бойца. Старший лейтенант посмотрел на меня подозрительно:

— Куда едете?

— В Николаев.

— Прошу предъявить документы. — И после тщательной проверки: — Разрешите доложить. Нечаянное, видимо, в руках немцев. Лучше будет, если вернетесь в Одессу.

Позади, со стороны Тилигульского лимана, послышались глухие взрывы.

— Немцы дороги бомбят, — сказал старший лейтенант.

— Нет, это наши подорвали дамбу, — поправил его я.

— У меня нет прав задерживать вас, — снова заговорил старший лейтенант. — А все же лучше вернуться.

— Как ты, Григорий? — спросил я шофера.

— Как решите, так и будет.

— Поехали!

Нам во что бы то ни стало нужно было проскочить Нечаянное, потому что обратный путь машине уже был отрезан: понтонеры только что взорвали мост и дамбу.

Я велел Григорию ехать на предельной скорости, не

останавливаясь ни на окрики, ни на выстрелы. Чтобы в случае преследования легче было отстреливаться, я сел на заднее сиденье, приготовил гранаты и карабин. Пристально всматриваюсь вперед, в стороны — никого. За нами, словно дымовая завеса, столб пыли.

Стекла в машине были опущены. Мой китель сразу стал сероватого цвета. Пыль на лицах, на руках, на зубах.

Вот и крыши Нечаянного.

— Жми!

Спина Григория застыла от напряжения, он точно слился с машиной. Я понял, что нас остановит только прямое попадание. Знакомый спуск, подъем. Тишина. Словно вымерло все.

— Проскакиваем, — сквозь зубы процедил Григорий.

Колеса машины покорно наматывали тревожные километры.

Впереди, у телеграфного столба, — небольшая группа людей. Они в нашей форме… Свои! По всем признакам — связисты.

— Как же вы, товарищ бригадный комиссар, проскочили? — недоумевал подошедший к нам мичман.

— Как видите…

— А мы со вчерашнего дня на линии. Дальше должны идти, но нас утром предупредили, что в Нечаянном немцы. Нам же связь с Одессой нужно восстановить.

— Нам, видимо, просто повезло, — ответил я. — Возвращайтесь в Николаев: путь на Одессу отрезан.

* * *

В Николаеве на КП я снова увидел комиссара Бороденко. От него узнал, что здесь находится вице-адмирал Г. И. Левченко и заместитель командующего военно-воздушными силами Черноморского флота генерал-майор В. В. Ермаченков.

Бороденко сказал, что из Севастополя прибыли 500 краснофлотцев, но при них ни одной винтовки.

— Непонятно, зачем их прислали, — удивлялся он. — Люди у нас есть. Нет оружия… Мы докладывали Военному совету, что в Николаеве создана дивизия тылового ополчения в количестве десяти тысяч бойцов, но они тоже не вооружены. Просили оружие, а нам вместо этого прислали невооруженных краснофлотцев.

Вице-адмирал Левченко приказал отправить прибывших краснофлотцев в Севастополь и донес об этом наркому.

К сожалению, выяснилось, что оборудованные батальонные оборонительные районы по рекам Буг и Ингул частями армии не

заняты. Значит, армия оборонять Николаев не собирается.

Вице-адмирал Левченко отстранил от должности начальника штаба военно-морской базы Бабурина и назначил на его место капитана 3 ранга А. Ф. Студеничникова, командира эсминца «Огневой», который на буксире отправился в Севастополь.

Я обрадовался, увидев в роли начальника штаба знакомого мне еще по Тихоокеанскому флоту способного моряка. Студеничников доложил, что утром был налет бомбардировщиков на Широкую балку и на аэродром Сливно. Днем в село Зульц вошли четыре танка противника, а в село Нечаянное — 16 танков и до 50 мотоциклов.

— В Нечаянное? — механически переспросил я, думая в эту минуту о своем…

— В Нечаянное, — сказал Студеничников. — А что?

— Ничего… продолжайте.

— Считаю своим долгом доложить, что вчера во время налета вражеской авиации на Николаев, на переправу и на уходящие корабли завязался ожесточенный воздушный бой, четыре наших истребителя были сбиты. Они прикрыли переправу и корабли. Прикрыли, собственно говоря, собой…

— Назовите, пожалуйста, фамилии летчиков, — попросил я…

— Помощник командира 3-й эскадрильи капитан Колобков…

Когда Студеничников произнес эту фамилию, я вспомнил наше знакомство с Колобковым на аэродроме в Николаеве. Он тогда только что вернулся с задания. Весь город наблюдал за его боем. Колобков лихо атаковал вражеский бомбардировщик, готовый сбросить свой смертоносный груз на головы жителей. Все видели, как бомбардировщик загорелся после первой же атаки Колобкова и рухнул вниз.

Я с уважением пожал летчику руку, сказав, что рад с таким человеком познакомиться. Похвала смутила его. Он что-то буркнул в ответ и подтолкнул вперед младшего лейтенанта Грека.

— …Командир звена 1-й эскадрильи лейтенант Данченко, — продолжал Студеничников, — лейтенант Лазарев и младший лейтенант Грек.

Генерал-майор В. В. Ермаченков рассказал мне, как погиб Владимир Грек.

Он прикрывал отход дока, буксируемого из Николаева в Севастополь. Док до отказа был набит женщинами, детьми и рабочими, получившими распоряжение эвакуироваться. Когда над ними появился бомбардировщик, младший лейтенант Грек тотчас обстрелял его. Одновременно Греку пришлось отстреливаться от вражеской группы прикрытия.

Док медленно продолжал двигаться. Беззащитные люди, не отрывая глаз, следили за небом. В руках Владимира Грека была их жизнь. А боезапас у летчика кончился.

Бомбардировщик врага пошел в пике. Раздумывать было некогда: Владимир камнем бросился на таран, и они оба, горящие, замертво упали в воду. Так одна жизнь спасла тысячу других.

Как ни горько признаться, но наряду с подвигами летчиков, моряков и отдельных армейских подразделений, в 9-й армии после ухода из Николаева штаба фронта царили разброд и неразбериха. Военком базы донес 27 августа в Главное политическое управление Военно-Морского Флота о том, что с начала августа командование базы перешло в подчинение прибывшего в Николаев штаба Южного фронта, но координации действий между командованием базы и штабом фронта установлено не было. База не получала информации об обстановке на сухопутном фронте. А после того, как штаб фронта убыл из Николаева, база перешла в подчинение штаба 9-й армии. Командование армии потеряло управление войсками. Различные подразделения, а то и просто группы бойцов и командиров отходили на восток. Не чувствовалось никакой организованности.

Картина такого отхода деморализующе действовала и на части, находившиеся в Николаеве, и на население города. Командование базы делало попытки вести борьбу с этой стихией, задерживая и собирая отходящие группы и подразделения. Но все эти попытки были безуспешными: с запада по разным дорогам продолжали двигаться разрозненные подразделения, вовсе не подчиненные базе. Командование базы сигнализировало об этом штабу и политуправлению 9-й армии. Но это тоже не давало каких-либо результатов: штаб армии оказался бессильным взять в руки управление войсками и восстановить положение. Таким образом, рассчитывать на помощь 9-й армии в обороне подступов к Николаеву не приходилось.

Как бы ни складывалась ситуация с отходом 9-й армии, а части Николаевской базы обязаны были прикрыть переправу, задержать противника и драться, пока есть возможность и смысл.

Батареи 122-го зенитного полка начали вести бои с наземным противником. 213-я батарея выдвинулась на развилку дороги северо-западнее Терновки. Туда же подошли 212-я батарея и пулеметная рота. В западном секторе, в районе села Варваровки, встали у переправы 851, 852, 853-я батареи 85-го зенитного дивизиона и пулеметная рота Дунайской флотилии.

Поздно ночью, встретившись с Левченко и Кулешовым, я узнал, что штаб фронта передислоцировался из Николаева в

Берислав.

Командующий 9-й армией генерал Черевиченко заявил:

— Моя главная задача — вывести отходящие части и тылы из-под удара наступающего противника.

* * *

Я поехал в 122-й зенитный полк, занимавший позиции на подступах к Варваровскому мосту.

Командовал полком майор А. В. Мухряков. Я дважды встречался с ним и оба раза замечал его удивительное спокойствие и уверенность в действиях. В нем счастливо сочетались решительность и мягкость, непреклонность и подчеркнутая интеллигентность.

— Наши стволы, — сказал он мне при встрече, — держат небо и землю. Пройдите в любую батарею, к примеру в восемьсот пятьдесят вторую, и вы увидите, что одни орудия отражают налет воздушного врага, пытающегося бомбить переправу, а другие ведут огонь по минометчикам, обстреливающим батареи.

— Кто особенно отличился у вас? — спросил я.

— Капитан Шубаев — командир восемьдесят пятого дивизиона. Под обстрелом противника добрался до наблюдательного пункта впереди батарей и шесть часов, находясь под минометным огнем, корректировал огонь своих батарей, прикрывающих переправу.

Два часа провел я в этом дивизионе, в батарее капитана Тучкина. Полный порядок. Никакой растерянности. Удивительная точность стрельбы.

Командир орудия Белоконь десятью выстрелами вывел из строя три минометные точки врага, пристрелявшиеся по переправе. Краснофлотцы, получившие осколочные ранения, после перевязки продолжали вести бой. А комиссар дивизиона старший политрук Ковзель, страдающий несвертыванием крови, рискующий при самом незначительном ранении умереть, не уходил с огневых позиций, находясь в самых опасных местах.

Когда я вернулся на КП, мне доложили, что звонил генерал-майор Ермаченков: в районе аэродрома Сливны захвачены немецкие летчики со сбитых транспортных самолетов Ю-52.

Мне захотелось побывать на допросе.

В комнате, куда привели пленных, кроме Ермаченкова были представители штаба и политотдела. Ермаченков сказал мне, что пленные на вопросы не отвечают. В руках один из них держал плитку шоколада.

— Не шоколад ему надо давать… — зло сказал я Ермаченкову.

— Скажите им, — кивая в сторону немецких летчиков, сказал генерал краснофлотцу-переводчику, — что сейчас их будет допрашивать бригадный комиссар.

При слове «комиссар» один из немцев что-то шепнул другому.

— Говорить будете? — спросил я.

— Мы солдаты.

— И мы… Но наши не добивают раненых.

— Мы летчики, — твердили они.

— Ваша задача?

— Горючее для танков.

Больше ничего они не сказали и лишь заявили, что Германия непобедима. Но из их планшетов были извлечены карты с обозначением места их аэродрома.

Это были молодые немцы, еще не битые, опьяненные победами в Европе.

Если бы на удар, нанесенный фашистской военной машиной, мы смогли ответить тройным ударом, как часто говорили мы, предполагая, что война сложится иначе, немцы быстро пришли бы в себя. Но сейчас они продолжали наступать, а мы все отходили, сдавая города.

* * *

Слушая немецких летчиков, глядя на их надменные физиономии, я с гордостью думал о замечательных бойцах 852-й батареи. Это они во главе с комдивом Шубаевым и вместе с истребителями 9-го полка первыми начали развеивать версию о непобедимости фрицев. Это они сорвали доставку горючего для немецких танков, сбив из девяти пять транспортных самолетов.

А утром мне принесли принятое по радио сообщение Совинформбюро: советские летчики разрушили железнодорожный мост через Дунай около станции Черноводы, в 60 километрах западнее Констанцы.

Надводная часть этого моста достигала 750 метров в длину. Вместе с примыкавшей к нему с запада огромной эстакадой он тянулся на 1660 метров и связывал железнодорожное сообщение основных центров фашистской Румынии со всем румынским побережьем Черного моря.

Разрушение такого сооружения приостановило все железнодорожные перевозки между Бухарестом и военным

портом Констанца, надолго оторвало правобережье Дуная и румынские гавани Черного моря от основной части страны. Нефтяные хранилища на берегу не могли теперь пополняться горючим, тем более что одновременно с мостом был разрушен и нефтепровод, проложенный под ним.

Разрушением Черноводского моста руководил черноморец командир 2-й эскадрильи 32-го истребительного авиаполка капитан Арсений Васильевич Шубиков. Я несколько раз встречался с ним, бывая в этом полку.

Еще перед моим отъездом из Севастополя он вызвался разбомбить мост своей эскадрильей. Но мост надежно охранялся, а радиус действия самолетов И-16 был небольшой. Тогда Шубиков попросил, чтобы в район операции их доставили тяжелые бомбардировщики. Кое-кто к этому предложению отнесся скептически. Но Шубиков убедил маловеров.

И вот бомбардировщики с подвешенными под крыльями истребителями прилетели в район Черноводского моста и сбросили их. Истребители, имевшие по две бомбы, начали действовать самостоятельно под командованием Шубикова.

Совинформбюро сообщало: «К румынскому побережью группа советских самолетов подошла на большой высоте несколькими эшелонами. От берега моря до моста оставалось до 60 километров. Зенитные батареи противника открыли сильный огонь. Но румынские артиллеристы стреляли плохо: ни один осколок вражеского снаряда не задел наших самолетов. Вскоре показались арки Черноводского моста. На фоне реки были четко видны крестообразные переплеты ферм и три гигантские 35-метровые опоры…

Подразделения разошлись по звеньям и поочередно, идя вдоль моста, начали сбрасывать бомбы на мост с пикирования.

Зенитные установки, охранявшие мост, открыли огонь. Но в это время звено советских самолетов на бреющем полете обрушилось на румынских артиллеристов.

Одна батарея замолчала. Через две минуты огонь открыла вторая батарея. Но и ее на втором заходе звено наших самолетов вывело из строя. Оставшиеся пулеметы и одно орудие не могли уже помешать бомбежке моста. В Черноводский мост попали бомбы крупного калибра. Одна 140-метровая ферма моста почти целиком рухнула в реку. Мост разрушен. Советские летчики блестяще выполнили боевое задание».

За эту операцию капитан Арсений Шубиков был награжден орденом Ленина, а летчики его эскадрильи орденами Красного Знамени.

Позже, в октябре 1941 года, когда головные отряды врага

рвались через Перекоп, А. В. Шубиков погиб. Герой навечно зачислен в списки гвардейской авиационной части Черноморского флота.

…Утро 13 августа принесло и печальную весть: командиру 85-го дивизиона отдано приказание отойти и переправить батареи в Николаев.

В 18 часов батареи начали переправляться по обстреливаемому противником полуразрушенному уже Варваровскому мосту. Мы видели с Бороденко, как под тяжестью орудий и тягачей тонули пролеты моста, а люди, спасая материальную часть, перетаскивали ее по пояс в воде.

С наступлением сумерек город опоясало кольцо пожаров. Николаев горел, и тушить пожары было уже нечем: водокачка разрушена.

Тральщик «Земляк» принял на борт 200 раненых и под артиллерийским обстрелом отошел от причала.

На следующий день, 14 августа, был получен боевой приказ командующего 9-й армией: концентрированным ударом совместно с 16-й армией уничтожить части противника, выдвинувшиеся на пути отхода 9-й армии. Частям Николаевской военно-морской базы приказывалось с боем отходить на Херсон.

В 17 часов вице-адмирал Левченко отправил телеграмму наркому и Военному совету Черноморского флота: «Противник усиленно обстреливает западную часть города, порт, завод, городок новостроящихся кораблей, элеватор. С темнотой выводятся последние плавсредства. Части 9-й армии Николаев оборонять не будут. Занимаются переброской своих частей на левый берег Буга.

Дороги Николаев — Херсон заняты отдельными группами танков. Полк военно-морской базы находится в обороне в западной и восточной частях города. Зенитные части ведут борьбу с прорывающимися танками. 9-й истребительный полк бомбит танки и пехоту. Зенитные части и полк Николаевской ВМБ будут сдерживать натиск противника днем, вечером эти части будут отступать на Херсон. Для руководства на месте оставляю Кулешова. Ночью перебираюсь в Очаков».

Читая эту последнюю телеграмму, я чувствовал, как тяжело Г. И. Левченко, заместителю наркома Военно-Морского Флота, оставлять Николаевскую базу. Бессилие угнетало всех нас: мы же видели, что даже заместитель наркома не мог ничего сделать для усиления обороны базы. Людей хватало — не было оружия.

Г. И. Левченко попросил нанести в конце концов по скоплению противника под Николаевом удар авиацией и получил ответ командующего флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского:

без решения Ставки авиацию флота использовать на сухопутном фронте он не имеет права…

— Ваши дальнейшие действия? — спросил меня Левченко.

— Еду в Очаков.

— На чем?

— Еще не знаю.

— В двадцать два от траверза Хлебного мола я отхожу туда на бронекатере. Если хотите…

— Согласен.

Я простился с Григорием, моим боевым шофером, приказав ему гнать машину в Севастополь через Херсон.

— А может, вместе, товарищ бригадный комиссар?

— Нельзя… В Очакове уже идут бои.

* * *

Как сухо, строго и просто звучит боевой приказ: «Прикрыть отход!»

Сколько мужества и трагизма стоит за этой обычной для войны фразой!

Пылающий город… Дым, гарь, грохот рвущихся снарядов… Разноголосый поток отходящих войск, колонны машин, разорванные цепочки беззащитных обозов. Толпы людей, хлынувших вслед уходящим войскам… Строго ограниченный запас снарядов, и вокруг — танки врага. Танки… Танки… Танки…

Семь зенитных батарей, рота начсостава, наспех сформированная в последние дни боев, остатки пулеметного батальона на нескольких машинах со счетверенными установками, разрозненные группы бойцов истребительных батальонов да батальны 30-й дивизии — вот, пожалуй, все, кто удерживал лавину вражеских танков, пытавшихся взять город в кольцо и перерезать нам пути отступления на Херсон.

За танками под прикрытием огня артиллерии шли все новые и новые части вооруженной автоматами немецкой пехоты.

Водопой, Кульбакино, Широкая балка стали огромными кладбищами оккупантов.

Только в одном бою зенитчики 122-го зенитного полка уничтожили 20 танков, 5 автомашин с пехотой, 10 минометов, 3 орудия. Командир орудия Борис Дерлин стрелял по танкам прямой наводкой до тех пор, пока его вместе с орудием не вдавили в землю гусеницы танка. А сколько раз моряки сводного морского батальона, сняв фланелевые рубахи, в одних

тельняшках шли в контратаки, прикрывая выход на Херсонскую дорогу!

Ни тринадцатого, ни четырнадцатого враг в город не вошел.

А между тем паровозы, доставленные на плавдоке из Одессы, увезли в глубокий тыл десять эшелонов, каждый по 80 вагонов и платформ, с оборудованием, судостроительных заводов.

…В ожидании бронекатера мы стояли с Левченко в безлюдном речном порту у мола.

Элеватор, словно факел, пылал над городом, ярко освещая груженые железнодорожные вагоны и платформы с оборудованием, так и не взорванные нами перед отходом…

Подошел бронекатер. Ворчливый, ритмичный шум работающего двигателя действовал успокаивающе. Нервное напряжение стало спадать. Я почувствовал усталость.

На рассвете меня разбудила артиллерийская стрельба: канонерская лодка «Красная Армения» на Очаковском рейде вела огонь по скоплению войск противника на западном берегу.

Это она, «Красная Армения», с двумя сторожевыми катерами конвоировала из Одессы плавучий док с паровозами. Ее непрерывно атаковала вражеская авиация. С помощью прикрывавших конвой истребителей она отбила все атаки и благополучно пришла в Николаев.

Теперь она в Очакове. За два дня — 12 и 13 августа — на лодке 18 человек было ранено, 11 — тяжело. Им оказали медицинскую помощь — и большинство осталось на своих боевых постах.

— Не хотят уходить в госпитали, — пояснил командир канлодки капитан 3 ранга А. И. Коляда, когда я увидел на вахте и у орудий людей с черными кругами под глазами, в бинтах и кровоподтеках.

А вот 89-я батарея. Множество людей с перевязками. Командир батареи старший лейтенант Бржозовский тоже ранен. На приказание сдать дела и лечь в госпиталь он ответил решительным отказом. А ранение было серьезное. Врач, осмотрев рану, велел ему соблюдать полный покой.

— Вы слышите? — спросил врача Бржозовский. — Начался обстрел. Нужно же их угостить.

Я встретил его по дороге на КП батареи. Он шел хромая.

— Что вам сказал врач? — спросил я.

Старший лейтенант улыбнулся, превозмогая боль:

— Как видите, хожу сам… У нас много дел. Раненые продолжают стрелять. Подавляют минометные. точки…

Через неделю, когда с комиссаром Очаковского укрепленного сектора Г. Н. Вишневским мы встретились уже в Одессе, куда его

назначили начальником политотдела базы, он рассказал мне, что на следующий день после нашего пребывания на батарее прямым попаданием снаряда была разбита пушка.

Вскоре вышла из строя еще одна пушка 89-й батареи, и Бржозовский снова был ранен, но запретил уносить себя с батареи, пока могло стрелять хотя бы одно орудие.

Ничем не отличался от Бржозовского и командир 141-го отдельного стрелкового батальона Бондаренко.

Будучи не в состоянии после ранения передвигаться по огневой позиции, он велел оседлать лошадь и верхом, прижавшись к спине лошади, появлялся в самых опасных местах.

— Живой! — кричали красноармейцы и краснофлотцы и шли в бой, подражая своему командиру.

Обе попытки немцев взять Очаков с ходу, переправившись через Березанский лиман со стороны Каборгской косы и села Каза, потерпели поражение.

Батареи 203-миллиметровых пушек № 15 и 22, зенитные батареи при поддержке артиллерии «Красной Армении» уничтожили 20 автомашин с пехотой и танками противника.

Героически вели себя комиссар бригады торпедных катеров Николаев и батальонный комиссар Вишневский, постоянно находившиеся один на левом, другой на правом фланге 141-го батальона, который сдерживал наступление рвущихся в город фашистов. Это было на последнем рубеже, удержание которого позволяло Очаковскому гарнизону уйти.

Канлодка «Красная Армения» до 16 августа обстреливала с Очаковского рейда побережье, занятое противником. Ее пять раз атаковали бомбардировщики и штурмовики. И по-прежнему раненые и контуженные не хотели покидать боевых постов.

Взрывом на корабле был согнут поперечный вал поворотного механизма кормового орудия. Моряки сами исправили повреждение, и через несколько часов орудие опять вело огонь.

Днем прибыл в Очаков буксир «Водолей». С какой радостью получали краснофлотцы доставленное на нем оружие!

Очаковцы дрались неистово. Но сил было мало, и Очаков пал.

На торпедном катере я ушел в Ак-Мечеть, а оттуда в Севастополь.

Город-фронт
Превратить в крепость

В Крыму за время моего отсутствия начала формироваться по директиве Верховного Главнокомандования 51-я отдельная армия на правах фронта. Ей была поставлена задача: не допустить врага в Крым и удерживать полуостров любой ценой.

На защиту Одессы

Нарком потребовал от Военного совета флота немедленно приступить совместно с 51-й армией к созданию прочной и глубокой обороны.

Главный штаб Военно-Морского Флота предупреждал нас, что противник может высадить десант. Эта угроза стала реальной после того, как 18 августа наша воздушная разведка донесла, что из Сулина вышли 12 транспортов и 10 сторожевых кораблей. Вице-адмирал Октябрьский распорядился о срочном приведении в готовность всех противодесантных средств в Очакове, на Тендре и в Ак-Мечети.

Но больше всего тревожило положение Одессы.

Со всех сторон на нее продолжали наступать по суше фашистские войска — 4-я румынская армия, поддерживаемая авиацией и танками. Двум дивизиям Отдельной Приморской армии, понесшим уже значительные потери, кавалерийской дивизии и 1-му морскому полку предстояло выдержать натиск девяти румынских пехотных дивизий, одной танковой дивизии и двух кавалерийских бригад.

Одесса была окружена вражескими войсками с суши, сообщение с нею оставалось только морем. В этих тяжелых условиях в гарнизоне города появились эвакуационные настроения.

Утром 15 августа туда прибыл из Севастополя учебный корабль «Днепр» с отрядом моряков и боезапасом на борту.

Отправляясь в Одессу, командир корабля капитан 2 ранга А. Я. Моргунов и военком полковой комиссар П. Г. Бубличенко получили указание доставить оттуда в Новороссийск эвакуируемых жителей и четыре тысячи тонн зерна.

«Днепр» базировался на Одесскую военно-морскую базу, и при формировании 1-го морского полка добровольцы с корабля пошли в этот полк.

Командир и комиссар зашли теперь к Дитятковскому и попросили его рассказать экипажу корабля, как моряки защищают Одессу на суше.

Когда Дитятковский поднялся по трапу на «Днепр», ему доложили, что вместо жителей Одессы представитель Военного совета Приморской армии распорядился принять на борт военнослужащих и часть их уже находится на верхней палубе.

— Непонятно, — удивился Моргунов, — моряков доставляем сюда, — а красноармейцев забираем отсюда.

— Я и сам ничего не понимаю, — честно признался Дитятковский.

Он разыскал командира погрузки на причале. Тот доложил, что прокурор армии бригадный юрист Корецкий, ссылаясь на решение Военного совета армии, приказал вывезти этих военнослужащих.

Дитятковский связался по телефону с контр-адмиралом

Жуковым.

— Известно ли вам о посадке на «Днепр» войсковых частей?

— Нет, — ответил Жуков.

— Что будем делать?

— Поговорю с командующим армией или членом Военного совета.

Через несколько минут Жуков сообщил, что ни командующего, ни члена Военного совета не застал.

— Посадку допускать нельзя, — после паузы добавил он.

— Но часть военнослужащих уже на борту, — ответил Дитятковский, — а на причале их еще не меньше тысячи.

— Приостановите посадку, — распорядился Жуков. — Еду в штаб армии.

Вскоре Жуков прибыл на причал с начальником штаба Приморской армии генерал-майором Шишениным. По его настоянию Шишенин приказал прекратить посадку военнослужащих.

Тогда комендант порта старший лейтенант Романов доложил Жукову, что военнослужащие были приняты и на другие корабли, которые уже ушли из Одессы.

Жуков немедленно донес командующему флотом, что на отправившихся из Одессы транспортах находятся военнослужащие с оружием. Транспорты «Армения», «Кубань» и учебный корабль «Днепр» были введены в Севастополе в Казачью бухту, и всех военнослужащих по приказанию командующего с них сняли.

Вечером того же дня Жукова и Дитятковского пригласили к себе командующий Приморской армией Софронов и член Военного совета Воронин.

— Вы что, решили установить двоевластие в Одессе? — повышенным тоном, не приглашая сесть, спросил у Жукова и Дитятковского Софронов. — Для вас не обязательно решение Военного совета армии?

— Мы не знали, что Военный совет армии решил отправить из Одессы более двух тысяч бойцов. Знаем только о категорическом указании Военного совета Юго-Западного направления, подписанном Буденным, Хрущевым и Покровским: Одессу не сдавать ни при каких условиях. Вы же отправляете бойцов и командиров из Одессы, причем с оружием, — ответил Жуков.

— Это специалисты, — сухо сказал Софронов. — Мы решили отправить их в тыл. Ваше дело выполнять решения Военного совета, а не срывать их.

— Флот прислал в Одессу добровольческий отряд. В нем тоже

немало ценных специалистов, — не выдержал Дитятковский, — электрики, минеры, радисты, дизелисты…

Софронов поднялся и объявил Жукову:

— Вы освобождаетесь от обязанностей начальника гарнизона Одессы. Эти обязанности возлагаются на полковника Коченова, начальника восемьдесят второго укрепленного района. Завтра получите приказ.

— Есть! — ответил Жуков и снял пенсне. — Разрешите быть свободным?

— Да.

17 августа Жуков и Дитятковский телеграфировали Военному совету флота и вице-адмиралу Левченко, что Военный совет Приморской армии спланировал эвакуацию 2563 военнослужащих, 437 винтовок и 11 пулеметов. В телеграмме было указано также, что Воронин считает: препятствуя посадке на транспорты военнослужащих, командование базы создает в осажденном городе двоевластие.

В ответ вице-адмирал Октябрьский приказал командиру Одесской военно-морской базы на отходящие из Одессы и Очакова пароходы, как военные, так и гражданские, сажать только раненых, женщин, детей и стариков и запретил вывозить военнослужащих и гражданских лиц от 18 до 55 лет, способных носить оружие. Об этом приказе он уведомил командующего Приморской армией и просил Военной совет Южного фронта утвердить его распоряжение.

Одновременно Военный совет Черноморского флота доложил об этом главнокомандующему Юго-Западного направления С. М. Буденному, а также адмиралу Кузнецову и маршалу Шапошникову и просил принять решительные меры по наведению порядка в Приморской армии и в городе, вплоть до отстранения от должностей тех руководителей, которые не выполняют решений высшего командования.

Военный совет Приморской армии в свою очередь донес Буденному, Тюленеву и Кузнецову о недисциплинированности контр-адмирала Жукова, который, нарушая приказ по армии, снимает всех военнослужащих с пароходов. Софронов и Воронин просили отменить распоряжения командующего Черноморским флотом и указать ему, что все решения Военного совета армии по эвакуации обязательны и для флота.

Возвращаясь в Севастополь, я послал из Николаева с отходившим самолетом записку Рогову о положении дел в Одессе и просил поддержать Жукова.

Видя, как далеко зашли разногласия между военными советами флота и Приморской армии, мы с напряжением ждали

решения Ставки Верховного Главнокомандования.

Между тем оперативная сводка о боевых действиях под Одессой принесла 18 августа сообщение: части Приморской армии отбили атаки противника и обороняются на прежних позициях.

А утром Военный совет флота получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования об организации Одесского оборонительного района. Командующим районом с непосредственным подчинением командующему Черноморским флотом назначался контр-адмирал Жуков. Ему подчинялись отныне все части и учреждения бывшей Приморской армии, Одесской военно-морской базы и приданные ей корабли.

Ставилась задача: оборонять район Фонтанка, Кубанка, Ковалевка, Отрадовка, Первомайск, Беляевка, Маяки, станция Каролина-Бугаз. Надлежало уделить особое внимание созданию и развитию инженерных сооружений, тыловых рубежей, приведению в оборонительное состояние самого города.

Предписывалось привлечь к защите города все население, способное носить оружие, установить в районе режим осажденной крепости и какую бы то ни было эвакуацию производить лишь по распоряжению командующего оборонительным районом.

В то же утро Военный совет поручил мне подобрать политработников в постоянную оперативную группу и отправить в Одессу.

Когда в политуправлении узнали, что я занимаюсь отбором людей на Одесский фронт, меня начали осаждать просьбами о зачислении в эту группу.

Одновременно на кораблях было объявлено обращение Военного совета флота о записи добровольцев на защиту Одессы.

Помню, на одном из кораблей после команды: «Желающие защищать Одессу — шаг вперед!» — весь строй, не задумываясь, шагнул вперед.

Командиром 1-го добровольческого отряда моряков был назначен майор А. С. Потапов, преподаватель сухопутной тактики училища Береговой обороны имени ЛКСМУ, комиссаром — секретарь парторганизации электроминной школы старший политрук С. Ф. Изус.

Провожая уходивший в Одессу отряд, я не думал, что через несколько дней мы встретимся снова.

Меня вызвал к аппарату Рогов.

Сказав, что моя записка пришла из Николаева очень своевременно, он вдруг задал вопрос:

— Как смотрите на назначение в Одессу?

Я начал волноваться, так как работать там было моей мечтой:

растерявшись от неожиданности, стал спрашивать, о каком назначении идет речь. И прочитал на ленте, что решен вопрос о создании Военного совета Одесского оборонительного района и в Государственный комитет обороны вносится предложение о назначении меня членом Военного совета.

Я попросил дежурного телеграфиста отстучать в ответ: «Доверие оправдаю».

Вечером я прочел сводку Совинформбюро. В ней скупо сообщалось, что в течение 19 августа наши войска вели бои с противником на всем фронте, особенно упорные бои шли на Одесском направлении. И с гордостью и тревогой почувствовал: Одесса — теперь мое направление. Новое направление моей жизни.

Пришла телеграмма, подтверждавшая, что постановлением Государственного комитета обороны создан Военный совет Одесского оборонительного района и я назначен одним из членов Военного совета ООР. Мне предлагалось немедленно отбыть в Одессу и приступить к исполнению обязанностей.

Прежде чем покинуть Севастополь, мне нужно было решить один важный вопрос личного порядка. Незадолго перед тем сюда приехала моя жена с дочерью. Взять семью из Москвы мне порекомендовал Иван Васильевич Рогов. Во время одного из разговоров по телефону ВЧ он сказал, что на Москву участились налеты вражеской авиации и в Севастополе семье будет пока спокойнее.

И вот теперь, надолго отправляясь в Одессу, я должен был позаботиться о жене и дочери.

В тот же день я отправил их вместе с другими семьями начсостава в Краснодарский край. О назначении в Одессу пока не стал говорить, не желая тревожить жену перед дальней дорогой.

— Береги себя, — сказала она сквозь слезы на прощанье.

— Мама! А почему папа не садится с нами в машину? — спросила дочь.

— Он приедет потом…

Они уезжали во всем летнем, с небольшим чемоданчиком: вещи еще шли малой скоростью из Владивостока и застряли где-то в дороге.

Я стоял, пока машины не скрылись за поворотом, и думал о том, как война разбросала семью: сын с матерью в Ленинграде, жена с дочерью едут куда-то в район Белой Глины, я — в Одессу.

Еще думал о тех, кто нес боевую вахту на кораблях и не смог прийти проводить свои семьи.

После встречи с командующим, членом Военного совета и начальником штаба флота я отправился на крейсер «Красный

Крым», который должен был идти в Одессу.

* * *

Одесса встретила нас гулом артиллерийской канонады. Гулом, который уже не прекращался до конца обороны города, лишь затихая по ночам.

Встретив меня на причале, Дитятковский и Иванов сообщили, что Жуков не смог приехать, потому что очень занят, и просил по прибытии сразу же зайти к нему.

Мы встретились как старые знакомые.

— Рад вас видеть, — приветствовал Жуков.

Мы пожали друг другу руки.

— Теперь уже, надеюсь, вы надолго? — он внимательно посмотрел на меня.

— По крайней мере, пока не отобьем врага.

— Бои только начинаются.

Жуков коротко ввел меня в обстановку.

— У вас наладился контакт с Софроновым и Ворониным? — спросил я не без тревоги.

— Налаживается, — подтвердил Жуков и рассказал: — Мы только получили телеграмму с решением Ставки, как меня и Дитятковского вызвал Софронов. «Жалуетесь?» — строго спросил он. — «Не жалуемся, а излагаем свою точку зрения». — «К чему нам ссориться? — вдруг подобрел Софронов. — Дело-то у нас общее». Я не стал мудрить и спросил, знает ли он о решении Ставки. «Никаких решений мы не получали», — ответил он и посмотрел на Воронина. Я достал из бокового кармана телеграмму и протянул ему.

Софронов раз и другой перечел ее, сразу как-то обмяк, посмотрел на меня, на Воронина и передал приказ ем у: «На, читай!» Воронин читал с недоумением, потом заговорил обиженно: «Не понимаю, что мне делать теперь в Одессе. Я здесь не останусь… Уеду…» — «Не стану задерживать», — отрезал я. — «А я солдат и никуда отсюда не уйду, — Софронов встал и, обращаясь ко мне, сказал: — Готов подчиниться. Дадите дивизию — буду командовать дивизией». Я старался ради дела смягчить напряжение и ни в чем не унизить их достоинства: ведь люди-то опытные, преданные…

— А как Воронин? — спросил я.

— Получил приказ о назначении членом Военного совета и прибыл ко мне. К тому разговору мы больше не возвращались. Кстати, сегодня заседание Военного совета. Приступайте к делам.

Вам, по-видимому, придется отвечать за связь с городом и флотом. Ваш кабинет рядом.

Мы договорились собраться на заседание через два часа.

Окинув взглядом свой кабинет, я понял, что он оборудован не для временного пребывания.

Мне понравились спокойствие и уверенность Жукова, его деловитость и решимость защищать город до конца. Чувствовалось, что новое назначение придало ему еще больше силы, доверие окрылило.

На столе у меня лежал список телефонов должностных лиц, имеющих отношение к руководству обороной. Позвонил начальнику штаба ООР, сказал, что хочу зайти познакомиться. Через несколько минут вошел к нему в кабинет.

Из-за стола встал стройный, среднего роста человек лет сорока пяти. Усталый взгляд, воспаленные глаза, припухшие веки. В руках пенсне.

— Генерал-майор Шишенин, — представился он.

Выслушав доклад Шишенина об обстановке, я остался неудовлетворенным. Казалось, что все это я уже читал в оперативных сводках в Севастополе. Те же скупые, сухие данные, цифры, наименования населенных пунктов, частей. О людях, о командирах, сдерживающих натиск врага, ни слова.

Когда я попытался увести его от цифр оперативной сводки, он посоветовал мне обратиться к командирам и комиссарам дивизий.

— Кто у вас в штабе знает, что конкретно делается у комбрига Монахова, у генерал-майора Воробьева, полковника Захарченко или генерал-майора Петрова? — спросил я.

— Мой заместитель — начальник оперативного отдела полковник Крылов, — усталым голосом проговорил Шишенин.

— Я воспользуюсь вашим советом… Вам не мешало бы отдохнуть, — на прощанье сказал я.

Начальник оперативного отдела штаба полковник Н. И. Крылов расширил мое представление о положении в секторах обороны. От него я услышал имена командиров полков.

Крылов рассказал о полковнике Свидницком, командире 54-го стрелкового полка, о моряках из добровольческих отрядов, прибывших к нему в полк и остановивших на своем участке врага. Приятно было узнать, что моряки сдержали свою клятву, данную ими экипажу в день, когда они уходили с кораблей.

С большой теплотой говорил Крылов о командире 1-го морского полка Осипове. Контратака его полка в районе Ильинки, где противник потеснил наши части, была так сильна, что враг откатился к исходному рубежу и с трудом удержался там.

Очень хорошо отозвался Крылов о командире 95-й стрелковой дивизии генерал-майоре В. Ф. Воробьеве. Его артиллеристы и гранатометчики подбили и подожгли во время вражеской атаки 30 танков. А ведь это еще были времена так называемой танкобоязни!

Крылов говорил о командирах полков Соколове, Сереброве, Новикове, о военкоме 95-й дивизии Мельникове. Я не знал их, так же как Свидницкого и Воробьева, но уже заочно проникся глубоким уважением к ним.

К исходу дня Крылов доложил мне, что после ввода в бой на стыке двух полков последнего резерва в 100 человек в 95-й дивизии сформировали пулеметную группу из 25 станковых пулеметов под командой начальника штаба дивизии майора Чиннова и она отбила все атаки противника. На подкрепление в дивизию послан отряд моряков и бронепоезд.

Резерв дивизии — сто человек… Усиление дивизии небольшим отрядом моряков…

Мне, наверно, никогда не забыть, чем приходилось нам тогда подкреплять дивизии. Что значат эти подкрепления в сравнении с резервами 1944 и 1945 годов, с целыми армиями и тысячами орудий, включая «катюши», перемещавшимися по фронтам!

Тем изумительнее стойкость и мужество бойцов и командиров, защищавших в 1941 году прижатую к морю, окруженную с суши Одессу.

На заседании Военного совета мы распределили обязанности и конкретные участки, за которые надлежало отвечать каждому. Решили, что Федор Николаевич Воронин будет заниматься всеми вопросами, связанными с армией, я — городом, флотом, оборонительными сооружениями. Мы решили также обратиться к высшему командованию с просьбой вернуть в Одессу и ввести в Военный совет бывшего первого секретаря Одесского областного комитета партии А. Г. Колыбанова, назначенного членом Военного совета 9-й армии.

Еще один важный вопрос рассматривался на Военном совете.

Обком партии еще 13 августа отметил, что строительство оборонительных сооружений идет слишком медленно, и обязал райкомы и райисполкомы направить на работу дополнительно не менее трех тысяч человек.

Военный совет поручил мне подготовить совещание с руководителями области, города и заводов для выработки мер по усилению строительства оборонительных сооружений. Нужно было мобилизовать все внутренние ресурсы и возможности, чтобы превратить город в крепость.

В ряду первоочередных вставала и задача установления в

осажденном городе строгого порядка.

Жуков сообщил, что гражданское население непрерывно эвакуируется; на уходящих транспортах, оказиями, каждый день отправляется не одна тысяча женщин, стариков и детей, но, несмотря на это, в продовольственных магазинах очереди не уменьшаются и тому, кто работает, не всегда достается хлеб. Распространяются слухи, что в городе нет продовольствия. Пользуясь этим, спекулянты наживаются за счет трудящихся. А между тем пищевая промышленность продолжает работать без особых срывов.

Для наведения должного порядка обком партии создал продовольственную комиссию, в которую вошли и представители продотдела армии. Комиссии поручалось взять на учет все продукты питания и промтовары, находящиеся в городе, районе и в ведении различных организаций и предприятий. Выдача продовольствия и промышленных товаров должна была теперь производиться по распоряжению комиссии.

Поскольку Государственный комитет обороны возложил на Военный совет всю ответственность за организацию обороны Одессы, мы решили заслушать 24 августа сообщение председателя облисполкома Н. Т. Кальченко об обеспечении продовольствием гарнизона и населения города и о мерах по экономному расходованию продовольствия. Возникала необходимость ввести на основные продукты карточную систему снабжения.

Мы договорились встречаться каждый день утром и вечером для взаимной информации и принятия решений.

После заседания я встретился с начальником политотдела Приморской армии полковым комиссаром Л. П. Бочаровым. Мне показалось, что где-то мы с ним уже виделись, но где — так и не мог вспомнить.

— Где мы с вами встречались? — спросил у него. Он улыбнулся:

— Разве не помните, как вместе тренировались в академическом джазе, а потом выступали в Мариинском оперном театре на вечере самодеятельности, посвященном пятнадцатилетию Военно-политической академии?

Мы с удовольствием вспомнили те дни.

— Да, было время… А теперь не скоро, видимо, настанет время для веселья, — проговорил я.

Академию мы окончили с Бочаровым одновременно, в 1937 году: он — основной факультет, а я — военно-морской. По окончании он работал в Главном политическом управлении Красной Армии и в первые дни войны был послан с группой

инспекторов на Южный фронт. В Москву уже не возвратился и в конце июля, когда создавалась Приморская армия, был назначен начальником политического отдела армии. Тогда же начальника политуправления Южного фронта дивизионного комиссара Ф. Н. Воронина назначили членом Военного совета Приморской армии, начальника штаба фронта генерал-майора Г. Д. Шишенина — начальником штаба армии, а начальника оперативного управления фронта генерал-майора В. Ф. Воробьева — командиром 95-й стрелковой дивизии.

— Сегодня познакомился с Шишениным, — сказал я Бочарову. — Впечатление такое, что он очень сух.

— О нет, — возразил Бочаров. — Будете чаще встречаться — убедитесь, что это душевный человек, добросовестный и знающий свое дело генерал.

Потом мне не раз приходилось иметь дело с Бочаровым. Он показал себя в обороне Одессы хорошим организатором партийно-политической работы и пользовался большим авторитетом.

Плуги — в мечи

Главной задачей защитников Одессы стало инженерное оборудование позиций.

Фортификационные работы в условиях, когда враг рвался в город, обстреливая его с суши и с воздуха, когда на сооружения, требовавшие месяцы нормального труда, отпускались только дни, а то и часы, — в тех условиях фортификационные работы были делом трудным, почти невозможным.

Все нужно в первую очередь: и временные причалы в Аркадии и на Золотом пляже, и строительство аэродрома для штурмовиков и истребителей, и восстановление заброшенных колодцев, и сеть оборонительных укреплений.

И все это стало бы невозможным, если бы не общая энергия города, армии и флота. Благодаря этой энергии произошло чудо: строительство основных оборонительных рубежей закончилось к 5 сентября 1941 года.

Оборонными работами руководил помощник командующего ООР Герой Советского Союза генерал-майор А. Ф. Хренов, имевший большой опыт фортификационного строительства. Аркадий Федорович был спокоен, не суетлив, улыбка постоянно озаряла его лицо. В периоды нервозности и предельного напряжения эти качества руководителя неоценимы.

Инженерным оборудованием позиций занимались под руководством Хренова военно-полевые строительства, имевшие 13 строительных батальонов общей численностью до 12 000 человек. К оборудованию тыловых рубежей и созданию оборонительных сооружений в самом городе было привлечено несколько десятков тысяч горожан, в их числе много женщин. Работы не прекращались даже тогда, когда противник обстреливал работающих и люди падали убитыми и ранеными.

За десять суток в городе был построен аэродром для истребителей и штурмовой авиации. Его выложили из кирпича, капониры сделали с перекрытиями из железных балок. За короткий срок защитники Одессы восстановили заброшенные и вырыли 60 новых артезианских и срубовых колодцев.

Чтобы можно было представить, что значили для осажденной Одессы эти колодцы, я приведу красноречивый документ того времени — приказ начальника гарнизона «О порядке пользования питьевой водой» от 20 августа 1941 года:

«…Во многих домах в результате того, что вода в квартирах не закрыта, имеются большие утечки. В некоторых районах воду выдают не по установленному порядку и в неограниченном

количестве. Такое же недопустимое положение наблюдается и на предприятиях г. Одессы, из-за чего значительное количество населения города лишено возможности своевременного получения воды.

В целях экономии воды и упорядочения ее распределения ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Во всех квартирах перекрыть и опечатать все водопроводные краны, бачки в уборных и проч.

2. Воду отпускать только согласно § 2 приказа № 3 от 4 июля 1941 г.

3. Категорически запретить промывку дворовых уборных водопроводной водой.

4. Ответственность за выполнение указанных мероприятий полностью возлагаю на управдомов, смотрителей и уполномоченных по дому.

5. Ответственность за правильное распределение воды среди, населения возлагаю на горжилуправление и райжилуправления и органы милиции.

6. Всем директорам и уполномоченным предприятий, на территории которых имеются скважины, обеспечить круглосуточную подачу воды в городскую сеть.

7. Отпуск воды из заводских источников водоснабжения другим предприятиям и войсковым частям гарнизона производить только с письменного разрешения водоканалтреста г. Одессы. На всех предприятиях города недействующие водопроводные линии закрыть.

Лица, виновные в неисполнении настоящего приказа, будут привлечены к ответственности по законам военного времени».

Военный совет произвел тщательную рекогносцировку района обороны, в результате которой было решено создать четыре мощных баррикадных рубежа, кольцом охватывающих город. Каждый рубеж оборудовался как противотанковый, противоартиллерийский и противоминометный.

В организационно-тактическом отношении город разбили на шесть секторов. Каждый сектор имел свой гарнизон и план обороны. Во главе его стояли начальник, комиссар и главный инженер. И конечно, в секторах были свои командные пункты, склады боеприпасов и продовольствия, свои пожарные команды, связь и водоснабжение.

На Пушкинской улице

В какой спешке ни приходилось строить укрепления, каждый защитник понимал, что сооружения должны быть прочными, надежными: ведь город штурмовал враг, вооруженный разрушительной техникой страшной силы. На что уж простые, кажется, укрепления — баррикады, но и они должны были выдержать удар 155-миллиметровых орудий прямой наводкой. В передней стенке баррикады, особо прочной, делались бойницы для пулеметов и орудий. Позади воздвигалась еще стенка, и обе они накрывались надежным перекрытием. Таким образом, каждая баррикада представляла собой нечто вроде блиндажа, укрывавшего небольшой гарнизон.

Соседние здания, входившие в баррикадные рубежи, тоже оборудовались как мощные огневые точки, способные вести огонь по атакующим танкам.

Но прежде чем подступить к баррикадам, вражеские танки должны были преодолеть различные препятствия: ежи из рельсов, металлические надолбы, болванки, оплетенные проволокой. На пустырях, в садах и огородах система противотанковых препятствий дополнялась рвами и минными полями.

На сооружении баррикад работали все граждане, включая секретарей райкомов и председателей райсоветов.

Превратить город в неприступную крепость — таков был лозунг дня. И каждый житель Одессы горячо откликался на призывы Военного совета, областного и городского комитетов партии.

Для крепости нужны были не только противотанковые рвы и баррикады, но и оружие, танки.

Промышленность же по решению Государственного комитета обороны уже эвакуировалась, а вместе с ней — и квалифицированные рабочие, инженеры. Значительная часть специалистов ушла на фронт.

При этом не была предусмотрена необходимость организации производства для нужд обороны и ни одно предприятие не оказалось подготовленным к выпуску оборонной продукции.

Одесская партийная организация обратилась за помощью к гражданам — и на предприятия и заводы пошли работать тысячи женщин. В цеха пришли юноши, девушки, старики пенсионеры.

«Я проработал на заводе 52 года, — писал токарь-пенсионер А. Матусевич, — и хочу снова вернуться на завод, чтобы бить врагов своей Отчизны на трудовом фронте».

«Не отдадим город врагу» — было общим настроением защитников Одессы, одетых в гимнастерки и в рабочие блузы.

Руководитель инженерных работ Восточного сектора Еремин докладывает генералу Хренову о ходе работ

22 августа Военный совет провел совещание с руководителями областных, городских партийных и советских органов, предприятий.

Обсудив насущные нужды обороны, совещание создало оперативно-производственную группу, подчиненную Военному совету. На нее возложили централизованное управление оставшейся после эвакуации промышленностью, налаживание производства вооружения, снаряжения, боеприпасов, ремонт боевой техники и регулирование дальнейшей эвакуации

оборудования.

В эту группу, более известную под названием оборонной комиссии, вошло пять человек: заместитель председателя Одесского облисполкома Мизрухин, подполковник Коробко, военинженер 3 ранга Каличенко, капитан Коган и младший лейтенант госбезопасности Вальтух.

Используя сохранившийся аппарат облплана и отдела местной промышленности облисполкома, группа провела большую организаторскую работу. Председатель ее Я. М. Мизрухин непосредственно ведал производством мин и минометов, У. Г. Коган — сооружением легких танков и вооружением бронепоездов.

Мобилизовав 25 счетных работников из различных учреждений, группа в течение трех-четырех дней взяла на учет все материальные ресурсы. Привлеченные к работе представители заводов обследовали состояние предприятий и определили, что они могут производить для обороны и какую боевую технику могут ремонтировать.

Оперативно-производственная группа освободила Военный совет от многих забот по изысканию возможностей изготовления боеприпасов, вооружения, ремонта техники, позволила ему заниматься руководством боевыми действиями.

7 сентября, когда производство всего необходимого для обороны мало-мальски наладилось, мы снова пригласили руководителей области и города, чтобы заслушать их доклады о производстве и ремонте предметов вооружения. Выяснилось, что еще не все производственные возможности Одессы использованы для изготовления оборонной продукции. Говорилось и о неполадках, мешающих работе.

Военный совет дал указания о дальнейшем сосредоточении усилий промышленности Одессы на удовлетворение нужд обороны, установил твердый порядок сдачи оборонной продукции предприятиями по актам, обязав президиум облисполкома утверждать эти акты. Тем самым пресекалась возможность выпуска продукции с браком.

Предприятия Одессы с каждым днем все больше изготавливали противотанковых рогаток на случай уличных боев в городе, бутылок с горючей жидкостью, танков, сооружали бронепоезда.

Флагманский инженер по приборам управления огнем артиллерии капитан Коган предложил переоборудовать тракторы в самодельные легкие танки. В этой работе приняли участие несколько заводов и мастерские трамвайного парка, где остался карусельный станок. Машины вооружались пулеметами всех

систем, даже скорострельными авиационными.

Чтобы сделать из трактора легкий танк, требовалось десять суток. В шутку такой танк стали называть «НИ» («На испуг»).

В районе Дальника самодельные танки были испытаны в бою. Они оказались довольно серьезным оружием. Командир 25-й Чапаевской дивизии генерал-майор И. Е. Петров, на участке которого их впервые применили, попросил Военный совет передать эти боевые машины в его распоряжение.

Объявив благодарность рабочим, инженерам и краснофлотцам, принимавшим участие в постройке легких танков, Военный совет решил срочно переоборудовать таким же образом 70 тракторов марки СТЗ-НАТИ.

К выполнению этого заказа приступили заводы: имени Январского восстания, судостроительный, сельскохозяйственного машиностроения имени Октябрьской революции, имени Красной Гвардии, имени Старостина. Отдельные узлы и детали для танков и бронепоездов изготовляли ремонтные мастерские трамвайного парка и городской электростанции, завод бетономешалок и мастерские школ ФЗУ. За время обороны Одесса получила около 50 собственных танков.

Однажды капитан Коган доложил нам об угрозе срыва заказа по переоборудованию тракторов в танки: для сварки брони нужен кислород, а его запас иссякал.

Мы взяли на строгий учет кислород, имевшийся на заводах, использовали для выработки его оборудование предприятий, изготовлявших газированные напитки. Но всего этого оказалось мало. Тогда срочно послали запрос в Севастополь. Оттуда нам доставили на кораблях баллоны с кислородом.

И все же, несмотря на принятые меры, несмотря на жесткую экономию в расходовании кислорода, в связи с быстро развивавшимся производством вооружения наступил «кислородный голод». Ликвидировать его было не просто, так как все годные установки по изготовлению кислорода оказались эвакуированными.

Военный совет дал оперативно-производственной группе задание — создать кислородную станцию. В результате тщательных поисков на заводе имени М. И. Калинина были обнаружены остатки разобранной, давно вышедшей из строя станции. Собрали «консилиум» из специалистов. Некоторые из них прямо заявили: «Из этой затеи ничего не выйдет». Но обстановка властно требовала сделать то, что в обычных условиях казалось невозможным; иного выхода не было. К ремонту и восстановлению станции привлекли самых опытных слесарей. Различные предприятия принялись изготавливать недостающие и

требующие замены детали. И на третьи сутки после решения Военного совета станция дала первый кислород. Она до конца обороны снабжала кислородом все предприятия Одессы.

После этого в оперативно-производственную группу стали все чаще поступать самые разнообразные предложения и изобретения по производству вооружения. Военный совет всячески поддерживал инициативу изобретателей и наиболее важные предложения рассматривал на своих заседаниях.

На участке 25-й Чапаевской дивизии во время контратаки наших частей противник применил огнеметы; среди чапаевцев появились обожженные.

Военинженер 3 ранга Лощенко, работавший в отделе химической защиты Приморской армии, предложил наладить производство своих траншейных огнеметов.

Военный совет одобрил предложенную Лещенко конструкцию и дал задание оперативно-производственной группе запустить огнемет в производство. Но мы решили применить огнеметы лишь в критический час — в случае, если противник прорвется к городу. И вот на всем протяжении последней линии обороны на интервалах в 100–150 метров появились наши траншейные огнеметы — 550 штук. Это позволяло создать в нужном случае огневой пояс в 55–60 километров. 150 огнеметов было установлено и на баррикадах.

Для обслуживания их потребовались, естественно, и огнеметчики. За короткий срок их было подготовлено 1022 — в подавляющем большинстве комсомольцы.

* * *

Освободившись от неотложных организационных дел, я решил выехать на передовую линию фронта.

— Кого бы вы посоветовали мне взять в адъютанты? — спросил я работника отдела кадров политуправления флота батальонного комиссара Гуткина.

Он порекомендовал комсомольского работника из Луганска политрука Бориса Штаркмана.

Штаркман оказался подходящим для этой роли.

— Что ж, — сказал я ему, познакомившись, — свяжитесь с начальником Восточного сектора комбригом Монаховым, узнайте, будет ли он у себя на ка-пе в Лузановке, и, если будет, передайте, что через час мы приедем.

Когда я прибыл в Лузановку, Монахов доложил, что противник с утра ведет атаки по всему фронту.

К одиннадцати часам утра все атаки были отбиты. Пока враг перегруппируется и, введя в бой новые резервы, снова начнет атаковать, мы могли спокойно поговорить.

— Артиллеристы нас здорово выручают, — сказал Монахов, показывая на карте участки наиболее напряженных боев, — особенно в районах Свердлова и Шицли: артиллерийский полк майора Богданова и ваши морячки — крейсер «Красный Крым». Я не знал, что корабли могут так точно стрелять, — не то с удивлением, не то с завистью добавил он.

Слушая похвалу морякам, я радовался вдвойне: и успеху стрельбы вообще, и как флотский человек в частности. И вспомнил тут же, как хотел помочь своим «огоньком» осажденной Одессе командир «Красного Крыма» капитан 2 ранга А. И. Зубков, когда мы шли из Севастополя.

На командный пункт пришел комиссар сектора Аксельрод и доложил, что здесь находятся работники политотдела Приморской армии, имеющие любопытные данные о настроениях по ту сторону фронта. Я попросил пригласить их.

Батальонный комиссар Н. В. Краснопольский рассказал, что он узнал от солдат противника, захваченных в плен.

— Им обещали, — ухмылялся в усы Краснопольский, — после взятия Одессы закончить войну и наделить землей, отнятой у большевиков. Посмотрите, товарищ бригадный комиссар, чем их кормят, — и Краснопольский протянул мне небольшой листок.

Это был перевод румынской листовки, обнаруженной у пленных:

«Солдаты! Противник слабее нас. Он ослаблен непрерывной, длящейся вот уже два месяца войной и разбит на всем фронте от Прута до Днепра. Сделайте последнее усилие, чтобы закончить борьбу, не отступайте перед яростными контратаками противника. Он не в состоянии победить, потому что ниже вас. Наступайте! За два дня вы овладеете самым большим портом на Черном море. Это будет наивысшая слава для вас и для страны. Весь мир смотрит на вас, чтобы увидеть вас в Одессе. Будьте на высоте вашей судьбы».

— На двадцать третье августа, — продолжал Краснопольский, — то есть на сегодня, у них назначен парад войск на Соборной площади в Одессе…

Но назначенному Антонеску параду не суждено было состояться. И именно в «день парада» румынское командование объявило еще один приказ. Он гласил:

«Господин генерал Антонеску приказывает: Командиров соединений, а также командиров полков, батальонов и рот, части которых не наступают со всей решительностью, снимать с постов, предавать суду по ст. 58, а также лишать права на пенсию. Солдат, не идущих в атаку с должным порывом или оставляющих оборонительную линию, лишать земли и пособий на период

войны. Солдат, теряющих оружие, расстреливать на месте. Если соединение отступает без основания, начальник обязан установить сзади пулеметы и беспощадно расстреливать бегущих. Всякая слабость, колебание и пассивность в руководстве операциями будут караться беспощадно. Этот приказ немедленно сообщите всем частям, находящимся под вашим командованием».

И насколько далеко еще было ландскнехтам Гитлера и Антонеску до площадей Одессы, показывает попавшая в наши руки записка румынского офицера командиру 13-го гренадерского полка:

«Господин капитан! Поверьте мне: наше положение таково, что нет сил выдержать. Если еще так будет продолжаться, я сойду с ума, я истощен. Простите, что офицер говорит вам такие вещи, но любой человек, каким бы железным он ни был, в данный момент потерял бы голову. Мои люди не могут выдержать. Они уже четыре дня не ели. Вчера нам опять не могли доставить еду. Противник каждый раз, как только видит, что нам везут пищу, открывает огонь, выводя из строя лошадей. Я все это пишу вам откровенно. Не сменят ли нас?»

* * *

А защитники Одессы не просили смены. Они умирали под вражеским огнем, но не отступали ни на шаг. Я не представляю себе такого бойца или командира, который мог бы пожаловаться: «Нет сил». Тревога за судьбу города, помноженная на ненависть к врагу, удесятеряла силы каждого.

В день первого относительного затишья после семидневных непрерывных боев Яков Иванович Осипов, так и не отступивший ни на шаг, подсчитывал потери.

За несколько дней боев он трижды получал пополнение.

Добровольческий отряд, прибывший из Севастополя, был полностью зачислен в его полк.

Из 200 коммунистов, присланных по решению обкома партии, осталось в строю не более 25 человек. Многие были убиты, тяжелораненые отправлены в госпитали, легкораненые никуда не ушли — остались в строю.

Бригадный комиссар Азаров встретил пополнение, прибывшее из Севастополя

К исходу дня 19 августа в первом батальоне оставалось 42 человека, во втором — 80.

Несли большие потери и другие части, защищавшие Одессу. В числе раненых были командир 287-го стрелкового полка Султан Галиев, командир 131-го стрелкового полка Серебров, командир 90-го стрелкового полка Соколов, командир 241-го стрелкового полка Новиков.

В 161-м стрелковом полку получили ранения все командиры батальонов.

В распоряжении штаба ООР был в постоянной готовности автоотряд, состоявший из 50 грузовых машин. На них мы перебрасывали на угрожаемые участки резервы из тех секторов, где наступало относительное затишье.

Но маневрировать силами было трудно: противник атаковал по всему фронту.

Особенно напряженное положение было в Восточном секторе. В районе Чебанки шли тяжелые бои. Противник непрерывно бросался в атаки, пытаясь прорваться в стык 1-го морского и 54-го полков.

Под минометным огнем противника так и хотелось вжаться в землю, но нужно контратаковать — и моряки поднимались, во фланелевках, а то и просто в тельняшках, бросались вперед, увлекая за собой красноармейцев.

И недаром в те трудные дни рождалась слава морской пехоты. Пленные солдаты говорили, что матросов, идущих в

атаку, у них называют «черной тучей», «черными комиссарами», потому что на рукавах фланелевок и бушлатов у моряков были тогда красные пятиконечные звездочки, как у политработников.

Граната — тоже оружие

Надежда на то, что к вечеру наступательный порыв противника иссякнет, не оправдалась.

Враг, неся большие потери, добился все же некоторого успеха, потеснил части морской пехоты и 54-й стрелковый полк, небольшими группами автоматчиков просочился в стык двух полков и вышел на рубеж в 2–3 километрах от 412-й батареи.

Окрыленный успехом, он решил, видимо, захватить батарею.

Эта батарея состояла из 180-миллиметровых орудий. С первых дней обороны Одессы она наносила врагу большой урон и сильно препятствовала продвижению его к городу. Командовал ею капитан Н. В. Зиновьев.

Капитан Н. В. Зиновьев

Еще на рассвете 16 августа противник подтянул в район станции Беляры свою тяжелую батарею. Разведчики во главе с комиссаром 412-й батареи Малинко определили точное местонахождение вражеских орудий и сообщили данные на КП. Зиновьев засыпал огневую позицию противника снарядами — и румынская батарея не смогла даже открыть огонь.

Слишком большой счет был у противника к славной 412-й батарее, чтобы он мог примириться с ее существованием.

18 августа его автоколонна переправлялась через Аджалыкский лиман на нашу сторону. Только вытянулась она по дамбе длиной до километра — 412-я с дистанции 47 кабельтовых открыла огонь и разрушила переправу у нашего берега, потом

перенесла огонь на противоположную сторону дамбы — и вражеская колонна оказалась в западне. За какие-нибудь 5–6 минут было уничтожено больше двух десятков автомашин с боеприпасами и солдатами.

Тогда противник вкопал в землю у деревни Булдинка 8 танков, и они обрушили огонь на казарму батареи. Наш корректировочный пост приблизился к танкам на 800–1000 метров. 412-я выпустила 36 фугасных снарядов и похоронила танки в могиле, приготовленной ими самими.

20 августа два эскадрона королевской гвардии, рота пехоты и четыре танка двинулись к фронту через Булдинку. Голова колонны показалась уже из деревни, и тут ее накрыли снаряды 412-й. Кавалерия повернула назад и налетела на свою подтягивавшуюся пехоту. Батарея ударила по другой окраине деревни, по центру: лошади и пехотинцы заметались из стороны в сторону, прячась от огня. Батарея сделала свое дело и прекратила огонь, но на мятущееся в панике воинство бросились 80 морских пехотинцев. Они захватили четырех офицеров, 67 солдат, 100 лошадей, много стрелкового оружия. На улице Булдинки осталось четыре подбитых танка.

Разве мог противник простить 412-й хотя бы эти дела? А она могла наделать ему еще больше бед.

Когда я зашел к Жукову, он разговаривал по телефону с командующим авиацией оборонительного района комбригом Катровым.

— Все ввели в действие, — обернувшись ко мне, сказал Жуков… — А Монахов опять докладывает, что у него дела плохи: четыреста двенадцатую батарею берут в кольцо, выбить автоматчиков, просочившихся в стык между полками, не хватает сил. Просил помощи, а резервов-то нет. Перебросить из других секторов тоже нельзя: жмут везде.

Заместитель начальника штаба ООР капитан 1 ранга Иванов доложил, что во 2-м морском полку есть две прибывшие на пополнение маршевые роты, но они не вооружены. И тут же позвонил Бондаренко, комиссар того батальона, в который пришли обе маршевые роты.

Жуков повернул трубку телефона так, чтобы и я слышал доклад комиссара. Бондаренко сообщил, что все 250 человек — шахтеры из Донбасса, без винтовок.

— Как они владеют гранатой? — спросил Жуков.

— Бросали болванку, а настоящую гранату никто еще не бросал… Устройство гранаты и обращение с ней большинство знают.

Жуков опустил трубку и спросил меня:

— Что будем делать?

— Нужно посылать тех, кто умеет обращаться с гранатой. Другого выхода нет.

— Готовьте людей, — приказал Жуков Бондаренко. — Через час прибудут машины. Отправляйте к Осипову. У каждого должно быть не меньше пяти гранат.

Жуков передал трубку мне.

— Сейчас выезжаю к вам, — сказал я Бондаренко.

— Шахтеры народ хороший. Немало коммунистов. Справимся и сами, — ответил он уверенно и с горечью добавил: — Нам бы оружие…

— Я прошу вас остаться в штабе, — рассерженно сказал Жуков, слушавший наш разговор. — Члену Военного совета подменять комиссара батальона или политрука роты — этого еще не хватало!

На душе у меня был горький осадок: посылать людей в бой без винтовок, с одними гранатами…

Мне рассказывал потом Бондаренко, как они уходили.

Сначала собрали коммунистов. Объяснили задачу. Сказали: нужно выручить береговую батарею.

— Если враги захватят ее, — начал политрук роты Пронин, — они 180-миллиметровые морские орудия повернут на город… Вы понимаете?!

— Да нас без ружьев, как куропаток, перестреляют, — перебил кто-то Пронина.

— А ты уж хвост поджал! — дружно навалились товарищи на бросившего реплику.

А потом собрали всех. Было примерно то же.

Кто-то нерешительно сказал:

— Без оружия в бой — все равно что в шахту без отбойного молотка…

— А по сколько гранат дадут? — спросил другой. — По шесть — восемь.

— Ничего, — успокоился кто-то, — граната — тоже оружие.

— Пора, что ли? — сказал рослый шахтер.

В казарме осталось двенадцать человек — раненые и больные. Им передавали наспех написанные письма, просили записать адреса.

Сели в машину, запели:

Слушай, рабочий,
Война началася,
Бросай свое дело,
В поход собирайся.

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это…

Противник после сильной подготовки, пользуясь наступившими сумерками, бросил на 412-ю батарею два батальона. Солдаты шли в полный рост, волнами. Шли. Падали. Снова шли. Их подпустили ближе. А потом сразу загрохотали тяжелые и противотанковые орудия, четыре 82-миллиметровых миномета.

Они грохотали 21 минуту. Враг не выдержал огня, побежал. На поле боя осталось больше 500 трупов.

Как раз в этот момент я дозвонился до Осипова.

Он сорванным голосом доложил, что связь с Зиновьевым восстановлена. Часть противника прижата к берегу. Есть пленные. Противник пытался расширить прорыв в стыке там, где просочилась группа автоматчиков. Двигавшуюся туда роту с приданными минометными командами встретили шахтеры с гранатами. Они спасли положение.

— У них очень большие потери, — глухо сказал Осипов. — Командир роты старший лейтенант Силин убит… Когда он упал, произошло замешательство. Но он поднялся и снова побежал. Второй раз упал — и уже не встал. Роту повел в атаку Пронин. И его ранило в живот…

Потом нам донесли, что ночью, когда подбирали убитых, обнаружили еще живого Пронина. В тяжелом состоянии его отправили в госпиталь и выходили.

* * *

На очередном заседании Военного совета мы обсуждали положение, сложившееся в районе Чебанки.

— Позор нам будет, — говорил Жуков, если враги захватят батарею и повернут против нас. Никакого оправдания нам не будет. Кроме того, противник наступает в направлении Гильдендорфа — возникает угроза потери станции Сортировочная…

У нас не было резервов. Потери не восполнялись. Маршевые роты, изредка прибывавшие, подчас даже не были вооружены.

Оставалась надежда, что нам пришлют хотя бы одну кадровую дивизию.

Жуков прочел нам телеграмму:

«Новой дивизии для Одессы выделено быть не может. Оружием будет оказана посильная помощь… Вам поставлена задача при имеющихся средствах удержать Одессу, и здесь должно быть проявлено упорство, мужество и умение. Примите все меры к удержанию противника на этих позициях, не допускайте ближе к городу. *Кузнецов*».

Жуков посмотрел на нас, вздохнул и сказал:

— Видимо, мы не знаем общего положения дел… Значит, не могут…

Воцарилась тишина.

— Что думают о ситуации члены Военного совета? — прервал молчание Жуков. — Дальнейшее сужение линии фронта приведет к тому, что город и порт будут простреливаться артиллерией врага. Как быть с четыреста двенадцатой батареей?

Слушая Жукова, я вспомнил, как за три часа до заседания Военного совета прибывший в штаб Дитятковский упрашивал его не взрывать стационарную 412-ю батарею.

Жуков молча выслушал его доводы, потом встал, прошелся по комнате, подошел к столу, уперся в него руками и, глядя на Дитятковского поверх пенсне, тише обычного сказал:

— Ты знаешь, какой ценой мы выручали батарею?! Помнишь роту шахтеров с одними гранатами?!

— Все помню…

— Не хватает только того, чтобы враг на наших плечах ворвался на батарею и развернул ее в сторону города. Вчера такая угроза была…

— Значит, взорвете?! — не выдержал Дитятковский.

— Не исключено.

Дитятковский отвернулся: не выдержали нервы.

— Как же быть? — повторил теперь свой вопрос Жуков. — Противник стремится отрезать прибрежную часть Восточного сектора и ворваться в город.

— Трудно взрывать такую батарею. Особенно трудно морякам. — Генерал-лейтенант Софронов подошел к карте. — Но мы должны здраво смотреть на угрозу захвата Сортировочной. Посмотрите: противник развивает прорыв в направлении Гильдендорфа и Повары. Вот этот выступ. Здесь идут бои, — он показал на район 412-й батареи. — Фронт у нас растянут, а резерва для срыва замыслов противника нет. Значит, нужно срезать этот выступ и проститься с Чебанкой, чтобы не допустить прорыва к Сортировочной.

Не глядя ни на кого, Софронов прошел к своему месту и тяжело опустился на стул…

После длительного обсуждения сложившейся обстановки мы пришли к решению: участок между Большим Аджалыкским и Аджалыкским лиманами оставить, правофланговые части Восточного сектора отвести на линию Вапнярки и Александровки, после отхода 412-ю батарею взорвать, личный состав ее передать в 1-й морской полк.

Все члены Военного совета подписали телеграмму наркому и Военному совету флота: «Ввиду прорыва противником направления Гильдендорф — Повары, угрозы потери станции Сортировочная, участок между Большим Аджалыкским и Аджалыкским лиманами оставляется. 412-я батарея по израсходовании всех снарядов уничтожается».

Заместителю начальника штаба Иванову вместе с командиром базы контр-адмиралом Кулешовым поручили подготовить к утру не менее трех тральщиков и шести сторожевых катеров для снятия личного состава 412-й батареи в случае, если противник будет мешать отходу по суше; держать миноносцы «Фрунзе», «Смышленый» и «Беспощадный» в готовности прикрыть отход огнем.

Артиллеристы эсминца «Фрунзе»

* * *

Ночью мне не спалось. Вспомнилась поездка на 412-ю батарею.

Это была совсем новая батарея, оборудованная в самый канун войны. Ее 180-миллиметровые орудия имели дальность огня до 35 километров; их прикрывали семь 45-миллиметровых орудий, батарея 82-миллиметровых минометов и три счетверенные пулеметные установки.

Когда мы подъезжали к Чебанке, Дитятковский спросил:

— Видите батарею?

Я пристально всматривался вперед, но ничего не видел, кроме трех маленьких домиков и небольшого казарменного городка чуть поодаль.

— Это и есть батарея. — Дитятковский был явно доволен.

— Домики — для маскировки? — спросил я.

— Да.

Нас встретил Николай Викторович Зиновьев. Когда прошли на КП, он показал секторы обстрела по суше.

— Переориентировались на сухопутного противника, — пояснил Зиновьев. — А это видите?

Он обратил мое внимание на деревянный ящик размером примерно в четыре кубических метра.

— Это — камнемет, — продолжал он. — Мы уже испытали его. Насыпается туда тонн пять-шесть щебенки, в специальное приспособление закладывается толу двадцать пять килограммов — и летит щебенка, куда ей приказано…

— Это на всякий случай, — вмешался комиссар батареи старший политрук Малинко. — Ребята решили драться всерьез. Если пушка откажет, камнемет есть…

Мы спустились вниз, в подземную потерну длиной 1700 метров, ведущую на батарею. Везде горели лампочки.

Орудия — в надежно укрытых блоках. Железобетонные перекрытия хорошо защищают орудийные расчеты. Заряжание и подача боезапаса из погребов производится автоматически, как на линкоре. У каждой пушки глубоко под землей помещение с бетонными перекрытиями, с кубриками для жилья, столовой, ленинской комнатой, библиотекой, санпунктом и даже камбузом.

— Народ у нас отличный, — не без гордости сказал Малинко. — Вот, кстати, наш секретарь партбюро старшина батареи Проценко.

К нам подошел гигант с черной густой бородкой. За внешнее сходство с героем гражданской войны краснофлотцы прозвали его Щорсом. Он неловко пожал мне руку, опасаясь, видимо, сделать больно.

Вместе с Проценко на батарее жил его двенадцатилетний

сынишка Женя. Он был связным и часто ходил вместе с комиссаром Малинко в разведку.

Ночью Военный совет решил взорвать 412-ю, а утром Жуков рассказывал мне, что звонил потрясенный Зиновьев и не верил в это решение. Несколько раз переспрашивал, правда ли это.

Как же ее можно было взорвать, когда только три дня назад они сменили у пушек стволы?!

Это была адская работа. Стволы весом в 18 тонн менялись без обычных приспособлений для смены. На помощь морякам пришли из порта старики такелажники. За ночь никто не уснул, и к утру пушки были опять готовы к длительным боям.

Но приказ есть приказ.

Расстреляв весь боезапас, моряки, рыдая, подорвали свою родную батарею.

Они забрали с собой 45-миллиметровые пушки, минометную батарею, пулеметы, все трофейное оружие, в том числе несколько танкеток, захваченных у противника, и ушли, не оборачиваясь, в Крыжановку, а там влились самостоятельным батальоном в 1-й полк морской пехоты полковника Осипова.

Фронт обороны сужается

Генерал Шишенин доложил Военному совету, что 25 августа из Севастополя вышли теплоходы «Крым» и «Армения», у которых на борту 920 бойцов, боеприпасы и военное имущество, нужное нам.

Это пополнение не могло возместить выбывших с переднего края раненными даже за одни сутки: к исходу дня в госпитали Одессы было доставлено более тысячи бойцов и командиров. И это не говоря о легкораненых, не пожелавших госпитализироваться, и о безвозвратных потерях.

Шишенин доложил: перед нами действуют 15, 11, 7, 3, 14 и 21-я пехотные, 1-я пограничная и гвардейская дивизии.

К противнику непрерывно приходят маршевые пополнения взамен выбывающих в результате непрерывных атак.

Минометчики Приморской армии на огневой позиции

Мы понимали, что, обороняя Одессу, притягиваем на себя довольно значительные силы противника и, безусловно, ослабляем темпы его наступления на юге страны, а тем самым вносим коррективы в планы фашистов и их сообщников. Врагу не удавалось сделать Одессу перевалочной базой для питания своих армий на юге.

Теперь, когда опубликован дневник начальника германского генерального штаба Ф. Гальдера, это стало особенно ясно. Вот его

запись за 15 августа 1941 года: «Войска, действующие в районе Днепра и Киева, требуют в среднем 30 эшелонов в день (боеприпасы, горючее). В первую очередь необходимо возможно скорее доставить для 11-й и 17-й армий в Одессу и Херсон 15000 тонн боеприпасов, 15000 тонн продовольствия, 7000 тонн горючего. Эти грузы должны быть доставлены в течение десяти дней после занятия Одессы. В портах Варна и Бургас на кораблях имеется 65000 тонн боеприпасов и продовольствия». Спустя шесть дней в том же дневнике появилась новая запись: «… Румыния считает, что только в начале сентября им удастся занять Одессу. Это слишком поздно. Без Одессы мы не сможем захватить Крым».

А мы, несмотря ни на что, сдавать Одессу не собирались.

На очередное заседание Военного совета прибыл переведенный к нам из 9-й армии секретарь Одесского обкома партии А. Г. Колыбанов.

Он вошел, оживленный и шумный. Реглан распахнут, на фуражке — красноармейская звездочка.

Колыбанов поздоровался с Жуковым и Ворониным и, подойдя ко мне, проговорил:

— Если не ошибаюсь, Азаров? Мы всегда рады морякам, особенно в такое время. — Он сказал это так, будто в Одессу вернулся не он, а я.

— Теперь весь Военный совет в сборе, — начал Жуков. — Не будем терять времени. Прошу! — и жестом пригласил нас к столу.

Как всегда, обсуждались итоги дня.

В связи с недостатком командного состава начальнику штаба генерал-майору Шишенину и начальнику политотдела Приморской армии полковому комиссару Бочарову было поручено организовать краткосрочные курсы командного и политического состава; на курсы командиров взводов отобрать сержантов и старшин, отличившихся в боях, а на курсы политработников — коммунистов, имеющих навыки организационной и агитационной работы.

Военный совет заслушал сообщение председателя облисполкома Кальченко о решении ввести с 25 августа карточную систему на продукты.

Предстояло выдать свыше 360 000 хлебных и продуктовых карточек. Каждому работающему на предприятии оборонного значения полагалось в день 800 граммов хлеба и другие продукты.

Одобрив введение карточной системы, Военный совет обязал начальника тыла армии организовать вместе с представителями

облисполкома и горисполкома заготовку и доставку продуктов из пригородных колхозов и совхозов.

В связи с отходом наших частей на участке между Большим Аджалыкским и Аджалыкским лиманами была получена телеграмма маршала Шапошникова.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования он указывал, что за период с 16 по 25 августа в Западном секторе ООР наши части отошли на 15–20 километров к востоку от линии, которая рассматривалась Верховным Главнокомандованием как основной рубеж обороны. 24–25 августа части Восточного сектора также отошли на 4–8 километров. Сужение пространства оборонительного района беспокоило Ставку, и она предупреждала нас о возможности тяжелых последствий этого.

Военному совету ООР предлагалось потребовать от войск большей устойчивости в обороне, до конца использовать людские ресурсы района для пополнения боевых потерь; не допускать утраты оружия, учитывая затруднения со снабжением им; максимально развивать оборонительные работы в глубине района, включая территорию города, используя все средства и возможности Одессы.

Последствия, к которым вело сужение фронта, мы уже ощутили.

Город и порт обстреливала вражеская артиллерия. Дымзавесы помогали мало: фок — и грот-мачты возвышались над пеленой дымзавес, и этого было достаточно для оптики врага.

Телеграмма маршала Б. М. Шапошникова еще более заострила наше внимание на перспективах обороны Одессы.

Мы решили немедленно ехать в дивизии, чтобы довести до сведения командиров требования Ставки: Воронину — в 95-ю, мне — в 25-ю, Колыбанову — во 2-ю кавалерийскую дивизию; командующий взял на себя Восточный сектор. Военный совет одобрил подготовленное политотделом обращение к бойцам Одесского оборонительного района с призывом отстаивать каждый метр родной земли.

Что касается использования внутренних ресурсов, мы вынуждены были признать, что многого еще не сделали. Не ослабляя темпа работы промышленных предприятий, можно было мобилизовать еще до 5000 человек на восполнение боевых потерь.

Колыбанову Военный Совет поручил руководить мобилизацией, а генерал-майору Шишенину — выделить командный состав для обучения призывников.

Мы одобрили инициативу 95-й дивизии и 1-го морского

полка, создавших группы по сбору трофейного оружия на поле боя. На группу контроля во главе с полковым комиссаром Бурдаковым тут же возложили изъятие излишков личного оружия в частях оборонительного района. Эти меры помогали отчасти обеспечить оружием поступающие маршевые пополнения.

В заключение А. Г. Колыбанов информировал Военный совет о проводимых обкомом партии мероприятиях по дальнейшему расширению производства оружия и боеприпасов.

Завод имени Петровского начал изготовлять ручные гранаты. Не было детонаторов — рабочие вместе с учеными-химиками изготовили терочный запал с детонатором, и ручные гранаты стали выпускаться в массовом количестве.

В Одессе никогда не производились взрывчатые вещества. Завод «Большевик» решил эту задачу и уже стал давать до двух тонн взрывчатки в сутки.

Даже артели промысловой кооперации перестроились на производство боеприпасов. Артель «Большевик», делавшая детские игрушки, приступила к изготовлению мин. Химическая артель «Комсомолка», снабжавшая город кремом для обуви, перешла на производство запалов для бутылок с горючей жидкостью.

До войны в Одессе не было предприятий, производивших вооружение, и никто не был знаком с технологией его производства. В городе осталось только старое, изношенное оборудование, даже квалифицированные рабочие выехали. Но призыв партии «Все для фронта! Все для победы!» стал законом для всех, кто остался в Одессе.

Город бомбили, он простреливался вражеской артиллерией, горел, с каждым днем росли затруднения с продовольствием, сокращались запасы воды, все туже сжималось кольцо блокады, но ни на час не прекращалась работа на заводах.

По неполным данным, за время обороны предприятия Одессы дали фронту 5 бронепоездов, 50 самодельных танков, более 1500 минометов, до 1000 огнеметов и металлометов, свыше 300 000 гранат, 300 000 мин, 20 000 запалов для бутылок с горючим, около 4000 рельсовых противотанковых препятствий.

Константин Симонов, сам бывший в Одессе в те героические дни, писал об энтузиазме рабочих: «…Здесь рабочее время определялось не количеством часов, не количеством бессонных ночей, а единственно тем, когда будет готов танк. «Вот как танк кончим, тогда пойду спать…»

Да, рабочие Одессы трудились самоотверженно, не считаясь с усталостью. И никакие, даже самые тяжелые условия, в которых они оказались, не могли убить в них оптимизм, веру в нашу

победу.

Однажды, проезжая по городу, я заметил у агитмашины большую группу женщин, детей и стариков, весело и заразительно смеявшихся. Проходившие рабочие и бойцы останавливались, прислушивались и начинали так же неудержимо, до слез смеяться. Слышны были возгласы:

— Повтори еще!

Оказывается, читали письмо Адольфу Гитлеру. Это письмо было издано массовым тиражом и подписывалось всеми желающими. Подписывавшие его делали еще приписки и от себя, и это вызывало еще больший смех.

В тот вечер, собравшись на ужин, мы тоже прочитали это письмо. В нем были такие строки:

«Мы, правнуки и внуки славных и воинственных запорожцев земли Украинской, которая теперь входит в Великий Советский Союз, решили тебе, проклятый палач, письмо это написать, как писали когда-то наши прадеды, и деды, которые громили врагов Украины.

Ты, подлый иуда и гад, напал на нашу Краину и хочешь забрать у нас фабрики и заводы, земли, леса и воды и привести сюда баронов, капиталистов — таких, как ты, бандитов и разбойников-фашистов.

Этому никогда не бывать! Мы сумеем за себя постоять… Не видать тебе нашей пшеницы и сала… Не раздобудешь ты ни одного воза провизии, хотя уже и потерял лучшие дивизии, не построишь ты на нашей земле ни одну виллу, мы выделим для каждого из вас по два метра на могилу. И как не доведется свинье на небо смотреть, так тебе в нашем огороде не рыть, хотя у тебя морда свиняча и свинская удача.

Передай своему другу дуче: пусть не хвалится, едучи на рать… У нас хватит самолетов, бомб, снарядов и штыков, танков и пушек, чтобы стереть тебя в пыль, вор и палач.

На этом мы кончаем и одного тебе желаем, чтобы у тебя, пса, застряла во рту польская колбаса, чтобы ты со своими муссолинами подавился греческими маслинами, а в остальном, чертовы гады, не миновать вам всем наших пуль и снарядов…»

* * *

Опасаясь дальнейшего сужения линии фронта, Военный совет призывал бойцов любой ценой удерживать позиции. На самые опасные участки фронта мы послали политработников из резерва

Военного совета. Они беседовали с бойцами в перерыве между атаками и зачастую, не закончив беседы, вместе с красноармейцами и моряками поднимались в контратаку.

Комиссар морского полка Митраков рассказал мне о политруке Василии Иванове, который дважды водил бойцов в рукопашную и был тяжело ранен в бою на южной окраине агрокомбината Ильичевка.

— Он просил передать, что слово, данное вам, сдержал, — сказал Митраков, — и честь маратовца не посрамил.

Мне вспомнился 1932 год… «Марат». Я был тогда секретарем партийного бюро линкора. К нам прибыл Сергей Миронович Киров.

На время учений С. М. Кирова поселили в мою каюту.

— А вы где будете отдыхать? — спросил меня Сергей Миронович.

— Да нам-то и отдыхать, собственно, некогда, — отговорился я.

— Э, коллега, так вас ненадолго хватит. Горе подчиненным, у которых руководители работают и не отдыхают.

— Я найду себе место…

— Это уже другое дело.

Киров был обаятелен и прост. Умел слушать других и учил этому нас.

— Не перебивайте людей, не смотрите на часы, когда они вам хотят что-нибудь рассказать, — советовал он, беседуя с секретарями партийных организаций и членами партийного бюро линкора.

— Кто тут у вас среди секретарей самый сильный? — спросил меня Сергей Миронович.

Я рассказал ему о Василии Иванове.

После службы на флоте Иванов работал секретарем цеховой парторганизации Николаевского судостроительного завода, а в первый день войны снова ушел добровольцем на флот. Пробыв несколько дней в Севастополе, упросил командование отправить его в Одессу.

Девять лет спустя после службы на «Марате» мы встретились в Одессе как старые друзья. Василий тут же попросил:

— Хочу в морской полк, к врагу поближе. Честь маратовца не уроню…

И вот узнаю от Митракова о тяжелом ранении политрука Иванова.

Я приехал к нему в госпиталь в Лузановку.

Осколком мины Иванову перебило три ребра. Кроме того, он получил еще два сквозных ранения. От большой потери крови

сильно побледнел.

Мы долго молчали. Потом он собрался с силами и сказал:

— Вам передали?

— Да. Спасибо.

У него от напряжения лоб покрылся испариной.

Вошедший в палату лечащий врач объявил, что политрук Иванов отправляется в Центральный военно-морской госпиталь на срочную операцию.

С тяжелым чувством простился я со своим старым товарищем…

* * *

Вместе с телеграммой Ставки, жесткой и тревожной, мы получили и приятное сообщение — о незначительном, но все же пополнении. На днях из Севастополя и Новороссийска корабли должны были доставить в Одессу десять маршевых батальонов, экипированных и вооруженных.

Нужно было еще серьезнее заняться строительством оборонительных сооружений на вторых линиях и в самом городе. Вместе с А. Ф. Хреновым мы изучили все возможности Одессы и подготовили доклад Военному совету.

27 августа Военный совет поручил председателю облисполкома Кальченко немедленно провести мобилизацию мужского населения и бездетных женщин, способных работать на укреплениях. Всех граждан, привлеченных к работам, к 22 часам 28 августа разбить на команды по 100 человек. Каждые пять команд свести в отряд. В команды и отряды назначить командиров, политработников и медицинский персонал. Организовать бесперебойное питание всех работающих за счет местных средств.

В 24 часа 28 августа полковой комиссар А. И. Рыжов, работавший в группе контроля, доложил Военному совету, что строительные отряды сформированы и с утра приступят к работам.

Утром пришел транспорт «Абхазия» под охраной лидера «Ташкент»: из Севастополя прибыли хорошо вооруженные отряды моряков, группа командного состава из частей и учреждений Черноморского флота, политработники, призванные из запаса. Нам доставили также оружие, медикаменты и инженерное имущество.

Добровольцы прибыли в касках. Прежде среди моряков, воевавших в Одессе, было много раненых в голову; мы решили

заменить всем бескозырки на каски и сообщили об этом в Севастополь. И все же моряки, идя в атаку, снимали каски и надевали бескозырки, хранившиеся в вещевых мешках, в противогазных сумках, а то и просто в карманах.

На рукавах флотских рубах у добровольцев четко выделялись ярко-красные звездочки.

Генерал-майор Шишенин, принимавший отряды, сразу же распределил их и направил в 1-й морской и в 54-й стрелковый полки, понесшие за последние дни самые большие потери.

Какой страх ни наводила на фашистов черная форма моряков и как ни любили ее краснофлотцы, пришлось-таки нам переодевать их в армейское обмундирование. Моряки сами убедились в целесообразности переобмундирования, хотя делали это довольно неохотно. Чтобы меньше проявлялось недовольства, мы разрешили им носить тельняшки при расстегнутом вороте гимнастерки и флотские ремни с медными бляхами, а во время передышек — бескозырки или мичманки.

Воевали же они хорошо. Недаром командиры дивизий генералы И. Е. Петров, В. Ф. Воробьев да и другие постоянно просили:

— Подбросьте морячков. Отлично дерутся — лихо и легко.

В канун прихода «Ташкента» вражеская дальнобойная батарея, обстреливавшая порт и подходные фарватеры, повредила буксир и эскадренный миноносец «Незаможник». Осколок снаряда попал в командира корабля капитан-лейтенанта Бобровникова. Тут же ему сделали перевязку, и он не сошел с мостика до тех пор, пока, согласно боевому приказу, корабль не закончил обстрела побережья, занятого противником.

С приходом «Ташкента» нам представилась возможность подавить эту батарею.

На лидере подобрали для корректировочного поста группу во главе с лейтенантом Борисенко. С большим желанием отправились моряки к переднему краю противника, хотя понимали, насколько велика опасность.

Едва лидер «Ташкент» вышел из ворот порта, как батарея противника открыла по нему огонь. Снаряды ложились сначала то недолетом, то перелетом; вскоре огонь усилился, и они стали падать совсем близко. Кораблю пришлось применить противоартиллерийский зигзаг и выйти из зоны огня, а эсминец «Смышленый» и два сторожевых катера прикрыли его дымовой завесой. Но вот корпост передал на корабль первые данные. Снаряды «Ташкента» легли левее цели. После корректировки и пристрелки «Ташкент» перешел на поражение. А в 17 часов 30 минут корпост донес: батарея врага уничтожена.

Не просто было работать корректировщикам: противник быстро засек их рацию, и в район лесопосадки, где размещался пост, полетели мины.

Но моряки продолжали передавать целеуказания и поправки. Тогда вражеские солдаты приблизились к корпосту на расстояние 80–100 метров. Моряки приняли бой, прикрыв себя огнем пулеметов, и продолжали корректировать стрельбу корабля. Когда они вернулись на лидер, им все завидовали. Артиллеристы во главе со старшим лейтенантом Н. С. Новиком тоже отличились, и, возможно, не меньше, чем они, но врага с корабля не видно было, а корректировщики встретились с ним лицом к лицу.

Моряки лидера «Ташкент» стали героями дня. Командир отряда кораблей Северо-Западного района контр-адмирал Д. Д. Вдовиченко, находившийся на «Ташкенте», объявил благодарность всему экипажу и приказал передать семафор на все корабли своего соединения: «Учитесь стрелять и вести себя под огнем противника у лидера «Ташкент».

Город и порт, хотя только на время, были спасены от артиллерийского обстрела.

Утром 30 августа «Ташкент» снова вышел на прежнюю позицию и, маневрируя на малом ходу, открыл огонь по тем районам, куда противник подтянул за ночь свежие силы. Стрельба велась интенсивно и успешно. Все увлеклись ею.

Вдруг командир корабля капитан-лейтенант Ерошенко, находясь в штурманской рубке, услышал голоса:

— Самолеты противника в зените!

Это докладывали сигнальщик Гордиенко и командир отделения строевых Цепик. Зенитные батареи открыли огонь. Ерошенко поставил рукоятку машинного телеграфа на «полный вперед» и выскочил на левое крыло мостика. Увидев, в каком направлении ведут огонь зенитчики, он скомандовал:

— Право на борт!

Корабль увеличил ход. Корма пошла влево.

Враг сбросил бомбы. Из 12 бомб крупного калибра одна взорвалась в непосредственной близости от правого борта. Корабль сильно качнуло, каскады воды обрушились на палубу. В корме с правого борта от взрыва образовалась пробоина. Была разрушена палуба пятого кубрика, но турбины продолжали работать.

Опоздай Ерошенко хотя бы на несколько секунд с поворотом — и было бы неизбежно прямое попадание.

Мы прибыли с Жуковым в порт. Бросились в глаза зияющая пробоина в кормовой части, резко деформированная палуба,

разбитые надстройки, вмятины, следы пожара.

Капитан-лейтенант Ерошенко сухо доложил контрадмиралу Жукову о состоянии корабля, о действиях в бою личного состава, об убитых и раненых и о том, что пропал без вести машинист Лаушкин.

Командование Черноморского флота запросило нас, сможет ли «Ташкент» прийти своим ходом в главную базу флота. Если сможет, ему надлежало сегодня же следовать в Севастополь.

Выслушав доклад командира электромеханической боевой части и флагманского механика, а также водолазов, осматривавших корабль, мы пришли к заключению, что до Севастополя корабль сможет дойти: главные машины в порядке, пострадали лишь некоторые вспомогательные механизмы и арматура.

Военком корабля батальонный комиссар Сергеев доложил мне, что раненые просят не отправлять их в госпиталь.

— Мы вместе с кораблем «отремонтируемся» в Севастополе и опять придем к вам, — сказал машинист Гребенников, когда мы вошли в санчасть лидера.

Вскоре старший помощник командира корабля Орловский отрапортовал, что прибыл машинист Лаушкин, который считался пропавшим без вести.

— Его доставил малый охотник, — видя наше недоумение, поспешил объяснить Орловский. — Подобрали в районе бомбежки.

Сам Лаушкин рассказал, как он, выброшенный за борт взрывной волной, очутился в водовороте, как пронырнул его и увидел, что корабль уходит в сторону Одессы. Сгоряча он сначала пытался плыть за кораблем; кричать было бесполезно. Потом понял, что и торопиться бесполезно.

Моряк осмотрелся, снял с себя все, кроме тельняшки, трусов и сумки с противогазом. Он плыл более трех часов, а потом устал и решил просто держаться на воде. Тут он услышал шум мотора и увидел катер.

Моряки, втащившие Лаушкина на борт, узнав, что он с «Ташкента», начали наперебой предлагать ему кто фланелевку, кто брюки, ботинки…

Я посмотрел на Лаушкина. Открытые лучистые, чуть виноватые глаза: сделал, мол, что-то не так, очутившись за бортом, но теперь уже с ним такого, он уверен, не повторится.

— Что же ты все сбросил, а противогаз тащил? Он же мешал, — удивился я.

— Так это же боевое имущество…

К 23 часам аварийные работы на лидере были закончены. С

берега вернулась группа корректировочного поста во главе с лейтенантом Борисенко; некоторые из краснофлотцев были ранены.

Радостно обнимали друг друга моряки.

В сопровождении «Смышленого» и двух катеров «Ташкент» пошел в Севастополь.

* * *

Как раз в это время, в конце августа, начали действовать наши, одесские бронепоезда, построенные рабочими и инженерами завода имени Январского восстания.

29 августа на заводе состоялся митинг: рабочие сдавали морякам и красноармейцам бронепоезд «За Родину». Отвечая на выступления рабочих, призывавших отстаивать Одессу и не пускать врага в город, командир поезда М. Р. Чечельницкий заверил, что команда оправдает их надежды, будет наносить фашистам сокрушительные удары.

Бронепоезд вышел на фронт и стал поддерживать своим огнем кавалерийскую дивизию полковника П. Г. Новикова в районе Сухого лимана и Татарки.

На следующий день бронепоезд «За Родину» вместе с бронепоездом № 21 подавлял зенитные батареи противника. Вражеский снаряд разорвался под бронеплощадкой поезда № 21 и разворотил железнодорожный путь. Поезд остановился, а фашисты усилили по нему огонь артиллерии и минометов. Тогда на помощь ему Чечельницкий послал свою путейскую бригаду во главе с пулеметчиком Михайловским. Домкратом подняли осевшую бронеплощадку, сменили перебитый рельс, и 21-й ушел из-под губительного огня противника.

Чтобы поддержать поредевшие части на восточном берегу Сухого лимана, Чечельницкий повел поезд на Овидиопольскую ветку. Там прямой наводкой отбивала атаки врага 1-я батарея береговой обороны под командованием капитана Куколева. Бронепоезд открыл огонь, но противник пристрелялся, его снаряды ложились все ближе и ближе. Осколки пробивали обшивку, прямое попадание вывело из строя расчет 76-миллиметровой пушки, загорелись ящики с боеприпасами. Бойцы Мишкин, Дикий и Люсюк с риском для жизни сбросили их на ходу. Военфельдшер Большаченко и медсестра Жанна Литвиненко перебрались на бронеплощадку и оказали первую помощь раненым.

Настоящими героями проявили себя на этом бронепоезде

командир разведки Баранов, лейтенанты Волков и Синенков, сержант Щелыков, пулеметчики Исмрад Шибжиков и Калимбет Ерinджаев, комендоры Куркатов и Криволап и многие другие.

В дневнике, найденном у убитого румынского юнкера Михаила Олтяну, мы нашли такую запись: «Сегодня утром появился бронепоезд противника и открыл бешеный огонь. Пули и снаряды сыпались градом. Поражения нанесены нам огромные».

Одному из бронепоездов рабочие дали имя «Черноморец». Он тоже доставлял врагу немало хлопот. Мне довелось не раз бывать на «Черноморце» и за славные боевые дела объявлять экипажу благодарность Военного совета.

У бронепоезда «Черноморец»: разведчик А. Тлустый, политрук П. Дудко, командир поезда И. Кирпин, машинист А. Макаров

Как-то ко мне пришел комиссар бронепоезда П. А. Дудко.

— Я к вам по поручению всего экипажа, — начал он. — Дело в том, что вот уже три дня, как мы стоим в ремонте. Все работы закончены еще вчера. Рабочие не уходили из цехов ни днем ни ночью, чтобы закончить ремонт в кратчайший срок. И нам очень неудобно перед ними: торопили, а сами до сих пор остаемся на территории завода.

— В чем же дело?

— Задержка из-за артиллерийских установок. Наши пушки вышли из строя. Пообещали заменить новыми — и до сих пор их

нет. А мне, — вздохнул Петр Агафонович, — нет покоя от краснофлотцев и красноармейцев. Рвутся снова в бой…

Я объяснил Дудко, что в базе резервных орудий нет и снимать их уже неоткуда, мы запросили Севастополь и в ближайшие дни нам обещали доставить пушки.

Комиссар обрадовался.

Ставка просит

Сентябрь начинался не радостно.

Сводки Совинформбюро пестрели новыми направлениями наступления гитлеровских войск. Новгородское… Днепропетровское… А затем: «После упорных боев оставлен город Новгород». Не прошло и двух дней, как снова: «…Нашими войсками оставлен город Днепропетровск»…

В Одессе тревожные дни сменялись такими же тревожными ночами.

В ночь на 2-е противник попытался прорвать оборону в Восточном секторе.

Первые ночные атаки. Это было для нас ново.

421-я стрелковая дивизия, сформированная из войсковых частей Восточного сектора и пополненная 4000 одесситов, закрыла участок прорыва, сорвала вражескую атаку и уничтожила мелкие группы противника, просочившиеся ночью. Атаки велись и на фронте 1-го морского полка.

В бою был смертельно ранен помощник начальника политотдела по комсомолу Симонов, тот самый жизнерадостный, полный сил политрук, что встретил меня по прибытии в Одессу.

Не прекращались налеты вражеской авиации на порт. Не проходило дня, чтобы там не было убитых и раненых. Подчас шальной снаряд рвался в местах сосредоточения эвакуируемых раненых, ждущих посадки.

Имея, очевидно, сведения о крайнем напряжении наших сил, вызванном большими потерями, противник решил во что бы то ни стало совершить последний бросок для прорыва и 3 сентября захватить Одессу «любыми силами и средствами», как приказал Антонеску на совещании румынских офицеров в Выгоде.

В ночь на 3 сентября на всем протяжении фронта противник нащупывал слабое звено обороны. В Восточном секторе он атаковал вдоль железной дороги в направлении на Корсунцы. 421-я дивизия отбила атаки, сохранив свои позиции, и к исходу 3 сентября овладела селом Протопоповка.

В Западном секторе противник пытался ночью прорвать линию обороны 95-й стрелковой дивизии. Неоднократно переходя в штыковую контратаку, части дивизии не допустили прорыва.

В Южном секторе противник пытался наступать двумя полками, нанося главный удар в направлении Фриденталя и Дальника, но успеха не имел.

Днем наступление велось в разных секторах. Все атаки защитники Одессы отбили. 4 сентября ночью — снова атаки на

разных направлениях. Авиация сбрасывала на город зажигательные бомбы. Артиллерия обстреливала город и порт. Во многих местах Одесса горела…

Линия фронта была бы на этот раз прорвана, если бы не быстро доставленные кораблями маршевые батальоны: как только они прибывали в Одессу, их сразу же, не ожидая темноты, направляли машинами на передний край.

5 сентября вечером Гавриил Васильевич Жуков сообщил нам, что завтра прибывает в Одессу командующий флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский. С ним мы ожидали погруженное на лидер «Харьков» и эсминец «Дзержинский» оружие, которое выделялось для Одессы из 51-й армии по приказанию Ставки: 5000 винтовок, 150 станковых пулеметов, 300 автоматов, 200 ручных пулеметов, 100 82-миллиметровых и 20 120-миллиметровых минометов с тремя боекомплектами.

На рассвете мы вместе с Жуковым выехали в порт встречать командующего флотом.

Бригадный комиссар М. Г. Кузнецов, дивизионный комиссар Ф. Н. Воронин, дивизионный комиссар И. И. Азаров, генерал-лейтенант Г. П. Софронов, контр-адмирал Г. В. Жуков, полковой комиссар Л. П. Бочаров и бригадный комиссар А. Г. Колыбанов

Как и следовало ожидать, батареи противника открыли огонь по подходившему к порту лидеру. «Харьков» и встретившие его катера поставили дымзавесу. Батарея противника продолжала

стрелять на ощупь.

Лидер подошел к стенке, и мы увидели на палубе ящики с оружием и боезапасом.

По трапу, сброшенному на стенку, сошел командующий флотом.

Приняв доклад, Октябрьский заметил, что сторожевые катера действовали хорошо.

— Да, — он прищурил глаза, — жарко было от «салюта»… Как дела?

— Как видите, — сдержанно ответил Жуков.

— Что корабли, идущие в порт, обстреливаются — в этом я только что сам убедился, — сказал командующий. — Поехали на командный пункт!

Филипп Сергеевич информировал нас о положении дел на юге.

Занятые своими делами в Одессе, мы не представляли, какая угроза нависла над Крымским полуостровом в последние дни.

31 августа войска противника форсировали Днепр в районе Берислав — Каховка и направили удар на Перекопский перешеек. В этой обстановке возрастала роль Одессы. Упорной обороной мы связывали противнику руки, оттягивая на себя более десяти дивизий, боевую технику и авиацию.

В тот же день состоялось заседание Военного совета Одесского оборонительного района в присутствии вице-адмирала Октябрьского и находившегося в Одессе вице-адмирала Левченко.

Докладывая обстановку, генерал-майор Шишенин говорил спокойно, но каждая названная им цифра била тревогу.

На 6 сентября перед фронтом действовали 13, 15, 11, 3, 6, 7, 8, 12 и 21-я пехотные дивизии противника… Разведывательные данные, показания пленных офицеров и солдат подтверждают, что взамен убитых и раненых противник регулярно получает пополнения. Количество войск и боевой техники врага под Одессой возрастает, что подтверждается ежедневными непрерывными атаками, интенсивностью налетов авиации и артиллерийского обстрела города и порта… У нас же не хватает резервов, боеприпасы своевременно не доставляются…

Члены Военного совета говорили о мерах по мобилизации внутренних ресурсов, о проведенной политорганами работе по повышению устойчивости обороны, но приходили к выводу, что отсутствие резервов ставит обороняющиеся войска в тяжелое положение и вынуждает постепенно отходить. Исключая уход из Одессы, все подчеркивали острую потребность в резервах.

— Нам понятно указание маршала Шапошникова, сделанное по поручению Ставки, — сказал контр-адмирал Жуков. — Мы

нарушили директиву Верховного Главнокомандующего, отойдя с основного рубежа обороны. Но иного выхода не было. Больше того, части Восточного сектора снова отошли на четыре — восемь километров между лиманами Большой Аджалыкский и Хаджибеевский, хотя совершенно ясно, что новое сужение пространства оборонительного района чревато тяжелыми последствиями…

Ф. С. Октябрьский заявил, что Военный совет флота полностью согласен с докладом, посланным два дня назад Военным советом Одесского оборонительного района в Ставку и наркому Военно-Морского Флота. Он подтвердил наше мнение, что оградить город, порт и подходные фарватеры от огня вражеской артиллерии можно только одним путем: для этого надо оттеснить врага на расстояние, которое не позволяло бы ему вести действительный огонь по городу. Согласился Филипп Сергеевич и с тем, что такую задачу нельзя решить без усиления оборонительного района свежими силами. Он заверил, что Военный совет флота будет просить наркома и Ставку направить в Одессу стрелковую дивизию.

Он сообщил, что нарком приказал Военному совету флота произвести высадку тактического десанта у Новой Дофиновки, ударить в тыл группировке противника перед Восточным сектором Одесского района и обеспечить наступление наших частей в северном направлении, между Аджалыкским и Куяльницким лиманами. Десант должен быть поддержан сильным артиллерийским огнем с кораблей, авиацией и предварен тщательной разведкой.

Жуков выразил общее мнение Военного совета, сказав, что такая помощь нами приветствуется, но силами, имеющимися в Одессе, такую операцию провести невозможно.

— Эту задачу можно решить только при условии присылки в Одессу кадровой дивизии, — подтвердил он. — Мы понимаем обстановку в стране и все же считаем, что вопрос о кадровой дивизии для Одессы не может быть снят с повестки дня. Мы просим Военный совет флота поддержать нас в этом…

На следующий день мы слушали очередное сообщение генерал-майора Шишенина.

— Хутор Вакаржаны оставлен нами, — доложил он. — В остальных секторах на сегодня сохранено прежнее положение, но в войсках — усталость от непрерывных атак противника.

Подводя итоги всему сказанному, Жуков заключил:

— Наше сопротивление растет, но не ослабевает и натиск противника. К сожалению, мы не только не можем восстановить заданную Ставкой линию обороны, но не можем даже оттеснить

противника на столько, чтобы порт и город оказались вне артиллерийского обстрела.

И мы снова телеграфировали в Ставку: «Батареи противника интенсивно обстреливают Одессу. За последние десять дней ООР имел только ранеными, размещенными в госпиталях, — 12 тысяч… Местные людские ресурсы исчерпаны. Прибывшие маршевые батальоны пополняют только убыль. Имеем большие потери людей, особенно в командном составе. В связи с этим снижается боеспособность. Имеем потери в боевой технике. Имеющимися силами ООР не в состоянии отбросить противника от Одессы. Для решения этой задачи — оттеснить врага и держать город и порт вне артиллерийского обстрела — срочно нужна хорошо вооруженная дивизия».

Военный совет Черноморского флота сообщил нам, что он полностью поддерживает нашу просьбу о помощи.

В те сентябрьские дни обстановка была такова, что порою казалось: еще небольшой нажим со стороны противника — и наша линия обороны будет прорвана.

Не может быть, надеялись мы, чтобы нам, приковывающим к Одессе столько дивизий противника, не дали в подкрепление одной кадровой дивизии.

10 сентября мы послали в Ставку еще одну телеграмму: «На фронт прибыли новые части 10-й пехотной дивизии. Пятидневные бои по ликвидации прорыва в районе Ленинталь не дали успеха. Противник продолжает с боем двигаться в направлении Дальника. Положение напряженное. Для восстановления положения срочно требуется полностью вооруженная дивизия. Целесообразно для ускорения взять ее из 51-й армии». Копии этой телеграммы были посланы наркому и Военному совету Черноморского флота.

По сводкам Совинформбюро мы знали, что положение на фронтах не улучшается, части Красной Армии продолжают отступать, оставляя врагу города и села. Но нам ничего не оставалось, как надеяться на помощь. Договорились: будем просить дивизию до тех пор, пока нам ее не выделят.

Через несколько часов Жуков снова собрал Военный совет, чтобы огласить телеграмму Ставки.

— «Части Одесского оборонительного района свыше трех недель успешно сковывают до двенадцати дивизий противника, нанося ему значительные потери». — Эти слова Гавриил Васильевич произнес отчетливо, не торопясь. От себя добавил: — Очень лестно слышать такую оценку наших действий. Эти дивизии, видимо, очень нужны врагу для развития успеха на юге, а мы приковываем их к себе.

— И перемалываем потихонечку, — бросил кто-то реплику.

Признание Ставкой важности боев за Одессу, спокойный тон телеграммы — все это ободрило нас. Ведь мы, докладывая в Ставку об отходе наших войск от намеченной линии обороны, очень тревожились: а вдруг получим упреки?

Вторая часть телеграммы заставила нас серьезно задуматься. В ней говорилось, что оборона рубежей, прикрывающих Одессу с северо-востока и юго-запада, недостаточно упорна, в результате этого противник овладел районами Гильдендорф и Ленинталь и держит Одессу под артиллерийским огнем. По имеющимся данным, противник группирует для наступления на Одессу крупные силы артиллерии, подтягивает еще две пехотные дивизии.

Маршал Шапошников предлагал:

1. Организовать 2–3 мощных налета авиации Черноморского флота, артиллерии кораблей и береговой обороны на позиции противника. Взаимодействуя с этими средствами, войскам ООР возвратить утраченные позиции в районе хуторов Вакаржино, Фрейденталь, Ленинталь и уничтожить противника, просочившегося в направлении Дальника.

2. Потребовать от войск предельного упорства а обороне каждого метра пространства, повседневно укреплять и совершенствовать занимаемые позиции.

3. Использовать все возможности Одессы для постройки на передовых позициях прочных укрытий из металла, бетона, подручных материалов. Привлечь к полевым оборонительным работам все силы населения, кадры специалистов флота, сухопутных войск, тыловых учреждений.

4. Пополнить убыль в командном составе за счет местных ресурсов.

В сужении фронта обороны Ставка не упрекала Военный совет ООР. Но нам ставилась конкретная задача: возвратить утраченные позиции имеющимися силами, отбросить противника на такое расстояние, с какого он не мог бы обстреливать порт артиллерийским огнем.

Но как мы могли решить эту задачу, совершенно не имея резервов? Однако Ставка требует, зная об отсутствии их из наших же телеграмм. Значит, недоразумения никакого нет, задача должна быть выполнена. И мы не теряли надежду получить одну, только одну дивизию. Филипп Сергеевич тоже согласился, что без этого наступать нельзя.

Мы начали всерьез продумывать вопрос о высадке десанта в тыл противника восточнее Новой Дофиновки и одновременной наступательной операции силами ООР в восточном направлении.

Но общее мнение склонялось к тому, чтобы высаживать десант не у Новой Дофиновки, а в районе Григорьевки.

С опозданием прибывший на заседание секретарь обкома партии Колыбанов, волнуясь, рассказал о жертвах вражеских налетов, о разрушенных артиллерией жилых домах, об огромных потерях среди гражданского населения. Все это ни для кого не было новостью: враг и днем и ночью совершал налеты на Одессу. В наших оперативных сводках тех дней можно было прочитать такие горькие строки: «Авиация противника с наступлением темноты возобновила налеты на Одессу, артиллерия противника продолжает методически обстреливать различные районы города. В результате бомбардировки с воздуха и артобстрела в Одессе разрушено 59 зданий, возник 21 пожар, убито 92, ранено 130 человек гражданского населения». «Днем 15 Ю-88 бомбардировали Одессу. Затем 50 бомбардировщиков вновь совершили налет на город. В городе убито и ранено более 300 человек. Большие разрушения, много пожаров».

Обсудив уже после убытия командующего результаты налетов авиации на Одессу, мы решили просить Военный совет Черноморского флота нанести мощный воздушный удар по цитадели Антонеску — Бухаресту и вместе с бомбами сбросить листовки с пояснением: «За многострадальную Одессу». Мы надеялись, что ответные удары по Бухаресту в какой-то мере повлияют на правителей фашистской Румынии и вынудят их воздержаться от варварского разрушения города и убийства мирных жителей. Мы были удовлетворены, когда получили ответ Военного совета флота: «Вашу просьбу выполним».

10 сентября 1941 года пришло донесение командира Тендровского боевого участка: противник продолжает двигаться на Малые Копани, Келегей и Скадовск; части 9-й армии отходят на восток.

Тендра надежно прикрывала коммуникации, связывающие Крым и Кавказ с Одессой.

На поддержку Тендровского боевого участка Военный совет Черноморского флота бросил Дунайскую военную флотилию. Народный комиссар Военно-Морского Флота потребовал от Военного совета Черноморского флота удерживать до последней возможности Скадовск и Кинбурнскую косу. Командующий флотом приказал командиру Тендровского боевого участка не допускать эвакуации с островов Березань и Первомайский, организовав прочную оборону их. А 12 сентября мы узнали, что наши части оставили Скадовск, противник сосредоточил на Каховском плацдарме до пяти пехотных дивизий, мотомехдивизию, два танковых полка и наступает на

перекопском и мелитопольском направлениях.

Эти известия усилили нашу тревогу за судьбу Крыма, захват которого был бы ударом и по Одессе. Но мы утешали себя не только верой в войска, обороняющие Крым, в береговые батареи, прочно зарытые в землю, а надеялись и на естественные трудности, связанные с форсированием Перекопа.

* * *

Положение в Одессе ухудшалось между тем с каждым днем.

12 сентября противник продолжал сосредоточивать войска в районе Ленинталя и в течение дня предпринимал попытки расширить фронт и войти в район Сухого лимана.

В результате наступления противника на хутора Октябрь и Важный в Западном секторе 245-й и 161-й стрелковые полки отошли.

В Южном секторе части 25-й стрелковой и 2-й кавалерийской дивизий в основном удерживали свои позиции, но 31-й полк был потеснен противником. Вражеская авиация бомбила и минировала порт. Было сброшено 36 бомб. Убито 121 человек, ранено 162. В госпиталь доставили 1394 человека. На транспорты и корабли поступило для эвакуации 1209 раненых.

Весь следующий день противник пытался расширить фронт прорыва на участке 25-й дивизии в направлении южной окраины Дальника и хуторов Болгарских.

Все говорило за то, что натиск противника усиливается, а наши силы редели, части утрачивали боеспособность. Во 2-м и 3-м батальонах 90-го стрелкового полка оставалось 57 человек, в 7-м кавалерийском полку — 300 человек, в 287-м стрелковом полку — 150–170 человек.

Назревала реальная опасность: из-за полного отсутствия резервов отдельные участки могли совершенно оголиться.

В Ставку, наркому, Военному совету флота мы послали телеграмму: «Противник получает пополнение. Подбрасывает новые дивизии. Под давлением его превосходящих сил создается опасность отхода наших частей на рубежи Гниляково, Дальник, Сухой Лиман. Население, аэродромы, город, порт, корабли будут нести огромные потери от артогня противника. Наша авиация вынуждена будет перебазироваться в Крым. Созданная из местных ресурсов 421-я стрелковая дивизия (она же Одесская) имеет недостаточное количество пулеметов, артиллерии. Остальные дивизии также нуждаются в пополнении пулеметами и артиллерией. Все стрелковые части имеют 42 % недокомплекта

начсостава. Полученные маршевые батальоны влиты в части полностью. За месяц обороны потери только ранеными — 25 тысяч. За 12 сентября только ранеными (учтенными в госпиталях) потеряно 1900 человек. Для обеспечения от прорыва и от артиллерийского обстрела аэродромов, города и порта необходима одна стрелковая дивизия, а также дальнейшее пополнение маршевыми батальонами».

Ответ на эту телеграмму был молниеносным: Ставка просила бойцов и командиров, защищающих Одессу, продержаться шесть-семь дней, в течение которых она сможет дать подкрепление авиацией и вооружением.

Когда мы, члены Военного совета, собрались и прочли эту телеграмму, нас удивила и тронула такая форма обращения к нам: вместо лаконичного военного «Ни шагу назад!» нас *просят* продержаться. Видимо, Ставка ясно представляла себе обстановку в Одессе и была уверена в том, что защитники города выполнят свой долг честно и до конца. Мы же поняли другое: раз Верховное Главнокомандование не может ничем помочь, даже сознавая, что мы едва держимся, и вынуждено просить нас, значит, тяжело не только Одессе и взять подкреплений неоткуда…

Когда мы вместе с командирами и политработниками пошли разъяснять просьбу Ставки бойцам, довелось наблюдать неповторимую картину: люди волновались; в глазах каждого бойца можно было легко прочитать полное сознание того, что Родина в опасности и обращается к ним так, как обращаются лишь к родным сыновьям. У иных на глазах блестели прозрачные кристаллы, но это были не слезы отчаяния — это гневом горели сердца верных защитников Отечества. Не дай бог какому-либо врагу видеть такие слезы!

Вскоре Военный совет флота сообщил нам, что по решению Ставки Верховного Главнокомандования для усиления ООР будет перевозиться из Новороссийска 157-я стрелковая дивизия. Нас заверили, что эта дивизия по подготовке и оснащению боевой техникой выше, чем дивизии 51-й армии. Учитывая срочность отправки, нарком разрешил использовать для ее перевозки боевые корабли.

А пока…

Введя в бой новые резервы, противник возобновил атаки и с утра 15 сентября тремя пехотными дивизиями с танками начал наступление в направлении Вакаржаны — Дальник.

Мы доложили в Ставку, наркому и Военному совету флота, что противник прорвался западнее северной окраины села Дальник и накапливает силы для дальнейшего наступления юго-западнее его.

Никаких резервов для контрудара у нас по-прежнему не было. И 31-й стрелковый полк получил приказ отойти из района Юзефсталь и Францфельд в резерв к поселку Застава. 20-й кавалерийский полк отводился на рубеж села Клейн-Либенталь и прилегающих к нему высот. Нами оставлялась вся территория западнее Сухого лимана.

Да, мы снова явно ухудшали свое положение. Чтобы не допустить этого, нужно было усилить резервом войска в районе Дальника. Но где же, где этот резерв?!

Части отошли на рубеж Сухого лимана — и противник получил возможность систематически обстреливать Одессу не только с северо-востока, но и с юго-запада.

Прекрасным ориентиром для артиллерии противника, обстреливающей порт и входящие в гавань корабли, мог служить Воронцовский маяк, стоявший на молу у входа в порт. Такого ориентира оставить врагу мы не могли.

15 сентября Воронцовский маяк был взорван. Артиллерийский обстрел порта не прекратился, но он стал уже не прицельным. Артобстрелу подверглись также вновь оборудованный Аркадийский порт и аэродромы для авиации ООР.

Безвыходное положение снова приковало наше внимание к высадке тактического десанта в районе Григорьевки. Но высаживать его имело смысл только в случае, если одновременно провести наступательную операцию силами войск ООР: тогда десант мог соединиться с наступающими сухопутными войсками. Для этого опять-таки требовалось усилить войска ООР свежей дивизией.

А в Севастополе уже формировался десантный полк морской пехоты.

Прибывший в Одессу начальник оперативного отдела штаба флота капитан 1 ранга Жуковский вручил нам директиву Военного совета флота от 14 сентября. В ней перед эскадрой Черноморского флота и Одесским оборонительным районом ставилась задача: в ночь на 16 сентября обеспечить высадку на левом фланге восточной группировки противника 3-го полка морской пехоты, который своим ударом облегчит наступление частей ООР в северном направлении на участке между Аджалыкским и Куяльницким лиманами. В результате ожидалось полное уничтожение группировки противника и вынесение переднего края Восточного сектора обороны на линию Григорьевка — Мещанка — Свердлово — Кубанка.

Мы недоумевали: на заседании Военного совета командующий флотом согласился, что наступление войск ООР может проводиться лишь при условии усиления их дивизией, — и

вдруг предлагается наступать прежде, чем началась перевозка дивизии из Новороссийска.

Обсудив директиву, мы пришли к выводу: с силами, имеющимися у нас, вести наступление ни в коем случае нельзя.

Ведь мы не в состоянии даже сдерживать врага и в ряде мест вынуждены отходить. 421-я дивизия, имеющая пять не полностью укомплектованных батальонов, несущая ежедневные потери, неспособна сломить сопротивление врага и перейти в наступление для соединения с десантом, как предписывалось директивой. Против нас в Восточном секторе действуют 13-я и 15-я пехотные дивизии, 32-й пехотный полк и части кавалерийской дивизии, а также немецкие батареи и другие войсковые части. Как же можно разгромить их тремя батальонами 3-го морского полка, преодолев 14 километров?!

Чтобы не расширять круг лиц, посвященных в замысел командования, и не давать пищу для слухов о противоречиях, возникших между военными советами ООР и флота, было решено послать с докладом в Севастополь заместителя начальника штаба ООР капитана 1 ранга Иванова.

Мы предлагали провести задуманную операцию тогда, когда в Одессу прибудет 157-я стрелковая дивизия, но и тогда не выносить передний край к Свердлово, Мещанке и Кубанке, так как эта задача нереальна, а отнести его лишь на такое расстояние, которое исключало бы обстрел порта и фарватеров.

С утра 17 сентября по всему фронту обороны загрохотала вражеская артиллерия. К 10–11 часам канонада переросла в сплошной гул. Снаряды, мины и бомбы повсюду рвали связь. Под прикрытием сильного артиллерийского, минометного и пулеметного огня противник силой до двух пехотных дивизий перешел в наступление в Восточном секторе. В Западном он бросил в наступление два пехотных полка, прорвал фронт нашего 161-го стрелкового полка и вышел к южной окраине села Кобаченко. В Южном секторе три дивизии противника перешли в наступление по всему фронту.

Непостижимо, как сумели наши ослабленные, усталые части сдержать этот бешеный натиск и восстановить положение там, где враг прорвал фронт. А ведь сдержали. Лишь на отдельных участках противник вклинился в передний край обороны.

Очень трудным был этот день.

Впрочем, помогли наши боевые друзья. В Севастополь в тот день шли срочные радиограммы с просьбой немедленно нанести удары с воздуха по районам сосредоточения противника. «Вылетаем», — отвечали из Севастополя летчики Черноморского флота.

Как мы радовались нашим краснозвездным друзьям, прикрывающим нас своими крыльями! Они понимали, что нам трудно, и рисковали жизнью.

Во время одного налета бомбардировщиков командир 25-й дивизии генерал-майор И. Е. Петров доложил мне, что наш подбитый «СБ» не дотянул до позиций своих войск и совершил посадку вблизи переднего края противника, на виду 31-го стрелкового полка, которым командовал полковник Мухамедьяров.

Все члены экипажа были ранены. С большим трудом, помогая друг другу, они выбрались из самолета, но не знали, в какую сторону ползти.

А враг торопился захватить экипаж в плен. С командного пункта полка было видно, как румынские солдаты ползли к самолету. Мухамедьяров приказал своим минометчикам преградить им путь.

Когда Петров передал Мухамедьярову просьбу Военного совета оказать помощь экипажу, в батальоне капитана Петраша пришлось сдерживать бойцов — слишком много их вызвалось пойти на выручку экипажу.

Добираться до самолета надо было под огнем противника, в полдень. Наши славные пехотинцы подползли к самолету и помогли летчикам отойти к нашему переднему краю. Командир звена лейтенант Уляев, штурман лейтенант Авраменко и стрелок-радист младший сержант Никитин получили первую помощь и отправились в Севастопольский госпиталь.

В те сентябрьские дни мы направляли раненых на все транспорты и корабли, уходящие из Одессы. Отправкой их, наблюдением за посадкой и размещением занимался начальник медико-санитарной службы базы военврач 1 ранга Михаил Захарович Зеликов, в прошлом корабельный врач крейсера «Коминтерн».

Его хорошо знали капитаны транспортов, командиры и комиссары кораблей, ценили его горячую заботу о раненых.

— Чем обеспокоены? — спросил я, встретив его как-то в порту.

— Сегодня по плану надо отправить две тысячи раненых, а разместили только тысячу семьсот. Да еще в госпиталях четыре тысячи, из них добрая половина нуждается в эвакуации, так как требует длительного лечения. Вот привезли тяжелораненых, а размещать приходится на палубе. Каюты и кубрики тоже заняты ранеными.

Пожаловался Зеликов, что тяжело и с обслуживающим персоналом: его не хватает, а выделять нужно на каждый

транспорт. Сопровождающие с большими трудностями возвращаются в Одессу.

— Но должен доложить, — сказал он с гордостью, — почти все возвращаются.

Да, гражданский долг и неиссякаемая вера в победу жили в сердцах этих мужественных людей — санитаров, сестер и врачей, возвращавшихся в осажденную, оставшуюся в тылу противника Одессу.

Десант

Из Севастополя мы получили извещение, что десантная операция переносится на одни сутки. Это решение не уменьшило нашего беспокойства: пока не прибыла 157-я дивизия, нельзя было рассчитывать на удачу, и полк, который высадится, явно обрекался на гибель. Мы не смогли бы поддержать его никакими силами: ведь только что пришлось из Восточного сектора, где ему предстоит высадиться, перебросить часть войск на ликвидацию прорыва в Западном и Южном секторах.

17 сентября мы телеграфировали Военному совету флота: «Наступать в направлении Свердлово — Кубанка при явном превосходстве противника невозможно. В Одесской дивизии осталось пять пехотных батальонов, один артполк, мало снарядов… В Западном и Южном секторах идут напряженные бои. Для отражения атак противника брошены части Одесской дивизии, моряки Одесской военно-морской базы и работники НКВД. Просим отменить операцию, 3-й полк незамедлительно направить в Одессу».

Докладывая так, мы, однако, не прекращали подготовки к десантной операции. Была надежда, что ее удастся оттянуть до прибытия 157-й дивизии.

Прибывшие к нам начальник оперативного отдела штаба флота капитан 1 ранга Жуковский, заместитель начальника отдела связи капитан 2 ранга Гусев, флагманский артиллерист флота капитан 1 ранга Рулль и другие командиры усиленно занимались разработкой операции. Штаб ООР активно вел воздушную, наземную и морскую разведку. Штаб ВВС уточнял группировку пехоты, артиллерии и конницы противника в районе Свердлово, Благодарное, Кубанки, Гильдендорф, передвижение его войск в направлениях Петровское — Свердлово, станция Буялык — станция Кремидовка.

Штабы дивизий проводили ночные поиски, чтобы выявить нумерацию частей, действующих перед каждым соединением, их смену, перегруппировки и инженерные работы.

Наконец в Одессу начали прибывать части 157-й стрелковой дивизии. Вместе с нею на пополнение поредевших частей переднего края прибывали маршевые роты.

Первые батальоны 633-го стрелкового полка произвели на нас хорошее впечатление. Уже при выгрузке на причал красноармейцы показали отменную выправку, организованность и дисциплину. Хорошее впечатление производил командир полка майор Гамилагдашвили.

Комиссар полка Карасев доложил, что полк в первые дни войны пополнился в Новороссийске мобилизованными рабочими цементных заводов, которые прошли уже хорошую подготовку и мало отличаются от кадровых красноармейцев.

Вслед за 633-м корабли доставили в Одессу 716-й и 384-й стрелковые полки, артиллерийский полк (24 76-миллиметровые пушки на конной тяге) и тылы дивизии.

На учебном корабле «Днепр» прибыли командир дивизии Д. И. Томилов и комиссар дивизии А. В. Романов. Оба они имели богатый военный опыт. Полковник Томилов служил в Красной Армии с 1920 года в бригаде петроградских курсантов, участвовал в боях на Перекопе, в ликвидации банд Махно, окончил высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел», командовал полком, затем дивизией.

Полковой комиссар Романов был старейшим политработником, в дивизию пришел с введением института военных комиссаров.

Как только начали прибывать полки 157-й дивизии, мы были озабочены тем, чтобы не допустить использования ее по частям. Вскоре пришла телеграмма Ставки с указанием: 157-ю стрелковую дивизию использовать на направлении главного удара, не распыляя ее на решение второстепенных задач.

Отвоевались

Комдив заявил, что дивизия готова к боевым действиям и ждет только приказа. Он рассказал, с каким воодушевлением

личный состав принял сообщение, что дивизия направляется на помощь Одессе. Из его доклада мы узнали также, что приданный дивизии 422-й тяжелый гаубичный полк оставлен в Новороссийске и в Одессу направляться не будет.

Мы немедленно послали в Ставку просьбу закрепить 422-й тяжелый артиллерийский полк за 157-й дивизией и прислать в Одессу.

За обедом комиссар дивизии рассказывал:

— Мы, конечно, отправку в Одессу держали в секрете. Но об этом узнали в порту. Было много провожающих — родные, близкие: ведь у нас же несколько тысяч новороссийских рабочих. Были, конечно, слезы. На войну ведь идем. Но из тысяч не было ни одного опоздавшего на посадку.

Вдруг дежурный по штабу принес радостное сообщение: «В Новороссийск прибыл для Одессы гвардейский дивизион «эресов». Мы забыли обо всем другом, и обед превратился в еще одно, внеочередное заседание.

Частые запросы Генерального штаба об обеспеченности Одессы боезапасом, его требования о срочной доставке довольствующими органами всего необходимого убеждали, что мы не забыты, о нас постоянно заботятся. Свидетельством этой заботы явилось сообщение о гвардейских минометах. И сколько было радости, когда мы получили быстрый ответ Ставки: «422-й гаубичный артиллерийский полк будет грузиться для отправки в Одессу»!

Как не радоваться, если сформированные в Одессе 2-я кавалерийская и 421-я стрелковая дивизии вообще не имели артиллерии, а орудия 25-й и 95-й дивизий уже приходили в негодность! У противника было до 80 орудий на километр фронта, а у нас в Восточном секторе — 2,4, в Западном — 4,4 и в Южном — 5,6 орудия на километр. Правда, значительно увеличивала плотность огня корабельная артиллерия, но это было делом эпизодическим.

Начальник политуправления флота П. Т. Бондаренко, прибывший в Одессу, внес некоторую ясность в распоряжения Военного совета флота относительно подготовки десантной операции. Оказалось, что проведение ее было отложено до 17 сентября только потому, что 3-й морской полк не закончил в указанное ему время формирование, не был укомплектован командным составом и не успел подготовиться к высадке.

Кроме того, командование флота насторожили наши настоятельные просьбы не торопиться с высадкой, доложенные капитаном 1 ранга Ивановым, хотя они и вызвали недовольство вице-адмирала Октябрьского и члена Военного совета Кулакова,

высказавшихся по нашему адресу довольно нелестно. А через сутки они получили нашу телеграмму, подтверждавшую доклад Иванова заявлением, что наступать на Свердлово — Кубанку при явном превосходстве противника невозможно. Она заставила Военный совет флота снова взвесить все обстоятельства и отложить операцию до 21 сентября, когда в Одессе ожидался 422-й артполк.

Узнав о прибытии в порт транспорта с долгожданным полком, я поехал туда.

На причале стоял сияющий полковник Томилов.

— Тридцать шесть 152-миллиметровых гаубиц и три боекомплекта! — радостно воскликнул он.

Несмотря на то что поблизости рвались снаряды, артиллеристы сноровисто разгружали орудия, боеприпасы, имущество. Мощные тягачи увозили гаубицы из порта, и я уже представлял их толстые стволы, гневно вздрагивающие от выстрелов.

— Как настроение? — спросил я у командира полка Кирсанова.

— Боевое. Хорошо — работа у вас тут будет!

20 сентября Военный совет слушал доклад генерал-лейтенанта Софронова, отвечавшего за подготовку и проведение наступательной операции в Восточном секторе.

Бригадный комиссар Кузнецов и полковой комиссар Бочаров доложили о проведенной в частях партийно-политической работе. Все с нетерпением ожидали наступления, хотя в замысел его пока не были посвящены.

Утвердив разработанную полковником Крыловым плановую таблицу боя, в ту же ночь мы донесли Военному совету флота о том, что начало артподготовки намечено на 7 часов 30 минут, атака — на 8 часов 22 сентября, и просили авиацию флота нанести одновременно бомбовый удар по Гильдендорфу, Александровке и совхозу Ильичевка.

Планом операции предусматривалось, что днем 21 сентября и в ночь на 22-е авиация флота ударом по аэродромам и скоплениям войск противника в Восточном секторе парализует немецкую авиацию и сорвет сосредоточение вражеских сил. 3-й морской полк под прикрытием артиллерийского огня кораблей высадится на пересыпи Аджалыкского лимана у деревни Григорьевка. После высадки десанта корабли перенесут огонь в глубину расположения противника. 3-й морской полк с рассветом овладевает Чебанкой, Старой и Новой Дофиновкой, закрепляется и переходит к длительной обороне. Наступление полка поддерживается огнем кораблей по заявкам командиров

подразделений через корректировочные посты, высаживаемые одновременно с десантом.

Пользуясь тем, что внимание противника будет отвлечено боем десанта по ту сторону Большого Аджалыкского лимана, 421-я и 157-я стрелковые дивизии при поддержке 37-й и 38-й батарей Одесской военно-морской базы, танкового отряда и кораблей очищают все пространство между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами, овладевая в конечном счете рубежом 1 километр юго-западнее Свердлово, хутор Петровский, поселок Шевченко.

Истребительная авиация ООР с рассвета 22 сентября поддерживает десант и прикрывает с воздуха корабли. В тылу противника выбрасывается группа парашютистов, которая частными диверсиями и огнем нарушает его связь и боевое управление, создает панику.

Обстановка в секторах Одесского оборонительного района 21 сентября была благоприятной для проведения операции. В Восточном секторе противник активности не проявлял, но готовился к наступлению. В Западном секторе в течение дня он три раза переходил в атаку, но был отбит и понес большие потери. В Южном секторе неоднократно пытался прорвать нашу оборону в направлении южной окраины Дальника, но успеха не имел.

Резервы у нас теперь были.

Для руководства десантной операцией рано утром 21 сентября из Севастополя на эсминце «Фрунзе» вышел командующий эскадрой контр-адмирал Л. А. Владимирский. Он должен был прибыть в Одессу, заблаговременно уточнить обстановку и договориться с Военным советом ООР по всем вопросам совместных действий. На эсминце был и капитан 1 ранга Иванов с документацией для отряда высадки.

Командиром «Фрунзе» вместо находившегося в госпитале Бобровникова был назначен на поход зарекомендовавший себя опытом и храбростью капитан-лейтенант В. Н. Ерошенко, корабль которого — лидер «Ташкент» — находился в те дни в ремонте.

Командир эсминца «Фрунзе» капитан-лейтенант П. А. Бобровников

В полдень 21 сентября в Казачьей бухте в Севастополе была закончена посадка десанта на крейсера «Красный Кавказ», «Красный Крым» и на эсминцы «Безупречный» и «Бойкий». Всего было принято на борт 1617 человек.

В 13.30 корабли снялись с якоря и под командованием командира десантных кораблей контр-адмирала С. Г. Горшкова вышли в Одессу, имея эскадренный ход 18 узлов. На крейсере «Красный Кавказ» находился военком эскадры бригадный комиссар В. И. Семин, который должен был на переходе организовать разъяснение морякам предстоящей задачи.

Утром 21 сентября все члены Военного совета ООР

отправились в части для проверки готовности их к наступлению. Возвратившись из секторов, мы собрались у Жукова, который дал начальнику штаба генерал-майору Шишенину распоряжения по устранению обнаруженных недостатков.

— Для корректировки огня с кораблей все подготовлено, — доложил флагманский артиллерист флота капитан 1 ранга Рулль. — Корпосты выделены и будут высажены вместе с десантом. Часть огневых точек противника засечена. Таблицы переговоров будут катерами доставлены на эсминцы к моменту их подхода.

— Очень хорошо, что вместе с десантом будут высажены корпосты. Главное, чтобы связь не подвела, — проговорил Г. В. Жуков.

— Разрешите, товарищ командующий, доложить, — услышали мы вдруг встревоженный голос вошедшего дежурного по спецсвязи.

Жуков протянул руку за радиограммой.

Я видел, как менялось его лицо во время чтения. Прочитав, он снял пенсне, положил их на радиограмму и поднял свои близорукие глаза.

— «Фрунзе»… — сказал он глухо. — Потоплен у Тендры «Фрунзе»… Вражеской авиацией.

— Что с Владимирским и Ивановым? — спросил Колыбанов.

— О них ничего не сказано.

— Все радиограммы с Тендры, из Севастополя, с кораблей — ко мне немедленно, — сказал Жуков дежурному.

Взглянув на радиограмму, я увидел, что она была отправлена с Тендры капитаном 2 ранга Мельниковым в 16.05 в Севастополь и Одессу. Мельников сообщал, что в 15 часов 7 минут эсминец «Фрунзе» атакован бомбардировщиками Ю-87 и потоплен в 90 кабельтовых от маяка; к месту гибели выслан буксир. Потоплена и канонерская лодка «Красная Армения»; погиб комиссар дивизиона Славинский.

В памяти на мгновение всплыли мои знакомые из экипажа «Красной Армении». Это они спасли от вражеской авиации док с паровозами и доставили его в Николаев. Это они своим огнем помогли держаться гарнизону Очакова.

Вспомнил комиссара корабля Михаила Александровича Серова, рассказывавшего о раненых и контуженых моряках, отказавшихся уйти в госпиталь и не покинувших своих боевых постов; комиссара дивизиона Федора Перфильевича Славинского, всегда ходившего на том корабле, который выполнял наиболее опасные и серьезные задания. И вот их нет… А может, все-таки кто-то жив?

— Как будет с операцией? — прервал поток моих мыслей Шишенин.

— Корабли с десантом уже идут из Севастополя. Думаю, — ответил Жуков, поглядев в нашу сторону, — что все останется в силе… Особенно то, что зависит от нас.

— Разрешите идти? — обратились к нему артиллеристы полковник Рыжи и капитан 1 ранга Рулль.

— Идите и помните, — сказал Жуков, — все остается в силе…

* * *

Во второй радиограмме с Тендры сообщалось, что потоплен и буксир «ОП-8», а буксир «Тайфун» поврежден бомбами.

— Неужели корабли с десантом повернут обратно? — горевал Софронов.

— Думаю, не повернут, — возразил Жуков.

Потом мы узнали, что командующий флотом, получив радиограмму о гибели «Фрунзе» и не имея сведений о контр-адмирале Владимирском, приказал возглавить операцию контр-адмиралу Горшкову. Во изменение прежних распоряжений он приказал также крейсерам сразу после высадки возвращаться в Севастополь, чтобы затемно оторваться от Тендры, а миноносцам остаться для огневой поддержки десанта.

В 19 часов радиограмма с Тендры принесла известие: большинство личного состава эсминца «Фрунзе» спасено, Владимирский отправился в Одессу на торпедном катере.

Мы с Жуковым поехали в порт, чтобы встретить Льва Анатольевича. Там уже был контр-адмирал Кулешов. Он доложил, что на «Чапаеве» прибыл дивизион «эрэсов». Жуков распорядился держать этот дивизион в резерве Военного совета.

Кулешов волновался: по времени уже нужно отправлять высадочные средства навстречу кораблям с десантом, но нет инструкций, поэтому неизвестны ни точки встреч, ни другие необходимые указания — их вез из Севастополя Иванов. Кулешов надеялся, что он прибудет вместе с Владимирским.

Наконец мы услышали рокот мотора, и вскоре к причалу подошел катер. Мы еще издали заметили, что китель на Владимирском расстегнут и из-под него видны бинты.

Поздоровавшись с Владимирским, Жуков спросил:

— Где же наш Иванов?

— Убит при первом налете. — Владимирский с трудом застегнул китель. Даже раненный, он не хотел изменять своей привычке — быть подтянутым.

Мы молчали…

— Группа сторожевых катеров и канлодка «Красная Грузия» ожидают инструктаж, — прервал молчание Жуков. —

Документация вместе с Ивановым погибла. Время на исходе. Мы опаздываем. Какие будут указания?

Владимирский повернулся к Кулешову.

— Запоминайте, Илья Данилович, — начал он, и вдруг голос его стал сухим и прерывистым: — «Красная Грузия» вместе со сторожевыми катерами должна быть в точке рандеву в двадцать четыре ноль-ноль.

Вам надлежит принять первый бросок и высадить десантников на берег… Огнем своей артиллерии подавить огневые точки врага. Канлодка будет служить ориентиром для барказов, идущих с десантом… Катерам быть в дозоре, части катеров следовать с «Красной Грузией» — принимать раненых и оказывать им помощь. Сообщите на «Красный Кавказ», что запаздываете.

— Есть! — бодро ответил Кулешов.

— А теперь в штаб, — сказал Владимирский Жукову. Дорогой все расскажу…

Дав последние указания контр-адмиралу Кулешову, Жуков сел в машину, и мы поехали.

— Было спокойное утро. Полный штиль, — начал свой рассказ Владимирский. — К сожалению, конечно, такая погода всегда чревата неожиданностями.

Крейсера «Красный Кавказ», «Красный Крым» и эсминцы с десантом под командованием Горшкова должны были выходить вскоре после нас.

На переходе все шло без помех. У Тендры сигнальщики доложили: «Видим притопленную канонерскую лодку «Красная Армения», дым, на корабле — никого». Вскоре увидели на воде плавающих людей. Пошли по направлению к ним. Спустили шлюпки. Одна из них доставила на борт краснофлотцев и комиссара канлодки Серова.

Находившемуся поблизости буксиру «ОП-8» я дал приказание идти к канлодке и тушить пожар.

Вскоре мы заметили группу самолетов, идущую по направлению к «Красной Армении», видимо, с целью добить ее. Обнаружив нас, самолеты сменили курс и развернулись. Мы развили ход… — Владимирский горько улыбнулся и, набрав в легкие воздуха, продолжал: — Ничто не помогло. Их было восемь, Ю-87: асы из эскадрильи охотников за кораблями, переведенной сюда из района Средиземного моря. Перестроились в цепочку и, последовательно входя в крутое пике, начали бомбить корабль. На редкость метко. Первые бомбы упали в воду вблизи мостика. Были убиты комиссар корабля Золкин, ваш Иванов, тяжело ранен командир миноносца Ерошенко и легко — я… Мы продолжали

вести бой. Но вдруг зенитный огонь резко ослабел: прямым попаданием в корму была уничтожена кормовая зенитная пушка. От повреждений румпельного отделения заклинило руль. Корабль начал описывать циркуляцию.

Отбомбившись, самолеты ушли, а мы оказались в тяжелейшем положении: в носовую часть начала прибывать вода, рулевое управление разбито, но машины и котельные отделения были пока в порядке.

Ничего не оставалось делать, как продолжать двигаться в направлении Тендровской косы. Мы решили так: если не удастся справиться с поступающей водой — приткнемся к отмели, чтобы потом облегчить подъем корабля.

Управлять машинами по телефонам и голосом через расставленных людей было слишком сложно, да могла возникнуть и путаница в передаче команд. Я спустился к палубным люкам в машинное отделение и начал командовать прямо в машины.

Василий Николаевич Ерошенко некоторое время оставался на мостике, но там уже делать было нечего. Жизнь корабля теперь была сосредоточена здесь — в машинах и котлах. И Ерошенко тоже пришел, вернее, приполз на наш новый пост управления, не предусмотренный расписанием.

Сначала крен был небольшой, потом стал постепенно нарастать. Я распорядился, чтобы из кубриков вынесли все койки, расшнуровали и разбросали по палубе пробковые матрасы: если корабль пойдет ко дну, чтобы всем хватило спасательных средств… Это оказалось не лишним.

Самолеты противника больше не появлялись. Корабль медленно, но упорно двигался к берегу. Крен тоже нарастал. Наконец, движение вперед прекратилось. Эсминец мог перевернуться. Машинной команде и вообще всему личному составу было приказано выйти на верхнюю палубу.

Но, несмотря на большой крен — весь правый борт был уже в воде, — корабль не переворачивался и даже перестал крениться: стало ясно, что, осев скулой правого борта, он оперся о грунт; это и удерживало его. Окажись эсминец в таком положении на более глубоком месте — неминуемо перевернулся бы.

С заполнением корабля водой крен стал уменьшаться. Под водой оставались надстройки и часть палубы левого борта, образовавшей с бортом «конек».

Большая часть моряков, используя пробковые матрасы, плавала вблизи корабля; раненые оставались преимущественно на рострах, там были и мы с Ерошенко.

Когда корабль сел на грунт, к нам подошел сзади ростр

буксир «ОП-8» и стал принимать людей. Подобрал всех — плававших и оставшихся на надстройках. Ни на воде, ни на корабле не осталось никого.

Ерошенко был ранен тяжело, но не согласился перейти на буксир вместе с ранеными, которых переправляли туда в первую очередь: хотел покинуть корабль последним. А я тоже хотел уйти с корабля последним…

Капитану буксира было приказано идти вдоль косы как можно ближе к берегу, лишь бы не сесть на мель.

Я понимал, что самолеты вернутся добивать миноносец, увидят буксир и добьют его. И вот они появились в воздухе. Пошли курсом на буксир. Личному составу была дана команда добираться до берега вплавь.

С первого захода самолетов бомба попала в машинное отделение — буксир лег на борт. Почти все, кто до бомбежки еще оставался на буксире, поплыли к берегу.

Борт и надстройки, приняв горизонтальное положение, выступали из воды. На них оставалось восемь-девять тяжелораненых, не способных плыть. Среди них был и Ерошенко. За каждого из раненых отвечал здоровый краснофлотец. Я тоже остался на буксире.

Увидев, что буксир затонул, Ю-87 стали разгружаться от бомб и стрелять из пулеметов по плывущим к берегу.

В числе убитых был и командир электромеханической боевой части Зызак. Чтобы вражеские летчики не видели, что на буксире есть еще люди, мы спрятались под фальшборт, примостившись на стенках надстроек. А когда самолеты ушли, выбрались из-под фальшборта наружу. Через 15–20 минут пришел торпедный катер и доставил всех нас на Тендру.

…Свой рассказ Лев Анатольевич закончил в кабинете Жукова. К нам вошел мой адъютант и доложил, что прибыли хирург и медсестра.

— Хотят встретиться с вами, — сказал я Владимирскому.

— Спасибо за заботу. Должен признаться, у меня здесь все время печет, — он расстегнул китель и показал на грудь.

* * *

Ночью никто не спал. Близилось время высадки десанта. Я давно так не волновался. Видимо, потому, что впервые мы наступали.

Шли последние часы подготовки. Еще раз все выверялось, вносились коррективы. У подходной точки фарватера корабли

десанта должны определяться по Тендровскому маяку. Для более точной ориентировки Одесская база выставила буй с постоянным белым огнем, видимым за три мили, а за внешней кромкой минного заграждения базы — усиленный дозор сторожевых и торпедных катеров.

В 21 час 50 минут начальник штаба базы дал извещение на крейсер «Красный Кавказ», что канлодка «Красная Грузия» и отряд катеров будут в точке рандеву ровно в час. Десантный отряд уменьшил ход, чтобы не прийти к условной точке раньше, чем нужно. Ровно в назначенное время он прибыл на место и стал по диспозиции. «Красная Грузия» запаздывала.

Контр-адмирал С. Г. Горшков и бригадный комиссар В. И. Семин еще в пути получили от командующего флотом радиограмму, что эсминец «Фрунзе» погиб, а судьба Владимирского неизвестна. Горшкову приказывалось закончить высадку десанта в 3.00. Не дожидаясь прихода «Красной Грузии», он решил спустить на воду барказы и приступить к высадке.

В 01.21 корабли открыли артиллерийский огонь по берегу в районе Григорьевки, и через десять минут последовал сигнал: «Начать высадку!» А вскоре к месту высадки на сторожевом катере прибыл контрадмирал Владимирский.

Первые барказы отошли от кораблей к берегу. Ориентиром для них у места высадки должен был служить гакабортный огонь канлодки «Красная Грузия», которая, приткнувшись вплотную к берегу, обязана была поддерживать десант огнем.

Но канлодка запаздывала, и барказы пошли к берегу самостоятельно. Ориентирами для них служили осветительные снаряды крейсеров и пожары, вспыхнувшие в Григорьевке.

В 2 часа первый бросок высадился на вражеский берег. Возглавлявший его капитан-лейтенант Иванов приказал зажечь сигнальные огни для ориентировки остальных барказов. Только в 2 часа 40 минут к борту крейсера «Красный Крым» подошла «Красная Грузия» и, приняв остатки десанта, высадила его при помощи барказов на берег. К 5 часам высадка закончилась.

Выбросившиеся с самолета ТБ-3 на высоте севернее Шицли 23 наших парашютиста создали к этому времени панику в тылу врага, нарушили связь и не дали ему возможности оказать противодействие десанту.

В отместку вражеская авиация совершила в ту ночь до семи групповых налетов на Одессу, сбросив до 2000 зажигательных бомб. В городе возникли пожары. Горели жилые дома, строения в порту и на заводах. Среди гражданского населения было много жертв. Всю ночь команды МПВО во главе с секретарем горкома партии Н. П. Гуревичем героически боролись с огнем.

* * *

Первой высадилась на берег рота 3-го батальона под командованием лейтенанта Чарупы. Когда барказы отходили от кораблей, противник, видимо подавленный мощной артподготовкой, молчал. Но вот барказы кое-где коснулись грунта. Враг опомнился и открыл ружейно-пулеметный огонь.

Видя, что среди десантников имеются раненые, комиссар высадочных средств старший политрук Еремеев приказал группе прикрытия, обеспечивающей высадку, подавить огневые точки противника на берегу.

Подняв над головой винтовки и гранаты, люди прыгали в темную воду и торопливо двигались к берегу.

Вместе со всеми шел по грудь в воде комиссар полка Слесарев.

Вода была сентябрьская, холодная, вокруг рвались вражеские мины, свистели пули, но в сознании у всех одно: скорее зацепиться за берег.

Почувствовав под собой землю, лейтенант Чарупа и пять краснофлотцев бросились вперед. Они уничтожили огневые точки противника, которые вели огонь по барказам, и дали возможность всему десанту высадиться с небольшими сравнительно потерями.

Командир 3-го батальона старший лейтенант Матвиенко и военком политрук Прохоров высадились с двумя ротами вслед за Чарупой. Они должны были занять Григорьевку и не допустить обстрела противником второго отряда десанта. Вместе с ними высадились корабельный корректировочный пост и минометная батарея.

Идя впереди, рота Чарупы напоролась на сильный пулеметно-минометный огонь. Атаковать Григорьевку в лоб был невозможно. Небольшой группе бойцов Чарупа приказал вести усиленный огонь с фронта, а сам с ротой обошел противника и, напав на него с фланга, опрокинул штыковым ударом. На помощь Чарупе подошел со свежими силами Матвиенко.

Противник бежал из Григорьевки, бросая оружие и снаряжение. Бежал так, что некоторые солдаты для скорости сбрасывали на ходу ботинки.

В панике фашисты не успели снять со своих минных полей опознавательные дощечки с надписью: «Мины». Минеры из батальона Матвиенко быстро и без потерь обезвредили их.

Преследуя врага, батальон двинулся на Старую Дофиновку. Тем временем 1-й батальон наступал из Григорьевки на Чебанку и Новую Дофиновку, чтобы соединиться с частями 421-й дивизии. В лощине недалеко от Григорьевки десантники заметили

оставленную врагом тяжелую четырехорудийную батарею.

— Вот она! — послышались возгласы.

Да, это она стреляла по Одессе. В суете и страхе фашисты оставили батарею целой и невредимой. Около орудий, направленных в сторону города, валялись шинели, штаны, разные личные вещи.

На щитах и стволах десантники написали мелом: «Она стреляла по Одессе. Этого больше не будет».

На следующий день пушки с этими надписями везли по улицам Одессы. Горожане аплодировали морякам, захватившим ненавистную батарею.

Бежал противник не везде. В Чебанке, где размещался какой-то вражеский штаб, и в районе колхоза имени Котовского моряки встретили сильное сопротивление. Большую помощь им оказали минометчики батареи младшего лейтенанта Зайца и артиллеристы «Бойкого», «Безупречного» и «Беспощадного», которые вели огонь по данным корректировочных постов.

Командиры и комиссары не раз поднимали моряков в атаку. И начальник штаба полка майор Харичев и комиссар полка Слесарев в самые трудные моменты поднимались и вели за собой бойцов.

Старший лейтенант Матвиенко был трижды ранен осколками мин, но каждый раз, сделав перевязку, упрямо продолжал вести батальон вперед.

Имена многих бесстрашных краснофлотцев-десантников таит в себе надпись «Неизвестному матросу» на памятнике, сооруженном в Одессе.

Секретарь парторганизации 1-го батальона Толстых, будучи ранен, не покинул поле боя и продолжал бить врагов, вдохновляя своим примером других.

Находясь в разведке под Старой Дофиновкой, краснофлотец Петренко наскочил на группу солдат противника. Когда подошли наши, Петренко лежал убитый, около него валялось десять вражеских трупов.

Краснофлотец Букарев, командир группы разведки, у деревни Чебанка обнаружил полевую батарею врага. К нему присоединились три краснофлотца из воздушного десанта. Вчетвером они скрытно подошли к батарее, часть артиллеристов перебили, а остальных взяли в плен и захватили две пушки с лошадьми и зарядными ящиками.

Разрыв мины накрыл наш пулеметный расчет. Старшина 1-й статьи коммунист Бойко подскочил к пулемету. Раненный в живот, истекая кровью, он до последнего дыхания продолжал стрелять по врагу.

К 18 часам 22 сентября 3-й морской полк выполнил свою задачу, овладев районом Чебанка, Старая и Новая Дофиновка, а ночью соединился у Вапнярки с 1330-м полком 421-й стрелковой дивизии.

Радостной была встреча товарищей по службе на флоте. Ведь оба полка состояли из моряков-севастопольцев, добровольно ушедших защищать Одессу. Полк, получивший номер 1330-й, был все тем же 1-м морским, которым командовал полковник Я. И. Осипов.

В этом бою не было комиссара полка старшего политрука В. И. Митракова. Тяжело раненного, его отправили на Большую Землю, как называли мы в то время Крым и Кавказ. Его заменил комиссар одного из батальонов старший политрук Демьянов. В самый острый момент боя Демьянов поднял бойцов в контратаку, в него попала вражеская пуля, он перевязал рану и продолжал преследовать противника…

Радость встречи двух морских полков была недолгой. Ее омрачили известия о гибели многих товарищей.

Погиб любимец моряков командир 1-й роты 1330-го полка коммунист лейтенант Семин. Раненный, он вел роту в атаку и был убит. Бойцы поклялись отомстить за любимого командира и драться с врагами так же, как дрался он.

Такой же подвиг совершил политрук роты 3-го батальона Довидчин. Он тоже был ранен в самом начале атаки, но продолжал идти впереди роты, пока не погиб в рукопашной схватке.

3-й полк при высадке десанта и в боях на берегу потерял 332 человека, из них 44 убитыми. Погиб комиссар 2-го батальона Прокофьев, тяжелое ранение получил комиссар 3-го батальона политрук Прохоров. А кроме того, было много легкораненых: они остались в строю.

Донесения, полученные нами в начале высадки, говорили, что противник оказывает слабое сопротивление.

Последние же данные показывали, что высадка не укладывается в назначенные сроки и затягивается.

Это вызывало беспокойство: противник может сбросить десант в море. К четырем часам мы получили донесение об успешном начале действий на берегу.

Как только завязался бой, начала свою работу бомбардировочная авиация Черноморского флота, громя резервы противника в Свердлово, Кубанке, Гильдендорфе, совхозе Ильичевка, Александровке. Потом 22 штурмовика произвели десять атак по аэродромам противника в районе Баден и Зельцы. Там было до 30 «мессершмиттов» и несколько транспортных

двухмоторных самолетов. Ни один из них не успел подняться. Аэродром потонул в дыму и огне.

По предварительным данным, было сожжено 20 вражеских самолетов и восемь больших палаток, в которых находился летно-технический состав.

На свой аэродром не вернулся лишь самолет лейтенанта Шкутского.

— Теперь ваша задача, — сказал комбригу Котрову Жуков, выслушав его доклад, — так же успешно прикрыть корабли, поддерживающие части, а в трудную минуту поддержать наступающий десант и стрелковые дивизии.

Тут выяснилось, что летчики не имеют связи с наступающими дивизиями и не знают, где находится десант.

Жуков вызвал генерал-майора Шишенина.

— Где сейчас десант? — спросил он.

— Мы имеем данные о завершении высадки, о том, что сопротивление противника было слабое. Знаем, что эсминцы поддерживают десант по заявкам корректировочных постов, высаженных с третьим морским полком. Следовательно, у них связь с полком есть. Через них мы можем узнать, где находится десант, но на это потребуется время. С командиром же полка штаб не имеет связи.

— А дивизии имеют связь с десантным полком?

— Минут десять — пятнадцать назад не была еще установлена.

— Как вы могли допустить такое?! — вспыхнул Жуков. — Немедленно установить прямую связь с командиром полка и в любую минуту знать, где десант и что делает!

— Мы знаем, но только косвенно, — сказал Шишенин.

— Никаких «косвенно»! Исполняйте.

Генерал Шишенин вызвал начальника связи полковника Богомолова и дал ему жесткий срок. Тот попросил выделить в его распоряжение малый охотник.

Связист лейтенант Флокей и старший радист красноармеец Нетес с рацией «5-АК» отбыли к месту высадки десанта и связались с командованием морского полка.

Связь с десантом была установлена и действовала бесперебойно до соединения 3-го полка с частями 421-й дивизии.

* * *

Рано утром я выехал, в Крыжановку на командный пункт 421-й дивизии. Батареи приданных ей артиллерийских полков Приморской армии и две батареи Одесской военно-морской базы уже переносили огонь в глубину.

— Несем большие потери от минометного огня, —

пожаловался командир дивизии полковник Коченов. — Уж сколько раз батальоны поднимались в атаку!

— Но все-таки двигаетесь?

— Медленно. Вот собьем с гребня их огневые точки — и пойдет.

— А связь с десантным полком? — спросил я.

— Что-то не ладится.

У сохранившегося чудом сарая я увидел заместителя начальника связи флота капитана 3 ранга В. Гусева. В сарае тарахтел движок. Там мучились радисты, вызывая десантный полк.

— И позывные, и волна известны, а связаться не можем, — нервничая, оправдывался Гусев. — Не понимаю, в чем дело.

Наши части медленно продвигались вперед.

Во всех каменных постройках Фонтанки противник установил огневые точки. На господствующей высоте дзоты и окопы, больше 20 станковых пулеметов, сплошные проволочные заграждения. Фашисты сопротивлялись упорно.

К 11 часам наши части подошли к агрокомбинату Ильичевка, к Фонтанке; с вводом в бой второго эшелона 54-го стрелкового полка в 16 часов овладели высотой. Противник не выдержал удара и, бросая оружие, оставляя на поле боя раненых, начал спасаться бегством в северо-западном направлении.

К исходу дня 421-я дивизия достигла Большого Аджалыкского лимана. Успешно выполняла свою задачу и 157-я дивизия, овладевшая поселком Шевченко. У дороги на Свердлово фланги обеих дивизий соединились.

Командир 633-го полка майор Гамилагдашвили донес радиограммой о захвате более 200 пленных с оружием. Мы запросили командира дивизии полковника Томилова.

Обстоятельства захвата были не совсем обычны.

Командир батальона майор Снежко, перенеся в ходе наступления свой командный пункт к совхозу Ильичевка, задержался на старом КП с двумя командирами и телефонистом, снимавшим аппараты. Выйдя из КП, он был ошеломлен: из кукурузы, не замечая его, двигалась цепь вражеских солдат с винтовками наперевес.

Придя в себя, Снежко во весь голос крикнул:

— Стой! Бросай оружие! — и, размахивая пистолетом, показал на землю.

Его голос, видимо, застал солдат врасплох, и теперь уже растерялись они. Даже не сделав попытки стрелять, они стали бросать оружие. Подбежавшему на помощь командиру с автоматом в руках Снежко приказал охранять оружие, а другому

командиру и телефонисту — отводить пленных в сторону.

— Я видел, — смеясь, рассказывал мне потом Томилов, — как шли пленные мимо штаба дивизии, держа руками штаны.

Оказывается, Снежко, вспомнив, как поступали в таких случаях в гражданскую войну, срезал им пуговицы на брюках, чтобы заняты были руки. Ведь ему с тремя товарищами приходилось конвоировать 200 человек. Правда, эти пленные, как выяснилось, сами были рады случаю, чтобы сдаться в плен. Но майор Снежко считал свою предусмотрительность не лишней.

На допросе пленные заявили, что воевать не желают. Многие из них были настроены против войны с Советским Союзом и сами написали обращение к солдатам и офицерам румынской армии, осаждающим Одессу, в котором призывали требовать от своего правительства заключения мира с Советским Союзом и разрыва с Германией. Нескольким пленным мы разрешили обратиться к своим товарищам по радио с призывом не рисковать бесцельно жизнью и кончать войну. Они же разоблачили ложь своих офицеров, будто большевики убивают и мучают пленных.

Крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», доставив десант и обеспечив его высадку, согласно приказу комфлота ушли в Севастополь. Поддерживать наступающих огнем остались миноносцы «Бойкий», «Безупречный» и «Беспощадный». Продвигавшиеся с морской пехотой корректировочные посты непрерывно направляли их огонь.

«Полундра» в тылу врага

«Беспощадный» уже не раз приходил в Одессу и поддерживал своим огнем обороняющие город части. Я хорошо знал и командира корабля капитан-лейтенанта Г. П. Негоду, и комиссара старшего политрука Т. Т. Бута, знал и многих краснофлотцев. В полку морской пехоты, которым командовал Осипов, было много добровольцев с «Беспощадного». И моряки, естественно, горели желанием помочь своим товарищам. Многие хотели попасть в группу корректировщиков. Желающих набиралось каждый раз в несколько раз больше, чем нужно. Кое-кто приходил к комиссару в каюту и просил послать его в корпост. Отказ воспринимался с обидой. На полубаке завязывались споры о том, что отбирают в корректировщики неправильно. Бывало, что некоторые жаловались и мне.

— Да вы ведь и так воюете, — делая вид, будто не понимаю обид, успокаивал я моряков.

— Какое там воюем?.. Врага в лицо не видели, — роптали «обиженные». — В Одессе, говорят, на передний край трамвай ходит. Хотя бы на трамвае проехаться да посмотреть, какой такой передний край. В Севастополь приходишь — все спрашивают, что видели, где бывали. А что мы скажем? Дальше моря не ходили.

И все, конечно, завидовали теперь лейтенанту Клименко и пяти краснофлотцам, ушедшим в полк Осипова корректировать огонь «Беспощадного».

Место для наблюдательного пункта осиповцы выбрали хорошее: возвышенность, кустарник — и обзор хороший, и маскировка.

Но заняв позицию, корпост сразу же попал под ожесточенный обстрел.

Все моряки, и Клименко тоже, впервые попали под огонь на суше, поэтому чувствовали себя неважно.

Наконец обстрел прекратился.

Краснофлотцы установили пулемет, подготовили ленты и начали рыть окопчик, прикрывшись со стороны противника наломанными ветками кустарника. Радисты, настроив рацию, передали на корабль координаты целей, засеченных на кукурузном поле. Противник накапливался там для атаки.

Первый снаряд с корабля разорвался на краю поля, откуда непрерывно стучал вражеский пулемет. Взрыв разорвал дождевую пелену и осветил местность. Лейтенант Клименко рассмотрел в бинокль место падения снаряда и приказал радисту передать на «Беспощадный» поправку. Теперь залп эсминца накрыл

кукурузное поле.

Левее поля — дамба, пересекающая низменность перед лиманом. Дождь уменьшился, и в бинокль стало видно, как по дамбе с восточной стороны на западную двигаются вражеские машины с пехотой, танки, повозки, артиллерийские упряжки.

Корпост передал на миноносец координаты дамбы. После первых поправок залпы «Беспощадного» стали накрывать ее. Получив с корпоста сообщение об этом, Негода усилил огонь: дамба была главным объектом для эсминца. Снаряды стали ложиться по всей ее длине.

Среди общего гула раздался сильный взрыв: видимо, снаряд попал в машину с боеприпасами. Движение по дамбе прекратилось.

Корректировщики ликовали. Гордились своими друзьями и морские пехотинцы полка Осипова.

Корабль перенес огонь на другие цели, засеченные корпостом.

На другой день, прощаясь с Клименко, полковник Осипов благодарил корпост и просил передать благодарность экипажу «Беспощадного» и капитан-лейтенанту Негоде.

* * *

Экипаж действительно заслужил благодарность.

Даже на учениях не так просто поразить цель. А тут приходилось вести огонь под носом у противника, рискуя попасть под его выстрелы, ожидая в любую минуту атакующих со стороны солнца бомбардировщиков. От каждого требуется исключительное напряжение. Рулевой не может оторвать глаз от картушки гирокомпаса, ибо вилять кораблю нельзя, нужно точно держать курс. Турбинисты должны так же точно держать обороты машин, котельные машинисты — пар. А если артиллеристы допустят малейшую неточность, снаряд весом около двух пудов, а то и залп, вместо противника поразит своих: ведь их разделяет совсем малое пространство.

И когда раздастся голос штурмана: «В точке!» — у артиллеристов должно быть все готово, чтобы немедленно выполнить команду «Залп!»

Со свистом и грохотом идут на берег снаряды.

И сразу же корабельный радист запрашивает береговой корпост:

— Дали залп, сообщите результат.

Все снова в напряженном ожидании. А орудия уже опять

заряжены, расчеты ждут ревуна.

Томительная тишина. Только слышна работа турбовентилятора.

Сигнальщики, торпедисты и зенитчики внимательно наблюдают за воздухом и за водой.

Волнуется командир. Нервничает штурман.

Снаряды летят до цели сорок секунд. Прошла уже минута. Корпост еще не успел определить место падения. В нетерпении командир зашел к штурману. Вернулся на мостик.

— Товарищ командир! — кричит вдруг радист. — Корпост дает корректуру.

Вздрогнул от радости артиллерист в командно-дальномерном посту. Берег требует точного огня. Командир батареи получил уточненные данные — немедля шквальный огонь с промежутками в шесть секунд. Залпы один за другим. Снаряды не пропадают даром.

Ободряющее донесение с корпоста:

— Бьете прямо в середину колонны. Хорошо стреляете.

Радостно стучат сердца.

Боевая трансляция передает это сообщение по кораблю. Матросы готовы расцеловать своих артиллеристов за точность. За несколько минут «Беспощадный» выпустил около 150 снарядов. Они ложились точно в цель, пока с корпоста не передали: «Прекратить огонь!»

* * *

Ощущая мощные удары кораблей, враг пустил в ход авиацию.

Забыв про город, порт и даже про передний край, она переключила все свое внимание на эсминцы.

В 13 часов маневрировавший на больших ходах «Безупречный» был атакован девятью пикирующими бомбардировщиками. Они сбросили 36 бомб. Наши истребители атаковали их, мешая прицельному бомбометанию, но бомбы все же падали вблизи эсминца. Говорили, что это та же девятка, которая потопила «Фрунзе», «Красную Армению» и буксир у Тендры.

Командир «Безупречного» капитан-лейтенант П. М. Буряк, искусно маневрируя и введя в действие зенитную артиллерию, не допустил прямого попадания в корабль. Но от осколков взорвавшихся бомб миноносец получил более 300 пробоин. Были затоплены 1-е и 2-е котельные отделения. Эсминец потерял ход, но остался на плаву и был отбуксирован в Одессу. «Бойкий»

принял с «Безупречного» 28 тяжелораненых и доставил в госпиталь.

А в 17.30 19 бомбардировщиков атаковали «Беспощадный», сбросив на него 84 бомбы. Одна из них попала в полубак и разрушила его до 44-го шпангоута. Корабль принял много воды. Удержав «Беспощадный» на плаву, капитан-лейтенант Негода привел его в Одессу. А потом на буксире эсминец пошел в Севастополь.

Высадка десанта и наступательные действия 421-й и 157-й дивизий принесли успех. Нами были разгромлены 13-я и 15-я пехотные дивизии противника, захвачены пленные и трофеи: 40 орудий различного калибра, четырехорудийная батарея, обстреливавшая Одессу, минометы, пулеметы, много снаряжения и боеприпасов. Противник лишился плацдарма, с которого вел артиллерийский огонь по городу и порту.

После завершения Григорьевской операции я получил от Кулакова радиограмму: он просил меня собрать всех парашютистов и отправить в Севастополь.

Перед отправкой я встретился с ними. Многие были ранены и пришли в бинтах, но держались бодро: их радовал успех. Просили оставить их в полку морской пехоты. Не хотели покидать Одессу — город, где они впервые узнали горечь потерь и радость победы. Но я получил приказание и не смел его нарушить.

Я попросил рассказать, как они воевали в тылу врага.

— Когда я приземлился, — начал свой рассказ Федор Воронков, — первым делом сбросил парашют. Стал прислушиваться. Посвистел. Так мы договорились между собой перед прыжками. Никто не ответил. Слышна была артиллерийская канонада. Осмотрелся. Вышел на дорогу. Вдоль дороги — линейная связь на шестах. У меня были кусачки. Стал перекусывать провода, скручивать их и забрасывать подальше от дороги.

Потом услышал тарахтение колес. Сошел с дороги. Разобрал: разговаривают не по-русски. Когда повозка поравнялась со мной, я бросил одну за другой две гранаты. После взрыва услышал крики и стрельбу. Перебежал кукурузное поле и вышел к посаду. Где-то рвутся снаряды. Подумал, что это стреляют наши корабли и скоро будет высадка.

Стало рассветать. Идя по посаду, вдруг услышал русский говор. Остановился. Меня тоже заметили, и я услышал: «Стой! Бросай оружие!» Оружия я не бросил, а взял на изготовку. Крикнул, что я Воронков. Меня узнали. Обрадовались. Обнялись. Я присоединился к группе.

Меня послали в разведку. По дороге попались четыре

румынских кавалериста. Подпустил метров на сто, дал очередь из автомата. Двое упали, а остальные ускакали.

— Я приземлился в конце лимана, — рассказывал Павел Литовченко. — Виднелись тусклые полосы воды и низкий берег. Его обстреливали корабли. Прятался в воронках. Шел долго. Рассвет застал меня у посада.

Заметил огневую точку врага. Она молчала. Стал обходить ее и чуть не столкнулся с Котиковым. Обрадовались встрече. «Один?» — спросил Котиков. — «Один», — ответил я. — «Будем действовать вместе». Я Котикову сказал, что видел огневую точку. Заметили: идут два румынских связиста. Котиков говорит мне: «Снимем?» — «Нет, — сказал я. — От двух — толк небольшой, а себя обнаружим». Мне рассказывали бывалые бойцы, что не всегда надо открывать огонь по одиночкам в тылу у противника. Мы их пропустили.

Минут через тридцать мы встретили группу наших парашютистов: Перепелицу, Леонтьева, Лукьяненко, Резникова, Хруленко. Теперь можно было действовать всей группой. Заметили группу солдат противника. Приготовились. Дружно напали. Они побросали оружие, подняли руки. Мы их окружили и решили вести к нашим. Оружие собрали и попрятали. Идем, посмеиваемся, поторапливаем пленных. Но недолго пришлось так идти. Показались еще солдаты противника. Завязалась перестрелка. Пленные попадали на землю.

В нас полетели гранаты, одна разорвалась сзади меня. Я почувствовал, будто к ноге приложили раскаленный металл. Вижу: упали Хруленко и Резников — оба убиты. Я в горячке выбежал из посада, кричу: «Полундра!» и бросился на противника, со мной — Леонтьев, Котиков. Фашисты не выдержали, скрылись в посаде.

Но с нами едва не получился конфуз. Солдаты, которых мы повели было в плен, во время перестрелки лежали на земле, а как увидели, что на них не обращают внимания и что нас мало, убежали, некоторые же пытались разделаться с нами. Несколько солдат набросились на меня. Но меня выручил Котиков. Тех, что нападали на нас, мы не щадили.

Появился Негреба. Он сказал, что взорвал командный пункт полка и, услышав перестрелку, шел к нам. Леонтьев стал отставать, просил, чтобы его оставили.

Нашли воронку. Усадили. Добавили шесть гранат, положили около него. Дали наказ: никого не подпускать, мы вернемся с носилками. Прошли немного. Нас заметил противник, и началась перестрелка. Мы залегли. Это отступали разрозненные группы солдат противника. На сближение они не шли, а мы не могли их

преследовать: почти все были ранены.

В сумерках приполз Леонтьев. Мы были удивлены. «Мне стало легче, — сказал он, — а одному оставаться на ночь тяжело. Все время слышал перестрелку в том направлении, куда вы ушли, и решил добраться до вас». Мы рады были, что он пришел.

С темнотой вошли в селение. Выяснили у жителей, что противник ушел. Перенесли Леонтьева в крайний дом. Перевязали ему раны. Перевязались и сами. Негреба, Перепелица и Котиков пошли в дозор. На рассвете ко мне подошли двое парнишек, сказали, что знают, где спрятались фашисты.

У свинарника стояли стога соломы. Я пырнул солому штыком. Кто-то застонал. Гляжу — вылезает офицер королевской армии. В другом стогу оказалось шесть солдат. Вытащил их — дрожат, показывая на дальний стог соломы. Там тоже оказался офицер…

— Григорию Елисееву пришлось действовать в одиночку, — рассказывал один из десантников. — Он долго искал провода. Набрел на них и начал уничтожать. Обматывал провода вокруг себя, боясь, что, если обрезать их и бросить, связисты могут срастить. Он превратился в «телефонную катушку».

Выйдя на дорогу, Елисеев увидел приближавшиеся повозки. Как наши тачанки времен гражданской войны. Подпустил метров на двадцать. Метнул две гранаты. Одна тачанка завалилась, другая ускакала.

Подойдя к селению, Елисеев пошел не дорогой, а задними дворами. Пройдя несколько домов, остановился. Заметил машину. Прошел до дома, где она остановилась, и увидел выходящих из дома двух офицеров. Они подошли к машине, открыли дверцу, стали садиться. Елисеев метнул гранату прямо в раскрытую дверь и успел задворками добраться до кукурузы.

— Мы вместе со старшиной первой статьи Василием Чумичевым, — сказал Михаил Бакланов, — вышли на полевую дорогу. Увидели несколько повозок, сопровождаемых двумя кавалеристами. Подпустив их поближе, Чумичев крикнул: «Стой!»

Ездовые, солдаты и сопровождающие растерялись. А Чумичев кричит: «Взвод, гранаты к бою!» Бросил за Чумичевым и я две гранаты. Повозки разнесли. Солдаты попадали, а один кавалерист пригнулся к гриве лошади и галопом удрал. Мы, уходя в кукурузу, дали по направлению дороги, где были повозки, несколько очередей из автоматов и ушли. Никто нас не преследовал…

…Моряки, раненные, измученные, в одну ночь потерявшие многих друзей, сидели, рассказывали как ни в чем не бывало о своих делах в условиях постоянной смертельной опасности и

просили не отправлять их из осажденной Одессы.

Присматриваясь к ним, я все больше проникался непоколебимой верой в нашу победу…

* * *

Успешное наступление в Восточном секторе фронта и усиление обороны полнокровной дивизией окрылило всех защитников Одессы, и атаки противника по всему фронту с утра 23 сентября уже не вызвали большой тревоги.

Никто не просил срочной помощи, как это часто бывало до 22 сентября.

Генерал-майор Шишенин доложил Военному совету, что командиры дивизий не нервничают и заявляют о готовности обойтись своими силами.

— Будут отбиты, — уверенно сказал он и стал излагать план перегруппировки сил для сосредоточения их в юго-западном направлении, где враг наносил, как видно, главный удар.

Мы сами намечали здесь наступление, однако из-за нехватки боеприпасов отложили его до 30 сентября, а пока просили наркома и Военный совет Черноморского флота ходатайствовать перед Ставкой о подкреплении ООР боеприпасами для развертывания активных действий.

Нам известно было указание маршала Шапошникова обеспечить Одессу в сентябре пятью боекомплектами, а у нас не было и одного.

Из Севастополя же мы пока получили только напоминание об экономии боеприпасов для артиллерии. Беспокоила и информация оттуда: командиру Тендровской военно-морской базы было приказано эвакуировать гарнизоны и батареи с островов Первомайский и Березань, которые раньше, 12 сентября, командующий флотом требовал оборонять.

Видимо, наши дела на юге значительно ухудшились. Больше всего тревожило сообщение, что 26 сентября противник, сосредоточив на Перекопском перешейке до двух пехотных дивизий и до ста танков, после артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление по всему фронту и овладел Турецким валом и Армянском.

Одновременно враг усиливал нажим и на Одессу. Разведка доносила, что против одного только Южного сектора он сосредоточил до семи пехотных дивизий и кавалерийскую бригаду и готовит удар в направлении Ленинталь — Татарка. Нас же по-прежнему сдерживал недостаток снарядов. Прибывающие

боеприпасы покрывали лишь текущие расходы.

Вечером 25 сентября противник бросил пехотный полк на Новую Дофиновку. Артиллеристы помогли отбить атаку. Ночью враг повторил ее, и 3-й морской полк вынужден был отойти. Перейдя в контратаку, он возвратил Новую Дофиновку, но это потребовало большого расхода снарядов.

— Экономить боезапас нужно, — сказал Жуков, выслушав очередной доклад начальника штаба, — но экономия должна быть разумной. Нужно прекратить вести огонь по площади.

Было решено применить в предстоящей наступательной операции находящийся в резерве Военного совета гвардейский минометный дивизион.

— Есть еще один вопрос, — в глазах Жукова зажглась улыбка. — Мы получили телеграмму Военного совета флота: просят выделить для Севастополя исправные грузовые машины.

Еще раньше, будучи в Одессе, Н. М. Кулаков спрашивал у меня, не можем ли мы дать Севастополю сколько-нибудь минометов. Конечно, никто из членов Военного совета не возражал против отправки автомашин и производимого у нас оружия: осажденной Одессе было лестно оказать помощь Севастополю.

Мне поручили разобраться, что можно послать.

На следующий день Военному совету флота была послана телеграмма: «На танкере «Серго» высылаем 70 автомашин. Впредь будем помогать чем можем. На днях вышлем 50 минометов. Нужны ли огнеметы?»

…Уже шестые сутки вражеские батареи не доставали своим огнем ни порт, ни подходные фарватеры. Авиация противника не прекращала своих налетов на порт, но ее боялись меньше, чем артиллерийского обстрела.

В порту не раз приходилось слышать:

— Когда летит бомбардировщик, его видно. Видно даже, как от него бомбы отделяются. А артиллерия бьет неожиданно, да к тому же прицельно.

Теперь почти без помех со стороны противника разгружались приходящие в Одессу суда и производилась эвакуация.

— Закончили посадку на «Днепр» шести тысяч пассажиров, погрузили более двухсот пятидесяти раненых, оборудование табачной и суконной фабрик, пять тысяч тонн имущества трамвайного треста, — доложил мне в один из тех дней начальник военно-морской комендатуры Романов.

«Днепр», самый большой по водоизмещению учебный корабль флота, доставляя пополнение, боеприпасы и необходимое для обороны имущество, сделал к тому времени шесть рейсов в

Одессу. На нем эвакуировалась не одна тысяча гражданского населения и раненых.

Каждый раз, когда «Днепр» приходил, командир корабля капитан 3 ранга Моргунов и военком полковой комиссар Бубличенко справлялись у меня, как воюют в полку Осипова краснофлотцы из их экипажа, и очень радовались за своих питомцев, услышав похвалу.

Как-то во время пребывания «Днепра» в Одесском порту Моргунов разыскал меня и с досадой пожаловался:

— Недогруженными уходим, товарищ дивизионный комиссар. Пустуют и кают-компания, и кубрики, и каюты.

Меня прямо-таки растрогала честность Моргунова. Это были дни усиленной бомбежки, ожесточенного обстрела порта. Многие корабли пытались как можно скорее отойти от причала. А тут даже жалоба: корабль уходит незагруженным. И «Днепр» принял дополнительно 2000 женщин, детей, раненых и ценные грузы.

…Я уже никогда не увижу ни Моргунова, ни Бубличенко, ни других своих знакомых из экипажа этого корабля.

Отправившийся с шестью тысячами эвакуируемых на борту «Днепр» 30 сентября благополучно разгрузился в Новороссийске. И сразу же получил приказание: срочно следовать в Одессу.

Через несколько часов по выходе из Новороссийска корабль был торпедирован и затонул.

В ноябре 1941 года я узнал в Новороссийске от секретаря партийной организации «Днепра» Карнаухова о том, как погибли Моргунов и Бубличенко.

Моргунов так и не сошел с мостика, до последней минуты делая все, чтобы спасти команду.

Комиссар Бубличенко плавал, подбадривая краснофлотцев:

— Держитесь, скоро за нами придут катера.

Когда катера действительно пришли и начали подбирать плавающих, комиссара среди них не оказалось. Один из спасенных моряков рассказывал: когда комиссар стал уставать, плававший поблизости краснофлотец хотел отдать ему спасательный круг — Бубличенко оттолкнул его и сказал:

— Я уже пожил, а тебе еще жить да жить.

Вскоре, совершенно обессилевший, он ушел на дно.

* * *

В сентябре 1941 года в Одессу прибыл в качестве военного корреспондента Л. С. Соболев. Он наведывался на корабли, батареи, аэродромы, пробирался в окопы прославленного 1-го

морского полка, бывал и в 3-м морском полку.

Как-то Соболев зашел ко мне, когда я уже собрался ехать в район Татарки, где находился наш отряд разведчиков. Незадолго перед тем ко мне приходил из отряда Григорий Поженян с просьбой, касающейся боевого обеспечения разведчиков. И теперь я хотел проверить, как выполнено мое указание.

Я пригласил Соболева поехать со мной.

— К разведчикам, к тому же морякам, — с большим удовольствием! — воскликнул он.

Дорогой я рассказал ему о многочисленных подвигах разведчиков, о дерзких вылазках в тыл противника, о том, как они доставляли «языков». В небольшом отряде были моряки со многих кораблей Черноморского флота: с линкора «Парижская Коммуна», с крейсеров, эсминцев, подводных лодок, торпедных катеров, из флотского экипажа. А о том, что в отряде есть девушка, забыл сказать.

Во время этой встречи с разведчиками произошел казус, который описан Леонидом Соболевым в рассказе «Разведчик Татьян». Соболев принял разведчицу-девушку за парнишку, к тому же несовершеннолетнего. Он стал расспрашивать «его», подшучивая, ласково хлопая по плечу. Долго и заразительно смеялись моряки и мы вместе с ними над тем, что писатель принял девушку за парня.

Потом в «Морской душе» мы находили много знакомого, схваченного Соболевым при встречах с моряками в Одессе.

Вспоминая встречи с разведчиками, я не могу забыть, какими бесхитростными и скромными были эти бесстрашные люди. Закончив беседу, я спросил, что бы они хотели получить в награду за свои боевые дела.

Не задумываясь, они почти хором ответили:

— Компот на третье!

Я подумал, они подшучивают надо мной. А оказалось, что во 2-й кавалерийской дивизии, куда моряки были зачислены на довольствие, не полагался компот, к которому они привыкли на кораблях. Когда же стали просить краснофлотский паек, над ними посмеялись, сказав, что компот будет после войны, а по красноармейскому пайку не положен.

Пришлось, конечно, помочь им. Хозяйственники дивизии, получив приказание, удивились, но компот разведчикам выдавали после этого исправно.

Я спросил разведчиков, чем все-таки мы можем их наградить, и услышал:

— Сапоги сорок шестого размера Георгию Урбанскому, хромовые сапожки для Аннушки и наган Угольку (так они

прозвали Григория Поженяна).

— Штаркман, придется отдать наган, — сказал я адъютанту.

— А я останусь без нагана? — с обидой проговорил тот.

— В Одессе получишь. А какой же он командир разведчиков без нагана?!

Штаркман нехотя отстегнул кобуру, и я вручил наган Поженяну. Через несколько дней полковым комиссаром А. И. Рыжовым были доставлены и сапоги для разведчицы Анны Макушевой и Георгия Урбанского.

Уже позже, будучи членом Военного совета Черноморского Флота, вместе с И. В. Роговым, приехавшим в Севастополь, я был во флотском экипаже, где формировались отряды морской пехоты для отправки на другие фронты. Стоявший в строю Григорий Поженян обратился ко мне с жалобой: у него хотят отобрать тот самый наган.

Радость заискрилась в глазах разведчика, когда я приказал командиру отряда:

— Наган не отбирать. Он вручен Григорию Поженяну в награду. Моя оплошность, что награда не была оформлена приказом.

К нам обратилась тогда и разведчица Анна Макушева с просьбой включить ее вместе с разведчиками в формируемый отряд. Разведчики поддержали ее просьбу. Но Анна была назначена для выполнения особого задания и оставлена в Севастополе.

В один из октябрьских дней я снова заехал в отряд и застал разведчиков опечаленными. На земле, прикрытое бушлатом, лежало тело их боевого товарища Олега Безбородько, моряка из подплава, молодого, красивого и сильного. Он был убит в тылу противника.

Не считаясь с опасностью, которая грозила разведчикам, они пронесли тело Безбородько через минные поля, сторожевые посты врага, по лиманам и плавням, чтобы похоронить у себя. Прошло больше 20 лет, а я хорошо помню их обветренные, загорелые мужественные лица, ставшие суровыми в минуту прощания с боевым другом.

Нас ждет Крым
Последние атаки

Приближался день наступления, а положение с обеспеченностью Одессы боеприпасами оставалось прежним. И мы с Жуковым решили еще раз напомнить об этом Военному совету флота. Только послали телеграмму, как начальник штаба флота контр-адмирал Елисеев уведомил нас, что из Новороссийска вышел транспорт «Украина», который доставит в Одессу 35 вагонов взрывчатки и боезапаса. Это обрадовало нас.

Но прошло несколько часов, и Жуков, разыскав меня по телефону, сказал, что получен ответ командующего флотом на нашу последнюю телеграмму.

— Ответ необычный, — волнуясь, сказал Жуков.

— Чем? — поинтересовался я.

— Да просто загадочен. Разъяснить должен Гордей Иванович, он прибывает завтра катером.

По телефону я не стал больше допытываться, но волнение Жукова передалось мне, и я сразу же поехал в штаб.

Гавриил Васильевич ходил по кабинету с видом крайне озабоченным.

— Читай! — кивнул он в сторону стола.

Я взял со стола телеграмму, адресованную Жукову и Азарову: «Завтра Одессу прибудут Левченко, Жуковский. Передадут вам важное решение, которое исключит совершенно ваши запросы. Октябрьский».

Я прочитал раз, другой. Неужели эвакуация Одессы?

За все время обороны, даже в часы самого отчаянного положения, мы не думали об эвакуации. А сейчас дела сложились так, что только дай снаряды — и мы сможем отбросить врага еще дальше. Мы жили мыслями о наступлении и не сомневались в его удаче.

Жуков подошел ко мне и впервые положил руку на плечо.

— Что ты думаешь о телеграмме? — глухо спросил он.

— Только уход из Одессы может исключить запросы фронта.

Наши взгляды встретились.

— Для меня, — сказал Жуков, — все это, как снег на голову. Я не могу согласиться… Не хочу уходить.

— И я.

— Неужели нет надежды?

— Не знаю…

Жуков задумался.

— Это — Крым. Только угроза потери Крыма может вынудить… — проговорил он.

— Когда соберемся? — спросил я.

Жуков посмотрел на часы.

— Через 25 минут.

Прибывшие на заседание Военного совета Воронин, Колыбанов, Софронов и Шишенин тоже прочли телеграмму.

— Туманно, но догадаться можно, — проронил Софронов.

— Я не мог не собрать Военный совет в связи с получением телеграммы Октябрьского, — начал Жуков. — Это ответ на телеграмму мою и Ильи Ильича, в которой мы указывали, что недостаток боезапаса может повести к срыву готовящейся операции. Не следует выносить содержание ответа за эти стены. Обсуждать нам пока нечего: завтра приедет заместитель наркома, и тогда все станет ясно.

— Как быть с подготовкой наступления? — спросил Шишенин.

— Продолжать подготовку. Тем более, что боезапас поступит своевременно. Ваше мнение, Георгий Павлович?

— Пока нет ясности, конечно подготовку не свертывать, — ответил Софронов.

Так и решили…

Гордей Иванович Левченко бывал у нас часто. Его присутствию мы всегда были рады. Он не вмешивался в руководство боевыми действиями, не навязывал своих мнений, предложения вносил корректно, без нажима. Мы постоянно чувствовали его поддержку перед наркомом и Военным советом флота.

Как всегда, мы встретили его на причале. Садясь в машину, я не вытерпел и спросил:

— Гордей Иванович, уходим?

— Да, — сказал он решительно.

Собрался Военный совет.

Жуков сообщил, что получена директива Ставки Верховного Главнокомандования об эвакуации Одессы, и прочитал ее:

«…В связи с угрозой потери Крымского полуострова, представляющего главную базу Черноморского флота, и ввиду того, что в настоящее время армия не в состоянии одновременно оборонять Крымский полуостров и Одесский оборонительный район, Ставка Верховного Главнокомандования решила эвакуировать ООР и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова.

Ставка приказывает:

1. Храбро, честно выполнившим свою задачу бойцам и

командирам ООР в кратчайший срок эвакуироваться из Одесского района на Крымский полуостров.

2. Командующему 51-й отдельной армией бросить все силы армии для удержания Арабатской стрелки Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и Ишуньских позиций до прибытия войск из ООР.

3. Командующему Черноморским флотом приступить к переброске из Одессы войск, материальной части и имущества в порты Крыма: Севастополь, Ялту и Феодосию, используя по своему усмотрению и другие удобные пункты высадки.

4. Командующему ЧФ и командующему ООР составить план вывода войск из боя, их прикрытия при переброске, при этом особенное внимание обратить на упорное удержание обоих флангов обороны до окончания эвакуации.

5. Командующему ООР все, не могущее быть эвакуированным: вооружение, имущество и заводы, связь и рации — обязательно уничтожить, выделив ответственных за это лиц.

6. По высадке в Крыму войсковые части ООР подчинить командующему 51-й армией…»

После довольно значительной паузы Жуков обратился к нам:

— Я думаю, обсуждать и обмениваться мнениями будем после выступления Гордея Ивановича.

Левченко был краток.

— Части пятьдесят первой армии под натиском противника отошли на рубеж села Ишунь, — сказал он, — По существу, там нет надежных оборонительных сооружений, и угроза захвата Крыма противником становится реальной. С потерей Крыма мы можем потерять и Одессу, так как питать Одессу с Кавказа, если враг захватит крымские аэродромы, будет почти невозможно. Военный совет флота доложил о сложившейся обстановке в Ставку Верховного Главнокомандования и внес свои предложения. Пока борьба за Крым идет на Перекопе, есть возможность организованно вывести войска из Одессы и усилить ими оборону Крыма. Потеря Одессы, как доложил Военный совет флота в Ставку, если Крым нам удастся удержать, — меньшее зло. Предложение Военного совета флота об эвакуации Одессы и переброске войск в Крым Ставкой Верховного Главнокомандования принято. Теперь наша задача — решить, как наилучшим образом выполнить директиву Ставки.

— А не слишком ли торопятся товарищи с нашей эвакуацией? — тихо спросил Жуков.

— Но, видимо, с потерей Крыма утрачивается смысл удерживать Одессу, — возразил Воронин.

— Угроза потери Крыма не есть еще сама потеря, — сказал

Колыбанов. — Над Одессой не раз нависала угроза захвата, а ведь держимся… Может быть, удержим и Крым?.. Мы ведь убедили всех, что Одессу не сдадим, что Одесса есть, была и будет советской. И вдруг — самим уходить… Дела-то наши здесь пошли на улучшение. Тут надо все взвесить…

Может быть, и в самом деле эвакуация решена поспешно?

Да, обидно было уходить из Одессы в канун подготовленного наступления, сильными, выстоявшими, обогащенными опытом, уходить из города, за который пролито столько крови.

Мы вовсю уже готовились к зимней кампании: предприимчивые хозяйственники заготовляли овощи, занимались квашением, заботились о производстве железных печей, брали на учет твердое топливо; уже было сшито около десяти тысяч теплых рубах, шаровар, шапок. Одесса жила мыслью, что вот-вот мы погоним врага.

На заводе имени Январского восстания строится бронепоезд. Технологу Григорию Георгиевичу Колягину 63 года, из них 42 он отдал родному заводу

И должны покидать ее сами… С этим трудно было примириться.

Я спросил Гордея Ивановича:

— Вы были в Крыму последние дни? Неужели там настолько

безнадежная обстановка? Неужели потеря Крыма неотвратима?

— Да, обстановка в Крыму тяжелая. Я объездил его весь. Был на Перекопе. В районе Ишуни. И должен прямо сказать: с теми силами, которые есть в Крыму, надежды удержаться на Ишуньских позициях нет. Потеря Крыма повлечет за собою потерю Одессы. Морские коммуникации будут под постоянными ударами авиации противника. Он незамедлительно посадит свою авиацию на аэродромы Крыма. Вся трагедия в том, что там нет сил, которые могли бы сдержать противника. Пятьдесят первая армия не в состоянии… Для того чтобы вы яснее поняли обстановку, могу вам сообщить следующее: Военный совет флота доложил в Ставку, что положение пятьдесят первой армии на грани катастрофы, часть ее дивизий без оружия, командование чувствует себя неуверенно, войска уже отходят к Ишуни, где нет надежных оборонительных сооружений; усилить войска можно только за счет Одессы. По-моему, решение Ставки единственно правильное и торопливости в нем никакой нет.

— Но может быть, все-таки следовало бы просить, — обратился к нам Жуков, — чтобы нас оставили в Одессе. Как вы на это смотрите?

— Надо все взвесить, — сказал я.

— Я такую телеграмму подписывать не буду, — сказал Воронин. — А что, если с боем прорваться к Николаеву и пробиться в Крым? Как вы, Георгий Павлович, смотрите на это? — обратился он к Софронову.

— Эта идея заслуживает внимания, — сказал бесстрастно Софронов. — Армаду, которую создали мы в Одессе, трудно будет эвакуировать морем, тем более что авиация противника активно действует на коммуникациях.

На этом заседании к единому мнению мы так и не пришли. Предложение прорваться в Николаев никто не поддержал. Решили прервать заседание, чтобы все взвесить и обдумать спокойно.

А из Севастополя уже стали поступать сообщения, что транспорты из портов Крыма и Кавказа выходят порожняком в Одессу: Военный совет флота уже приступил к выполнению директивы Ставки об эвакуации.

Медлить больше нельзя. Приход транспортов не должен застать нас врасплох. Чувство ответственности за выполнение директивы приглушало в сознании каждого из нас возражения против эвакуации.

Через несколько часов после перерыва мы вновь собрались у Жукова.

— Я предлагал послать телеграмму с просьбой оставить нас в

Одессе, — уже изменившимся тоном сказал Жуков. — Но взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что этого делать не следует. Я, как командующий, должен точно выполнить требование Ставки и призываю всех вас к этому… Транспорты уже идут в Одессу. Нужно не только подчиниться, но и сделать все, чтобы успешно решить поставленную задачу. — Он сокрушенно вздохнул и сел.

Мы все высказали согласие с доводами Жукова.

Вспоминая эти часы, должен признаться, что внутри оставалось сомнение в целесообразности эвакуации.

«Мы выстояли, почему не могут сделать этого они?!» И ни у командиров, политработников, ни у бойцов, ни у руководителей городских организаций и предприятий в последние дни не было того беспокойства, неуверенности, которые владели всеми до 22 сентября. Последние сводки Совинформбюро тоже казались менее тревожными. Каждый день сообщалось, что наши войска ведут бои с противником на всем фронте, и только 30 сентября пришла весть, что после упорных боев оставлена Полтава.

— Я очень рад, — заключил Жуков, — что у всех нас единое мнение. Теперь нужно решить, какие части и как будем эвакуировать, ориентировочно определить сроки эвакуации, продумать, как обеспечить скрытность.

Во время заседания была получена телеграмма из Севастополя, адресованная вице-адмиралу Левченко и Военному совету Одесского оборонительного района. В ней передавались указания наркома.

Нарком обращал внимание на то, чтобы при эвакуации Одессы не повторилась трагедия Таллина, и требовал соблюсти скрытность по крайней мере в начале эвакуации.

Перед уходом последнего эшелона было приказано нанести противнику сильный удар, создав видимость наступления, и тем самым вынудить его в момент нашего ухода заняться приведением себя в порядок; заранее подготовить к взрыву и поджогу все военные объекты. В качестве пункта высадки рекомендовалась Ак-Мечеть, при этом предлагалось продумать вариант высадки в тыл перекопской группировки противника, в первую очередь 3-го морского полка.

Решили, что одновременно с эвакуацией будем проводить задуманное нами наступление, но теперь уже с задачей дезориентировать противника.

Эвакуацию постановили начать с отправки наиболее укомплектованной 157-й стрелковой дивизии и приданной ей артиллерии, в несколько раз более значительной силы, чем 3-й морской полк, о котором идет речь в указаниях наркома. Вице-

адмирал Левченко одобрил это решение.

Разработку плана вывода войск из секторов и постепенной эвакуации из Одессы решили возложить на генерал-лейтенанта Софронова, ежесуточный план эвакуации утверждать Военным советом; начать эвакуацию 1 октября.

Сразу же после заседания к контр-адмиралу Жукову были приглашены командир и комиссар 157-й стрелковой дивизии. Они были ошеломлены сообщением Жукова о предстоящей эвакуации.

— А нельзя ли нам остаться пока в Одессе, хотя бы не первыми уходить? — робко спросил Томилов.

— К сожалению, нельзя.

Командиру дивизии было приказано направить в порт 633-й стрелковый полк через несколько часов, учтя время, необходимое на посадку и погрузку, чтобы затемно 1 октября первые транспорты вышли из Одессы. В следующую ночь отправить 716-й полк. Полки должны уходить со своей артиллерией, тыловым хозяйством, кухнями.

Томилов предложил прикрыть отход дивизии своим лучшим, 384-м полком, которым командовал полковник Соцков. Согласившись с этим, Военный совет решил оставить 384-й полк для участия в наступлении 2 октября.

Легкий артиллерийский полк 157-й дивизии и 422-й гаубичный решено было выводить побатарейно по такому маршруту, который не выдавал бы движения их в порт. Такое же решение было принято и в отношении 422-го гаубичного тяжелого полка. Но его эвакуация предусматривалась лишь после того, как он поддержит огнем наступление 2 октября.

В заключение Жуков от имени Военного совета объявил благодарность за умелые действия и мужество командиру дивизии полковнику Томилову, полковому комиссару Романову и просил передать благодарность всем бойцам дивизии.

Недоумения и необходимость

Утром 1 октября мы получили телеграмму начальника Главного политического управления Военно-Морского Флота И. В. Рогова, который обращал внимание на ошибки, допущенные при переходе кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт: некоторые транспорты уходили из Таллина не ночью, а днем, что облегчало действия авиации противника; во время перехода некоторые корабли, сопровождавшие транспорты, уходили и оставляли их без охранения от атак вражеских подводных лодок; караван был слабо прикрыт истребителями; часть автотранспорта и артиллерии из-за отсутствия места на транспортах осталась в Таллине и не была уничтожена; были плохо распределены по кораблям командиры и политработники, на некоторых транспортах во время бомбежки наблюдалась паника.

Рогов требовал учесть все эти ошибки и не допустить повторения их.

Начальнику политотдела Приморской армии Л. П. Бочарову и комиссару Одесской военно-морской базы С. И. Дитятковскому мы поручили немедленно подобрать политработников для назначения комиссарами на транспорты и суда. Решили также назначить комендантов и комиссаров на причалы и в места посадки и погрузки.

На наблюдательный пункт 44-го артдивизиона Одесской военно-морской базы пришел полковой комиссар С. И. Дитятковский. Слева — краснофлотец М. А. Суслов

Помню, как удивился военврач 1 ранга Зеликов, когда я приказал ему на всех уходящих с этого дня транспортах и кораблях отправлять и легкораненых, находившихся в госпиталях: ведь совсем недавно его упрекали за то, что вместе с тяжелоранеными он иногда отправлял и тех, кто через неделю-две мог возвратиться в строй.

— Я вас не совсем понял, — недоумевал Зеликов.

— Уходить собираемся, Михаил Захарович…

В тот же день из Севастополя прибыли начальник политического управления флота Бондаренко и представитель Главного политического управления П. И. Бельский.

— Располагай мною полностью, — сказал Петр Тихонович. — Я прибыл с группой работников политуправления флота.

— Каждому найдется дело, — сказал я и, помолчав,

спросил: — Значит, совсем плохо в Крыму?

— Надеемся на вас, — ответил Бондаренко.

Он возглавил группу, в которую вошли политработники, находившиеся все время в Одессе: Бурдаков, Рыжов, Гуткин и прибывшие из Севастополя Афиногенов, Нестеров и другие.

Находясь постоянно в порту, эта группа проверяла загруженность транспортов, очередность погрузки, посадку людей, пресекала панику во время налетов вражеской авиации, комплектовала команды малых плавсредств, следила за прибытием транспортов и регулировала эвакуацию по суточному плану.

Каждый вечер Петр Тихонович докладывал Жукову обо всем сделанном политработниками.

— Настоящие чрезвычайные комиссары, — восхищался их работой Жуков.

Потом, после прибытия в Севастополь, я с радостью узнал, что Бондаренко опыт работы своей группы перенес в главную базу, где была создана по примеру Одессы оперативная группа политуправления во главе со старшим инструктором Матвеевым.

В первый же день эвакуации нас ждали большие огорчения.

Из Севастополя прислали план, согласно которому 3 октября в Одессу должны были прийти транспорты «Армения», «Котовский» и «Большевик», 5 октября — «Абхазия», «Калинин», «Днепр» и в дальнейшем — по три транспорта в сутки. Это не могло обеспечить вывоза в кратчайший срок частей и боевой техники 157-й дивизии, не говоря уже о населении и грузах. Эвакуация могла затянуться на долгое время, и противник безусловно разгадал бы наши замыслы. Необходимо было ускорить подачу транспортов и использовать для эвакуации Одессы боевые корабли.

Вице-адмирал Левченко согласился с нами и дал телеграмму Военному совету флота, что наличный тоннаж не обеспечивает массовой отправки, нужно привлечь боевые корабли — крейсера и эсминцы.

* * *

Наступление в Западном и Южном секторах нам нужно было для того, чтобы скрыть от противника начавшуюся эвакуацию, ввести его в заблуждение относительно дальнейших наших намерений.

Военный совет заслушал доклад полковника Крылова о готовности войск к наступлению.

25-й Чапаевской дивизии, которой были приданы 384-й стрелковый полк 157-й дивизии, 422-й гаубичный полк, танковый батальон, гвардейский минометный дивизион и два дивизиона

397-го артиллерийского полка, предстояло наступать в общем направлении на Ленинталь и овладеть хутором Дальницкий…

2-й кавалерийской дивизии придавались 99-й гаубичный полк, 1-я батарея береговой обороны Одесской военно-морской базы и бронепоезд «За Родину». Она должна была овладеть рубежом безымянной высоты в километре от Ленинталя и Клейн-Либенталем.

Начало наступления намечалось на 10 часов утра после артиллерийской подготовки и залпов гвардейского минометного дивизиона.

Жуков, Колыбанов, Левченко, Бондаренко и я к началу артиллерийской подготовки поехали на КП 25-й дивизии к генерал-майору И. Е. Петрову.

До открытия огня оставалось меньше минуты.

И вот раздался гром, нараставший с каждой минутой и очень скоро превратившийся в сплошной рев. Это начал свою работу дивизион «катюш».

Потом мы услышали свист снарядов, пролетевших над нашими головами в сторону противника, — стрелял 422-й тяжелый гаубичный полк.

Нам доложили, что танковый батальон под командованием старшего лейтенанта Юдина прорвал оборону противника и ворвался на его передний край. В бинокль и стереотрубу было видно, как сквозь сплошную стену пыли, дыма и огня, преодолевая сопротивление противника, шли наши танки.

Иван Ефимович Петров заметно волновался. Но пришли первые донесения — и он, сразу повеселевший, доложил, что приданный ему полк Соцкова прорвал оборону противника в направлении хутора Дальницкий; враг оказывает местами упорное сопротивление, но полк продвигается вперед.

Наступление принесло успех. Были захвачены пленные, 44 орудия разных калибров, более 40 пулеметов, много винтовок, боеприпасов и различного снаряжения.

Противник пытался восстановить положение, но все его контратаки были отбиты с большими для него потерями.

Жуков напомнил Петрову, что 384-й стрелковый полк к исходу дня 3 октября нужно вывести в резерв, дать ему возможность привести себя в порядок и подготовиться к эвакуации.

— Больше на него и на гаубичный не рассчитывайте. Они должны уходить.

— Тяжело будет, — Петров снял пенсне и, протирая его белоснежным носовым платком, не то щурясь, не то морщась, глядя близорукими глазами куда-то в сторону, сказал:

— Не хочется уходить… Я прошу прощения… Может, не уйдем, а?

Жуков потупился.

— Уйдем.

— Не понял… — наседал Петров.

— Что ж тут понимать? Все решено окончательно, — глухо сказал Жуков.

— В таком случае можете на нас положиться. — Петров несколько раз нервно качнул головой: — Все будет исполнено.

Он козырнул и щелкнул каблуками.

Огонь противника усилился, стал приближаться к КП дивизии. Невдалеке разорвался снаряд. Другой.

— Война, — стряхивая землю с реглана, пытался шутить Бондаренко.

Где-то рядом разорвалось еще несколько снарядов.

Мы поехали в порт, не заезжая в штаб. С нами поехал и Левченко.

На «Жан Жорес» и «Большевик» грузили артиллерийский полк 157-й дивизии.

— Смотрите, Гордей Иванович, какой фронт погрузки бездействует, — с досадой сказал Жуков, показывая на причалы и бездействующие портовые краны. — Нам бы пять — семь транспортов в сутки, а не три через день. Надо торопиться, пока портовики не приступили к демонтажу кранового хозяйства.

— Когда они собираются начать демонтаж?

— Без нашего указания они не начнут, но нельзя же тянуть до последнего дня.

Находившийся рядом начальник одесского порта П. М. Макаренко сказал, что из-за отсутствия транспортов электрокраны, железнодорожные и гусеничные краны не использовались полностью ни вчера, ни сегодня.

— Дня через два-три все изменится, готовьте свое хозяйство к напряженной работе, — сказал Левченко.

В те дни родилось немало рационализаторских предложений по ускорению погрузки. Для погрузки больших тяжестей применялись спаренные маломощные краны, для погрузки сложной техники — углеперегружатели. Портовики так приспособили настилы из шпал, что автомашины, тракторы и тягачи с орудиями грузились собственным ходом.

В порт все прибывали и прибывали группы бойцов 157-й дивизии.

Вскоре мы встретили и самого Томилова. Он доложил, что вчера на «Украине» отправлен 716-й полк и часть тылового хозяйства.

Должного порядка в порту не было.

Причалы завалены различным войсковым имуществом, предназначенным для погрузки, трофейным оружием. Здесь же — груз, принадлежащий предприятиям и разным организациям, не представляющий особой ценности. По всем признакам, не было строгого контроля за допуском лиц и транспорта на территорию порта. Туда без особых трудностей можно было попасть, минуя контрольно-пропускной пункт. А потому завозилось имущество, не предназначенное для отправки. Оно занимало место на причалах, мешало погрузке и посадке людей.

Мы решили организовать два контрольно-пропускных пункта — у Таможенных и Крымских ворот, в состав их включить представителей ВОСО, тыла и штаба Приморской армии и военно-морской базы.

Командир базы контр-адмирал Кулешов получил приказание навести порядок в порту, очистив территорию от имущества, которое не будет эвакуироваться.

На следующий день порт был разбит на несколько эвакуационных участков, начальники которых стали допускать к причалам и на транспорты лишь войсковые части, боевую технику и грузы, намеченные для эвакуации на данные сутки.

…По прибытии в штаб обороны, Левченко послал командующему флотом Ф. С. Октябрьскому телеграмму, в которой напомнил о недостаточном количестве транспортов, направленных в Одессу, и подчеркнул, что ставится под угрозу требование Ставки об оставлении Одессы в сжатые сроки.

Телеграмма заместителя наркома сделала свое дело: начальник штаба флота контр-адмирал И. Д. Елисеев ответил, что дополнительно в Одессу прибудут: 3 октября — «Волга», танкеры «Серго», «Москва», транспорт «Белосток»; 4 октября — «Ураллес», «Егурча», «СП-14» с болиндером; 5 октября — «Буг», «Днестр», канлодка «Красный Аджаристан», тральщики «Доротея», «Райкомвод», «Хенкин».

2 октября стало известно, что из Севастополя в Одессу идут крейсер «Червона Украина», эсминцы «Бойкий», «Шаумян» и сторожевые катера.

Ведет огонь «Червона Украина»

Поздно вечером ко мне пришел работник политотдела Приморской армии политрук Лемперт.

— Я не раз бывал на Дальнике, — начал он свой рассказ, — но никогда на этом участке обстановка не была так напряжена, как утром, когда наши части перешли в наступление на Ленинталь — хутор Дальницкий. Завязались бои, длившиеся целые сутки. Местами доходило до рукопашных схваток. Враг же не выдержал натиска и начал отходить.

Было захвачено двести пленных. Со многими я беседовал. Они рассказывали о подавленном настроении солдат и офицеров, вызванном изнурительными и безуспешными для них боями под Одессой, говорили о больших потерях в своих подразделениях, заявляли, что при таком сопротивлении русских румынам никогда не видеть Одессы.

Один из штабных офицеров при опросе заявил (Лемперт достал свою записную книжку): «В нашей дивизии потери колоссальны, сомневаюсь, чтобы кому-либо из ее состава довелось праздновать победу в Одессе. Здесь, под огнем русских, погибнем все».

Иосиф Лемперт не знал, что, рассказывая об отчаянии противника, он посыпает солью мою рану. Горькая, неотвязная мысль давила меня: наступать бы, а не уходить…

На очередном заседании Военного совета обсуждался план эвакуации, разработанный генерал-лейтенантом Софроновым.

Генерал Шишенин доложил, что предпринятые противником 3-го ночью и утром 4 октября попытки восстановить положение в районе хутора Дальницкого не увенчались успехом — все атаки отбиты.

Самого Софронова на Военном совете не было: он заболел, пережив в ночь на 3 октября сердечный приступ. План эвакуации докладывал полковник Крылов.

После эвакуации 157-й дивизии войска должны были последовательно отходить на новые оборонительные рубежи, а потом на баррикады, опоясывающие город.

— На последнем рубеже, — заключил Крылов, — оборону в течение суток должны будут держать две дивизии. Софронов просил доложить, что он имеет в виду 95-ю и 421-ю дивизии. Остальные части отходят в порт для посадки на транспорты. В следующую ночь должны отойти последние дивизии… Успех будет зависеть от наличия транспортов и кораблей. Уход из Одессы этих двух дивизий обязаны прикрыть корабельная артиллерия, береговые батареи базы и батареи Приморской армии, а также авиация Черноморского флота.

Проблема отхода 95-й и 421-й дивизий стала в центре внимания Военного совета.

План прикрытия их при отходе и эвакуации представил командир базы контр-адмирал Кулешов. Этим планом предусматривалось, что все береговые батареи и один зенитный дивизион до конца остаются на поддержке дивизий. Они продолжают вести огонь вплоть до отхода последних транспортов и пресекают любые попытки противника помешать завершению эвакуации.

— А что же будет с личным составом батарей? Как артиллеристы доберутся до порта? — нетерпеливо перебил Кулешова Колыбанов.

— Батареи, — спокойно ответил Кулешов, — будут подорваны только после посадки на корабли и транспорты частей прикрытия. Все батареи на побережье. После подрыва их личный состав уходит на сейнерах, не заходя в порт.

Возражений против плана эвакуации не было, и после обсуждения его приняли, поручив контр-адмиралу Кулешову и его штабу руководить посадкой на корабли сил прикрытия.

Закончить эвакуацию решили 20 октября, имея в виду, что 7 октября закончится отправка 157-й дивизии, строительных батальонов и раненых. 12–13 октября надлежало закончить вывоз тылов, боевой техники, квалифицированной рабочей силы, семей начсостава и партийно-советского актива; 17–18 октября — основных частей ООР, высвобождающихся после сокращения

фронта в связи с отходом на тыловые рубежи, а 19–20 октября — частей прикрытия.

— По нашим расчетам, — сказал Жуков, — к двадцатому октября останутся невывезенными девять тысяч лошадей, две с половиной тысячи автомашин, сто восемьдесят тракторов, девяносто паровозов, восемь тысяч повозок. Можно было бы вывезти кое-что и из этого имущества — оно, бесспорно, потребуется войсковым частям в Крыму, — но только в том случае, если бы мы смогли оттянуть эвакуацию до двадцать четвертого — двадцать шестого октября. Противник может внести в наши расчеты свои коррективы…

На этом же заседании обсуждалась проблема снабжения города и войск.

Армия нуждалась в пяти артиллерийских боекомплектах. Населению требовалось 2500 тонн муки, 300 тонн крупы; лошадям — фураж.

Мы решили ускорить переработку конины на колбасу. Конское мясо было обращено на довольствие не только частями ООР — оно выдавалось в столовых, на предприятиях, в учреждениях. Решили выдавать его и населению. Кроме того, для населения выделить из войсковых запасов муки и крупы, а в последние дни выдать жителям города продовольствие, остающееся на складах и в магазинах.

Присутствовавший на заседании вице-адмирал Левченко одобрил наши мероприятия и послал телеграммы наркому и Военному совету Черноморского флота, в которых еще раз подчеркивал, что ежедневно требуется 5–6 транспортов и нехватка их может задержать свертывание Одесского оборонительного района. Затем мы послали Военному совету флота и план эвакуации, указав, что имущество, которое не удастся вывезти, будет уничтожено.

Военный совет флота, доложив этот план в Ставку Верховного Главнокомандования, сообщил нам, что он утвержден.

* * *

По вызову Военного совета из всех секторов обороны прибывали на совещание командиры и комиссары частей.

Радостно встречались «соседи справа» и «слева», знакомые, товарищи, соратники, пожимали друг другу руки.

Настроение у прибывающих было боевое. Ни одного унылого лица. Многие не сомневались, что их вызвали в штаб для анализа наступления в Юго-Западном секторе и решения вопросов о

дальнейшем наступлении. Только тот, кто внимательно всматривался в наши лица, чувствовал внутреннюю тревогу.

Открывая совещание, Жуков сообщил, что Военный совет собрал руководящий состав в связи с получением директивы Ставки Верховного Главнокомандования. Он умышленно сделал паузу, вглядываясь в лица сидящих командиров, и четко проговорил:

— …об эвакуации Одессы.

Недоумение — вот первая реакция, которую я прочел на лицах наших товарищей по оружию.

Жуков обрисовал положение в Крыму и огласил директиву Ставки, потом изложил существо принятого Военным советом плана «свертывания» и ухода из Одессы.

— Мы уже приступили к эвакуации, — проговорил он с горечью. — Одно из условий успешного проведения ее — скрытность и дезинформация противника.

Но все сказанное им не рассеяло недоумения командиров и комиссаров. Жуков даже почувствовал себя как будто виноватым перед этими честными и храбрыми людьми и, как мне показалось, только для оправдания сказал, что инициатива в постановке вопроса об эвакуации исходила не от Военного совета Одесского оборонительного района, а от Военного совета флота.

— Военным советом флота было доложено наркому для доклада в Ставку Верховного Главнокомандования о необходимости эвакуации Одесского оборонительного района, так как Крым поставлен под угрозу захвата противником, а сдержать его натиск нет сил… Единственная надежда — на войска, которые придут из Одессы.

Выступавшие говорили о неожиданности такого решения, о том, что уже заготовлены продукты и корма на зиму, о том, что есть все возможности наступать. Кто-то высказал неуверенность: как можно перебросить морем такую массу людей и техники? Другие предупреждали о трудностях, неизбежных при постепенном ослаблении фронта и при постоянной активности противника, превосходящего нас в силах.

Жуков никого не прерывал, дал возможность высказаться всем.

Жукову и мне, как морякам, удалось рассеять сомнения в возможности эвакуации морем и доказать, что наш флот, занимая господствующее положение на Черном море, сумеет решить эту трудную задачу.

Время было за полночь, когда командиры и комиссары дивизий, прощаясь с нами, отбывали к себе.

Прощаясь и всматриваясь в лица этих волевых, убежденных в

нашей победе людей, я думал: жаль, что уходим, что расстаемся…

Эта общая встреча была последней в осажденной Одессе. Наступали самые трудные дни нашей жизни.

* * *

Утром я узнал, что пришел крейсер «Красный Кавказ». С ним меня связывали месячное плавание во время стажировки, когда был слушателем Военно-политической академии, встречи во время тактических учений, мои выступления на большом сборе за несколько дней до начала войны. Да и в Одессу крейсер не раз приходил поддерживать огнем Восточный сектор.

Мне хотелось повидаться с командиром крейсера капитаном 2 ранга А. Гущиным, который нравился мне за свою прямоту, откровенность и мужество. И еще хотелось проститься с командиром и комиссаром 157-й дивизии: им срочно предложили прибыть в Крым, не ожидая отправки всех частей дивизии.

…В порту было все затемнено. Только местами бледный синеватый свет падал на места погрузки.

Крейсер стоял у Новой гавани.

Когда я по трапу сошел на палубу, меня узнал находившийся рядом с вахтенным командиром старший помощник командира корабля капитан-лейтенант К. И. Агарков. Он доложил, что на крейсер принято более 2000 бойцов и погружено все, кроме автомашин и кухонь.

Мы поднялись на мостик.

— Уходим? — спросил Гущин.

— Ничего не поделаешь…

Я простился с полковником Томиловым и полковым комиссаром Романовым. С Романовым навсегда: он вскоре погиб.

Командир 157-й стрелковой дивизии Д. И. Томилов. Снимок 1960 г.

* * *

4 октября, за день до убытия Левченко в Севастополь, он, Жуков и я говорили о положении дел в Одессе и Крыму.

Из телеграммы, присланной Октябрьским для Левченко, мы узнали, что противник пока не проявляет активности на Перекопском перешейке. Сосредоточения его сил не обнаружено. «Эта заминка в действиях врага, — сообщал Октябрьский, — дает нам время, которое нужно использовать для укрепления Крыма».

Левченко отметил, что, несмотря на эвакуацию 157-й дивизии и огромного количества боевой техники, настроение у командиров дивизий боевое.

— Больше того, — удивлялся он, — они не хотят уходить из Одессы. Ни Воробьев, ни Петров, ни Осипов.

— Откровенно говоря, и мне не совсем хочется, — сказал Жуков, — но нужно выполнять директиву Ставки…

— Хорошо было бы, если бы вы, Гордей Иванович, по прибытии в Севастополь доложили наркому о нашем желании продолжать драться в Одессе, — попросил я.

— Мне хочется прежде уточнить обстановку в Крыму… А потом обязательно доложу, — обрадовал нас Левченко.

— Гордей Иванович! А можно сослаться на вас? Вы, будучи в Одессе, убедились, что город можно держать? — снова обратился я к нему.

— А вы что, хотите кому-то писать? — он посмотрел на меня с любопытством.

— Как, Гавриил Васильевич, напишем?

— Подумаем, — ответил Жуков.

— Если будете писать, — сказал Левченко, — можете сослаться на меня. Я поддерживаю вас.

В тот же вечер на мой прямой вопрос Колыбанов ответил:

— Я за…

Воронин сказал:

— Если прикажут, будем отстаивать Одессу до конца. Подписывать телеграмму не стану. Но если кто из вас пошлет ее, возражать не буду.

Полковой комиссар Бочаров был ближе к армейцам, чем мы.

Я спросил его:

— Что думают люди об эвакуации?

Бочаров сказал, что ни один политработник не одобряет сдачи Одессы; так и говорят: не «эвакуация», а «сдача».

— Прошло уже несколько дней после начала эвакуации, — продолжал он, — а меня все спрашивают: нет ли изменений, не отменена ли?

— А если будет решено остаться без 157-й дивизии и продолжать оборонять Одессу, — спросил я Бочарова, — как это будет воспринято?

— С восторгом, — коротко и уверенно ответил он.

И у меня окончательно созрела мысль о телеграмме.

Против текста ее никто не возражал.

В телеграмме на имя И. В. Рогова, посланной утром 5 октября, я сообщил, что 6 октября заканчиваем отправку 157-й стрелковой дивизии в Крым, атаки противника отбиваем, имеем частичные успехи на фронтах 25-й и 95-й дивизий, состояние частей противника, по показаниям пленных, подавленное, подтверждается перегруппировка противника на восток. Я указал, что Одессу можно оборонять и без 157-й дивизии, но при условии регулярного пополнения нас маршевыми батальонами; подчеркнул, что это мнение поддерживают Жуков, Военный совет ООР и большинство командиров дивизий, а также замнаркома Левченко. «…Учитывая наши возможности, настроение, состояние противника, считаем необходимым, — писал я, — поставить вопрос перед Ставкой о сохранении Одесского оборонительного района». В заключение я просил И. В. Рогова поддержать наше предложение.

* * *

Утром 5 октября противник, бросив в наступление пехотную дивизию, нанес удар в стык Западного и Южного секторов в направлении хуторов Болгарских, Татарки. Командир 2-й кавалерийской дивизии полковник Новиков донес в штаб ООР, что части, отбивая атаки, переходят в рукопашные схватки. Полковник Крылов передал Новикову распоряжение Военного совета при повторных атаках оставить Болгарские хутора. К 7 часам утра, после двухчасового боя, враг овладел Болгарскими хуторами. Мы отошли, чтобы сберечь людей.

Одновременно неприятельский батальон начал форсировать Сухой лиман у винодельческой станции имени Тимирязева. Его встретили пограничники. Старший лейтенант Попков поднял отряд и повел его в контратаку. Противник не выдержал и отступил, потеряв 10 пленных и 6 пулеметов.

Из 54-го стрелкового полка, находившегося в резерве, для усиления обороны восточного берега Сухого лимана был выделен батальон.

На участке 95-й дивизии атаки противника тоже были отбиты.

Этот день я провел в смятении: противник атакует, резервов нет, а я послал телеграмму. Правильно ли поступил?

Вместе с Левченко в Севастополь отправили Софронова. Лечащий врач сказал, что Георгий Павлович давно жаловался на боли в сердце, а переутомление последних дней и извещение о гибели сына совсем сломили его. Ему необходимы полный покой и лечение.

Возвращался в Севастополь и дивизионный комиссар П. Т. Бондаренко. В Москву, на Пленум ЦК партии, был вызван А. Г. Колыбанов. Он дал телеграмму с просьбой разрешить ему остаться в Одессе в связи со сложной обстановкой. Но ему не разрешили, и он тоже отбывал в Севастополь, чтобы затем ехать в Москву.

Мы провожали Левченко, Софронова, Бондаренко, Колыбанова. Долго слушали в эту необычно тихую для Одессы ночь шум работающих моторов малого охотника.

Через сутки после того, как была послана И. В. Рогову телеграмма, на мое имя пришел ответ наркома: «Прекратите обсуждение приказа Ставки и мобилизуйте людей на выполнение его».

Позднее, встретившись с Иваном Васильевичем в Севастополе, я ожидал от него нагоняй за телеграмму.

— Такая постановка вопроса, — сказал он, — была неожиданной для нас и вызвала недовольство. Вы не знали всей сложности обстановки в Крыму. В то же время мы понимали, что

телеграмма продиктована высокими патриотическими чувствами. Вот почему мы вас особенно не осуждали. Больше того, Ставка поручила наркому запросить мнение Военного совета Черноморского флота: не целесообразно ли будет оставить в Одессе часть войск, чтобы держать город и отвлекать на себя силы противника?

Впоследствии мне довелось читать телеграммы, освещающие ход событий.

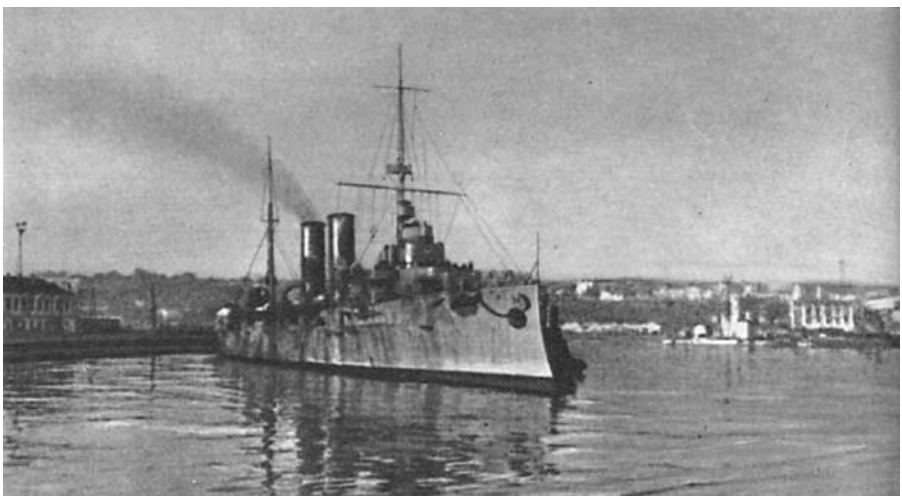
5 октября нарком послал в Севастополь запрос о целесообразности удержания Одессы. «Немедленно донесите свое мнение, хватит ли сил защищать Крым, — требовал он и предупреждал: — учтите, что дивизии, которые были обещаны из Новороссийска, не будут поданы в Крым».

Военный совет флота донес: «Одесские дивизии малочисленны, и двумя дивизиями фронт не удержать… Одесские дивизии крайне нужны для обороны Крыма. В Одессу потребуется возить не только боезапас, а и продовольствие для войск и населения. Военный совет флота считает необходимым проводить в жизнь принятое решение и оставить Одессу».

Когда меньше риска?

Жизнь показала, что затемно мы не успеваем грузить технику и делать посадку. Скрытность нужна, но отправлять недогруженные транспорты — преступление. Начали грузить и днем. Враг заметил это с воздуха.

Утром 8 октября в Одессу прибыл крейсер «Коминтерн», а вслед за ним транспорты «Калинин», «Москва», «Чехов» в охранении миноносца «Шаумян» и трех сторожевых катеров. За ними шли «Сызрань» и тральщик «Земляк».



Крейсер «Коминтерн» в Одессе

Не могу попутно не заметить, какое значение имел приход в Одессу «Коминтерна». До войны этот крейсер входил в состав сил Одесской военно-морской базы. Многие из одесситов в День Военно-Морского Флота бывали в гостях на крейсере, и для них он стал олицетворением боевой мощи флота. А в дни осады они связывали с пребыванием крейсера в порту надежность положения Одессы: если «Коминтерн» у стенки, значит, положение устойчивое. И выходили посмотреть на него и днем и вечером. Горожане не знали, что на этот раз их любимец пришел помогать эвакуации.

Подъезжая к порту, я услышал выстрелы зенитных батарей и глухие взрывы бомб. Сбросив их, бомбардировщики улетели, но дым еще не рассеялся, пыль не осела, и мне не видно было, что делается в порту. Лишь несколько лошадей испуганно носились по территории.

На причале, метрах в 30 от тральщика «Земляк», я увидел воронку от бомбы. Вокруг валялись изуродованные трупы людей и лошадей, лежали раненые.

Воздушной тревогой была прервана погрузка лошадей в трюм тральщика. Часть бойцов, производивших погрузку, не спряталась в щель и не ушла на «Земляк», не желая бросать лошадей. Стрельба и взрывы бомб напугали животных, они ржали, натягивали поводья, рвались из стороны в сторону…

Когда рассеялся дым и осела пыль, я увидел, что транспортные суда остались невредимыми. Погрузка продолжалась.

Не было повреждений и на крейсере «Коминтерн». Туда грузили раненых. Они, как все беспомощные люди, проявляли во время бомбежки особую нервозность.

На причале я встретил неутомимого Зеликова, следившего за погрузкой раненых. Он сказал мне, что сегодня были случаи, когда тяжелораненые одесситы отказывались эвакуироваться без семей.

— Их нужно эвакуировать с семьями, — сказал я Зеликову.

Он просиял, словно получил «добро» на вывоз своих родных.

Тайну эвакуации было сохранить трудно, особенно с тех пор, когда началась посадка на корабли в дневное время. Ведь мы старались как можно быстрее вывезти всех раненых, в том числе и легкораненых.

Разве это могло остаться незамеченным? В госпитале велись разговоры об эвакуации. Раненые рассуждали: раз нас всех, без различия степени ранения, эвакуируют, значит, Одессу сдадут.

В первые дни эвакуации мы пресекали такие разговоры. Но каждый день приносил новые подтверждения слухов: не могло оставаться незамеченным, что в порту идет погрузка и посадка на транспорты, корабли: всё грузят и почти ничего не разгружают.

Не мог не узнать и противник о непрерывном движении воинских частей к порту, иначе для чего бы существовала его разведка?

Вечером 6 октября нам доложили, что звуковещательные станции противника на переднем крае призывали бойцов Красной Армии переходить на их сторону, говоря: «Одессу большевики оставляют. Ваше сопротивление бесполезно».

Эти слова, впервые произнесенные врагом вслух, вызвали у нас тревогу. Пришлось задуматься: правильно ли наше решение о постепенном отходе с рубежа на рубеж? Не растянута ли эвакуация на слишком большое время?

Начальник политического отдела получил от Военного совета указание послать в части политработников с задачей помочь

командирам и комиссарам в разъяснении того, что Одессу будем защищать до конца и что никакие провокационные призывы врага не должны поколебать нашу волю; без приказа не отходить!

Но разговоры о предстоящем оставлении Одессы уже оказали свое влияние на морально неустойчивых бойцов, вселили в их сознание страх. В городе и в порту было уже задержано несколько человек, покинувших подразделения. Свое поведение они объясняли слухами о том, что «Одессу сдают без боя».

А напряжение в городе и на передних линиях с каждым днем нарастало.

В ночь на 8 октября части 95-й стрелковой дивизии в соответствии с планом Военного совета отошли на заранее подготовленный рубеж Грязелечебница, Гниляково, Балка Дальницкая. Утром противник силой до полка пытался наступать на хутор Кабаченко, но все его атаки были отбиты. Командир 95-й дивизии генерал-майор Воробьев заверил, что дивизия и впредь в состоянии отбить атаки своими силами. Это было очень важно, так как теперь мы не имели никаких резервов.

Генерал-майор Петров, вступивший в исполнение обязанностей командующего Приморской армией, сообщил нам, что самолеты противника проявляют активность на участке 25-й дивизии и в районе КП дивизии сбрасывают куски железа. Петров показал такой кусок, попавший в его «пикап».

— Это их салют в связи с вашим новым назначением, — пошутил Жуков.

Жители города повсюду обсуждали вопрос о сдаче Одессы. Они приходили в райкомы, райисполкомы, горсовет и спрашивали одно и то же:

— Правда ли, что Одессу собираются сдавать врагу?

В самом деле, вывозились войска, рабочие оборонных предприятий, их семьи, в порт приходили корабли и суда и уходили нагруженными. Можно было раз-другой объяснить это оперативными перемещениями, но не бесконечно же.

Противник тоже не дремал. Он нащупывал слабые места, готовя прорыв обороны.

8 октября на Военном совете при подведении итогов дня со всей остротой встал вопрос о реальности принятого нами плана эвакуации. Встал он не вдруг. Об этом говорилось и в предыдущие дни, раздавались предложения о пересмотре плана.

Но если бы он утверждался только нами! Тогда можно было бы изменить его и разработать другой, учтя требования, продиктованные жизнью. Но план был принят Военным советом флота и доложен в Ставку Верховного Главнокомандования.

А обстановка уже не позволяла медлить с эвакуацией. В

любой момент могла произойти катастрофа.

Жуков и другие командиры, присутствовавшие на заседании, обращали внимание на обстоятельства отхода 95-й дивизии. Мы сами в ночь на 8-е отвели ее на новый рубеж, а противник и утром, и вечером пытался прорвать оборону, полагая, очевидно: если они сами отошли, то отойдут и под нажимом. Враг мог собрать большие силы и решительным ударом прорвать оборону. У нас же нет резервов. Может случиться непоправимое.

Мы еще раз всё взвесили и пришли к выводу: план постепенного отхода, рассчитанный на 20 дней, устарел и не отвечает новым условиям.

Шишенин и Крылов говорили о том, что командиры дивизий, с которыми пришлось беседовать, предлагают отходить не постепенно, а внезапно и сразу уйти из Одессы.

Все согласились с этим и решили сократить срок эвакуации, закончив ее 14–15 октября. В последний же день продемонстрировать свою активность, поддержав войска переднего края ударами кораблей и авиации флота.

Мы считали: поскольку сами признаем нереальным свой первоначальный план, со стороны командующего флотом и Военного совета тем более не должно быть возражений и с нами согласятся.

В телеграмме Военному совету флота, посланной 8 октября, мы писали, что для бойцов и населения эвакуация стала очевидной, противник тоже заметил ее и в своих радиопередачах призывает наших бойцов переходить на его сторону, прямо заявляя, что Одессу большевики оставляют. Населению хлеб выдается по сокращенной норме, но и при этом условии наших запасов хватит лишь до 12 октября. Поэтому мы просили разрешения сократить срок эвакуации и увеличить количество присылаемых транспортов и кораблей. Вместе с тем указали, что затяжка эвакуации во времени может привести к потере людей.

С текстом телеграммы были ознакомлены присутствовавшие на заседании Военного совета Шишенин, Хренов, Петров, Кузнецов, Крылов. Все целиком согласились с текстом.

Мы были так уверены в том, что Ф. С. Октябрьский и отличавшийся внимательностью к нам во время пребывания в Одессе Н. М. Кулаков согласятся с нашими предложениями, что, не получив ответа на телеграмму, приняли решение: ни в коем случае не отходить на следующие рубежи, как было запланировано раньше, а удерживать их; начать подготовку к внезапному уходу войск с переднего края и посадке их на транспорты и корабли; окончательный срок ухода установить по получении из Севастополя сообщения о выделении транспортов и

кораблей артиллерийской поддержки.

Ответ Военного совета флота в наш адрес гласил: «Тоннаж — даем все, что можно. Вам давались указания особо секретно организовать эвакуацию, пустить дезинформацию не сумели. Как можем, будем усиливать движение транспортов, но вам надо держаться. Другого выхода нет. Разбивайте разговоры. Усильте дисциплину. Октябрьский, Кулаков».

Размышляя над этим ответом, я склонялся к тому, что командующий и член Военного совета просто не решаются докладывать в Ставку о нереальности длительных сроков эвакуации только потому, что прошло лишь двое суток, как Ставка утвердила эти сроки. Опыта в такого рода делах мы не имели, ошибочность своих расчетов признали, думалось мне; за неопытность можно поругать, но нельзя же не считаться с конкретной обстановкой и, не желая докучать Ставке, подвергать опасности тысячи людей, которые нужны, кстати, и для защиты Крыма.

Ко мне зашел Воронин и тоже высказал удивление безаппеляционностью ответа. Позвонили Жукову. Он еще не спал. Мы зашли к нему. Гавриил Васильевич, возбужденный, расхаживал из угла в угол.

— Упреки по нашему адресу, — зло бросил он, — похожи на страховку. Как же так? Разве можно в такой момент заботиться только о том, кто окажется виноватым?

Ясно, что Военный совет флота не представляет всей сложности положения Одессы, может быть, даже рассматривает наши предложения как плод растерянности, паники. Как пожалели мы тут, что нет уже с нами Гордея Ивановича Левченко, который поддержал бы нас своим авторитетом. Но препирательством заниматься некогда. Будем действовать, как решили, договорились мы. А когда потребуются корабли поддержки, поставим Военный совет флота перед совершившимся фактом. Об этом решении сообщили только узкому кругу лиц: Шишенину, Крылову, Кузнецову, Бочарову, Кулешову, Дитятковскому и Петрову.

На рассвете 9 октября генерал-майор Шишенин доложил, что противник в полосе 2-й кавалерийской дивизии возобновил атаки и, неся большие потери, стремится прорвать оборону. Ему уже удалось проникнуть на южную окраину Татарки. Мелкие группы пытаются форсировать Сухой лиман. Враг ввел резерв силой не менее полка и пытается развить успех. В полосах 95-й и 421-й противник тоже перешел в наступление.

Все это грозило как раз тем, чего мы опасались. Нужно было принимать срочные меры. 3-й морской полк и батальон 54-го

стрелкового полка, находившийся в резерве, получили задачу: уничтожить противника, прорвавшегося в район Сухого лимана, и выбить вражеские силы с южной окраины Татарки.

Береговым батареям — 1, 39 и 411-й, бронепоезду «За Родину» было приказано поддержать огнем 2-ю кавалерийскую дивизию и части, предназначенные для контратак; 69-му авиаполку — продолжая прикрывать порт и подходящие к Одессе транспорты, нанести штурмовые удары по атакующей пехоте противника.

В 13 часов транспорт «Армения» и танкер «Серго», подходившие к Одессе, атаковала авиация противника. Прикрывавшие их истребители помешали ей сбросить бомбы прицельно. Транспорты благополучно пришли в порт.

В момент когда мы обсуждали доклады командиров дивизий об атаках противника, Военному совету доложили, что в городе произошли вспышки мародерства, преступные элементы призывают горожан громить продовольственные магазины.

Военный совет срочно выделил в помощь комендатуре несколько взводов морской пехоты и дал им право расстреливать мародеров и погромщиков на месте преступления. Беспорядки в городе удалось пресечь. Военный совет образовал тройку из представителей военного трибунала и прокуратуры и дал ей полномочия судить задержанных и уличенных в мародерстве и погромах.

Был издан приказ по гарнизону о суровых мерах, которые будут применяться ко всем нарушающим порядок и вызывающим дезорганизацию жизни осажденного города.

К исходу дня положение на всем фронте было восстановлено. В полосе 2-й кавалерийской дивизии мы захватили 5 вражеских офицеров и 207 солдат, пулеметы, минометы, боеприпасы и снаряжение. Пленные подтвердили данные нашей разведки: на Одесский фронт прибыли свежая 18-я пехотная дивизия и три артиллерийских полка; дивизия имеет задачу: прорвать оборону.

Пленные солдаты говорили, что перед атакой офицеры объявили им: большевики уходят из Одессы и сопротивление будет слабым. Пленные офицеры подтвердили эти показания. Они действительно говорили солдатам, что русские уходят, но убедились, что их обманули самих, а уж они обманули солдат.

— Разве так бывает, — говорили пленные, — чтобы наступающий уходил или уходящий наступал? Если бы вы действительно уходили, то зачем бы сопротивлялись так, как это делали вы в районе Татарки?

Эти показания убеждали нас в правильности нашего решения: до конца оставаться на прежних рубежах.

Военный совет подвел итоги эвакуации за 10 суток. Было вывезено 52 000 человек, более 200 артиллерийских орудий — от 152– до 45-миллиметровых, 488 минометов, 3260 лошадей, более 1000 автомашин и тракторов, 16 самолетов, разное военное имущество и технический груз, в том числе более 18 000 тонн оборудования одесских заводов.

Оставалось эвакуировать около 45 000 человек, включая квалифицированных рабочих, специалистов, интеллигенцию, партийных и советских работников.

В телеграмме Военному совету флота мы сообщили обо всем этом и доложили, что обстановка все более усложняется: противник начал по всему фронту атаки крупными силами, создалась угроза его прорыва в Одессу. Мы повторили свое предложение, посланное 8 октября, но отклоненное Военным советом флота, хотя практически мы уже осуществляли его.

Доказывая, что сокращение фронта путем перехода с одного рубежа на другой неприемлемо и необходим одновременный отход с переднего края, где обороняются 30 000 человек, мы просили прислать нам в ночь на 16 октября дополнительно транспорты, выделить корабли для артиллерийского обеспечения отхода и авиацию.

В работе Военного совета 10 октября принимал участие генерал Хренов и поддержал нашу точку зрения. Вечером он отправлялся в Севастополь по вызову командования. Прощаясь с Аркадием Федоровичем, Жуков и я попросили его объяснить Военному совету флота наше положение и попытаться убедить в правильности нашего решения.

— Объясните им, пожалуйста, что мы будем твердо проводить его, — сказал Жуков и добавил: — Хорошо было бы, если бы кто-нибудь из них прибыл сюда.

Утром пришел ответ Военного совета флота. Из телеграммы мы поняли, что со сроком оставления Одессы Военный совет согласился, так как планирует подачу транспортов до 15 октября. В ней сообщалось также, что с 12 октября вся бомбардировочная авиация переключается на поддержку Одесского оборонительного района, а 14 октября будут выделены для прикрытия отхода и сопровождения крейсера «Красный Кавказ», «Червона Украина», эсминцы «Бодрый», «Смышленый», «Шаумян», «Незаможник» и малые корабли.

Но Военный совет флота по-прежнему требовал, чтобы мы отводили войска постепенно, оставив их на 16 октября столько, сколько предусмотрено нашим первоначальным планом.

Мы не могли понять этой настойчивости Военного совета флота и решили твердо проводить свой план внезапного отвода

войск с переднего края с одновременной их эвакуацией, надеясь, что Хренов уговорит Октябрьского или Кулакова прибыть в Одессу и они на месте убедятся в правильности нашего решения.

В половине десятого враг возобновил наступление в полосе 95-й дивизии. Бой продолжался весь день, и к вечеру противник овладел Холодной балкой. Его попытка продвинуться дальше была пресечена огнем артиллерии дивизии, 411-й и 34-й береговых батарей базы.

Около полудня два вражеских батальона без артиллерийской подготовки колоннами пошли в атаку на хутора Болгарские. Наши подразделения подпустили их на близкое расстояние и отразили огнем.

В ночь на 12 октября противник, несмотря на бомбовые удары наших МБР-2 по всему его фронту, пытался выбить подразделения 95-й дивизии из Кабаченко. Дивизия отбила атаки. Воробьев твердо верил в своих бойцов и снова доложил Военному совету:

— Выстоим, только поддержите нас в трудную минуту огнем береговых батарей.

В полдень после двухчасовой артиллерийской подготовки более четырех батальонов противника атаковали наши позиции в Андреевой. К исходу дня, после ожесточенной рукопашной схватки, наши подразделения оставили Андрееву.

Контратаковать, чтобы отбить это селение, Военный совет не разрешил: нужно было беречь бойцов.

Враг трижды переходил в атаку против 2-й кавалерийской дивизии, но 1-я батарея и бронепоезд «За Родину» помогли отбить атаки.

Во второй половине дня наши Пе-2 бомбили вражеские войска в районе Одессы. Это немного охладило их пыл.

Мы с нетерпением ждали эсминец «Незаможник», на котором прибывали флагманский артиллерист флота капитан 1 ранга Рулль, его помощник капитан-лейтенант Сидельников и корректировочные группы эскадры для составления таблицы огня и увязки взаимодействия. Но вскоре получили сообщение, что из Севастополя отбыл в Одессу член Военного совета флота Кулаков.

Еще с причала я заметил на мостике входившего в порт малого охотника плечистого человека в реглане с трубкой во рту.

Обычно при встречах Кулаков вел себя шумно, сразу же находил слова, устраняющие официальность. На этот раз скупо ответил на приветствие, был хмур и необычно сдержан.

— А где Жуков? — буркнул он.

— Он просил извинения. Приехать не мог: Военный совет.

В машине Кулаков начал упрекать меня в

недисциплинированности: телеграмма Рогову, невыполнение директивы Военного совета флота о порядке отхода частей с переднего края…

— Мы же требовали от вас, чтобы на последний день было оставлено то количество войск, которое предусмотрено вашим первоначальным планом. Вы должны понять, что никто вам не может предоставить в последний день такой тоннаж, который сразу поднимет тридцать тысяч человек и боевую технику.

— Николай Михайлович, — не вытерпел я, — по-вашему получается, что я главный виновник невыполнения директивы.

— Вы представляете флот, к вам и к Жукову — наши претензии.

— Что же, вы хотите, чтобы представители флота не думая соглашались со всем тем, что издано в Севастополе, хотя бы это противоречило истинному положению дел здесь? В правильности нашего решения, я надеюсь, вы еще сможете убедиться… И к тому же я не только представитель флота, но и представитель армии, поскольку членом Военного совета меня утвердил Государственный комитет обороны. Поэтому я несу ответственность за руководство обороной Одессы наравне со всеми товарищами.

Кулаков выслушал меня спокойно и вежливее, чем в начале нашего разговора, сказал:

— На нас-то, на флот, и возложено руководство обороной. И эвакуацией. Поэтому мы и требуем исполнения всех наших указаний и директив.

— Все, что вы требуете, мы выполняем.

Кулаков разжег трубку. Я закурил папиросу.

— Хотя нас генерал Хренов и убеждал в правоте ваших действий, но не убедил ни Октябрьского, ни меня…

— Сам убедишься, Николай Михайлович, когда посмотришь, что делается в Одессе, да послушаешь тех, кто находится здесь, воевал и должен уходить, — миролюбиво сказал я. — Дело-то наше — общее. Ведь мы признали ошибки своего первоначального плана. А вы упрекаете: «не сумели провести скрытно», «не дезинформировали», «разбивайте настроения»…

— Запомнил… — недовольно сказал Кулаков.

— Не забудешь, даже если захочешь…

— Какая сегодня обстановка на фронте? — вдруг сменил он тему разговора.

При встрече с Жуковым и Ворониным Кулаков тоже начал с упреков.

— В дерзком рывке всегда меньше риска, чем в медленном поднятии рук, — ответил ему Жуков.

Вскоре был созван Военный совет.

Еще накануне возникал вопрос о сроках. Мы намечали уйти в ночь на 15 октября. Но Кулешов убедил нас, что имеющиеся в наличии транспорты не смогут принять на борт всю живую силу.

— Вам виднее, — присоединился к этому решению Кулаков. — Если обстановка позволит, лучше, конечно, провести свертывание с пятнадцатого на шестнадцатое. За сутки кое-что придет из транспортов.

Шишенин доложил, что противник ночью и утром атак не предпринимал, а по разведывательным данным, полученным два часа назад, приступил к фортификационным работам на переднем крае, но эти данные требуют проверки.

Ответственность за подготовку порта, транспортов, плавсредств Военный совет возложил на контр-адмирала Кулешова, ему же поручалось принять всех прибывающих на корабли в последнюю ночь.

Затем Военный совет слушал доклад Крылова о плане свертывания обороны.

— Для прикрытия отвода главных сил, — усталым голосом начал он, — от каждого полка первого эшелона по одному стрелковому батальону с полковой артиллерией выделено в арьергард. Посадка главных сил дивизий на транспорты производится с причалов порта. — И Крылов перечислил распределение войск по причалам нефтегавани, Военного, Платоновского и Карантинного молов, показал на карте намеченные пути движения частей в порт.

— Прошу извинения, я вас прерву на минуточку, — сказал Жуков и обратился к Кулешову: — Илья Данилович, вы обещали доложить, кого из опытных моряков вы подобрали для организации посадки и погрузки на транспорты.

Кулешов доложил, что уже подобраны и закреплены по эвакуационным участкам и причалам капитаны 3 ранга Гинзбург и Шилин, старший лейтенант Державин, майоры Булахович, Морозов, Северин, военинженер 3 ранга Михайлов, капитан Ильин и в комендатуру капитан 1 ранга Барбарин.

— Средства усиления, — продолжал Крылов, — эвакуируются вместе с главными силами дивизий, которым они приданы. Материальная часть артиллерии и автотранспорт, которые не представляется возможным вывезти, уничтожаются. По окончании посадки и отхода транспортов с главными силами арьергардные части эвакуируются на каботажных судах и на кораблях…

Сидевшему со мной Кулакову я показал инструкцию по посадке, разработанную Крыловым, которая должна быть выдана всем командирам в день посадки.

Прочитав ее, Кулаков сказал вполголоса:

— Подготовку провели большую. Все предусмотрено. Это хорошо.

Николай Михайлович согласился с тем, что отход войск с переднего края должен быть произведен в один прием, а это было главное, чего мы добивались в последнее время. План отхода и эвакуации был Военным советом утвержден.

После заседания Кулаков написал телеграмму командующему флотом и показал ее нам. Он сообщал, что противник подтянул свежие силы, повысил активность, в результате чего Военный совет ООР резонно признает план отхода и эвакуации, принятый 5 октября, не отвечающим обстановке. Он указал также, что все его доводы в пользу прежнего плана оказались неубедительными; Военный совет ООР считает необходимым отвести войска внезапно, 15 октября. Мы не возражали против такой телеграммы, и Кулаков послал ее.

Через несколько часов Ф. С. Октябрьский телеграфировал нам, что он согласен с нашими мероприятиями по свертыванию обороны и эвакуации.

* * *

14 октября с рассветом в Одессу стали прибывать теплоходы «Грузия», «Армения», «Жан Жорес», «Калинин», «Котовский», вслед за ними — крейсера «Красный Кавказ», «Червона Украина», эсминцы «Бодрый», «Смышленый», тральщики «Искатель» и «Якорь».

В штабе Одесского оборонительного района появились контр-адмирал Владимирский, бригадный комиссар Семин и капитан 1 ранга Андреев.

Владимирский знал, что Военной совет флота не принял наше предложение о внезапном уходе, и когда услышал от Жукова, что дано «добро», улыбнулся и произнес:

— Да, эта эвакуация, если благополучно завершится, войдет в историю.

С 12 часов 15 октября Военный совет перенес свой командный пункт на крейсер «Червона Украина», откуда и стал руководить свертыванием Одесского оборонительного района. Сюда же, на крейсер, должна была прийти потом значительная часть арьергарда. Прежний КП Военного совета, так называемый «объект А», был взорван. А на КП Одесской военно-морской базы перешла возглавляемая генерал-майором Петровым оперативная группа (Кузнецов, Крылов, Рыжи, Кедринский). Владимирский

поручил Андрееву согласовать огневое взаимодействие и принять на корабли корпосты после выполнения ими своих задач.

Эсминцы «Незаможник» и «Бодрый» усилили своим огнем 421-ю дивизию; «Шаумян» и крейсер «Червона Украина» — 2-ю кавалерийскую, а «Смышленый» и крейсер «Красный Кавказ» — 95-ю.

Чтобы ввести в заблуждение противника, ко времени отхода предусматривался методический огонь артиллерии прикрытия, сначала по районам перед передним краем, а потом по глубине обороны противника. Его позиции должны были обрабатываться также ночными бомбардировщиками МБР-2, а днем — Пе-2.

Днем авиация противника налетела на порт. Теплоход «Грузия» получил прямое попадание в корму. Возник пожар, были затоплены 5-й и 6-й трюмы, выведено из строя рулевое управление. А транспорта у нас едва хватало, чтобы поднять людей и грузы. Поэтому, уходя в Севастополь, Кулаков телеграфировал Октябрьскому о повреждении «Грузии» и просил выделить взамен теплохода еще один транспорт.

Во второй половине дня командующий Одесским оборонительным районом отдал последний приказ. Я привожу его в полном виде:

«1. Отвод войск ООР начать в 19.00 15.10.41 г., закончив амбаркацию в ночь с 15.10 на 16.10 согласно утвержденному мною 13.10 плану.

2. Выполнение операции по отводу сухопутных войск ООР и амбаркацию их возлагаю на командующего Приморской армией генерал-майора Петрова.

3. Командующего Одесской военно-морской базой контр-адмирала Кулешова подчиняю командующему Приморской армией.

4. Потребовать от командиров и комиссаров соединений и частей под их персональную ответственность, чтобы оставляемые за невозможностью эвакуации имущество, материальная часть и запасы были уничтожены. Личное оружие и оружие коллективного пользования взять с собой.

Объекты государственного и оперативного значения разрушить согласно утвержденному мною плану.

5. Мой КП с 12.00 15.10.41 г. — крейсер «Червона Украина».

6. Генералу Петрову о ходе отхода и амбаркации доносить мне через каждые 2 часа, начиная с 20.00 15.10.41 г.»

Жива и будет жить Россия

Весь Военной совет во главе с Жуковым выехал в части переднего края, чтобы проверить, все ли подготовлено к отходу и эвакуации.

Добрая половина войск и боевой техники были уже отправлены морем в Крым. В порту шла интенсивная погрузка тылового хозяйства.

Фронт уже напоминал тонкую нить. Стоило врагу разгадать наш замысел — и он хлынул бы на наши позиции.

Военный совет не сомневался, что внезапный отход 35 000 бойцов с боевой техникой, боеприпасами и снаряжением будет замечен врагом. И мы готовили войска к возможным помехам и попыткам противника сорвать эвакуацию. На этот случай у нас имелось более 30 000 активных штыков, артиллерия береговой обороны и кораблей, авиация Черноморского флота.

Настроение в частях прикрытия было боевое. На них можно было надеяться. Однако кое-где у бойцов проскальзывали опасения, что их оставят не только для прикрытия, но и совсем, так как корабли и транспорты ждать не будут и уйдут. Была кое у кого и боязнь, что при отходе частей с переднего края противник прорвется в город, займет порт и устроит бойню.

Военный совет потребовал от командиров, комиссаров и начальников политотделов дивизий усилить войска за счет частей, не принимающих участия в прикрытии отхода, коммунистами, бойцами, имеющими длительный боевой опыт, а также прибывшими после излечения из госпиталей.

Мы побывали на командных пунктах и огневых точках. Беседовали с бойцами и командирами. Чувствовалось большое напряжение, но в случае нажима врага все готовы были стоять на смерть.

Очень огорчало фронтовиков продолжавшееся отступление наших войск, оставление Орла, Брянска, Вязьмы, Мариуполя. Много разговоров вызвал предстоящий переход морем. Командиры и комиссары расспрашивали, как будем отходить, кто будет прикрывать, сильно ли качает.

Мы не утешали, но и не нагоняли излишнего страха.

Я долго беседовал с Осиповым. Его, как и меня, очень огорчал уход из Одессы. Но Яков Иванович понимал всю сложность крымской ситуации.

— Ничего, — сказал он на прощанье, — придет время и нам наступать… А что касается прикрытия — на нас можете положиться.

Своим появлением на передовой члены Военного совета внушили людям веру в планомерность отхода.

Ведь враг бросал листовки и через свою агентуру распространял провокационные слухи о бегстве командования, о беспорядках в порту. Командиры и политработники, передовые бойцы и коммунисты пресекали эти слухи, но самым лучшим средством против них оказалось наше появление.

Возвратившись с переднего края, Ф. Н. Воронин уехал в политотдел Приморской армии, я с Жуковым — в штаб базы.

Петров доложил, что все идет по плану, телефонная связь с командирами дивизий установлена. Противник продолжает артиллерийский и минометный обстрел, но пока не атакует.

Контр-адмирал Кулешов доложил, что материальная часть и имущество базы, предназначенные к эвакуации, в основном вывезены и погружены на транспорты. Бригады, созданные для демонтажа автомашин, закончили работу: моторы, покрышки и все, что можно снять, снято; кузова свезены в одно место для уничтожения. Имущество тыла базы почти все уже было отправлено, оставшаяся часть погружена на транспорты. Уничтожать было нечего, за исключением пустых складов. Последние 15 тонн продовольствия передали городу для раздачи населению — отвезли прямо в магазины, чтобы с утра выдать людям.

Мы собрались ехать в порт, но Жуков попросил меня заглянуть вместе к нему на квартиру. Он давно приглашал к себе, но все было не до того. За время обороны Гавриил Васильевич и сам ни разу не уходил ночевать домой, и мы вместе ночевали в небольшом особняке вблизи командного пункта. А теперь через 12 часов должны были покинуть Одессу.

Залп корабля

Поднимаясь по лестнице опустевшего дома, Жуков волновался. Он долго искал в карманах ключи, наконец нашел и отпер дверь. В глаза бросился стол, покрытый белой скатертью, на ней — слой пыли и ваза с поблекшими цветами. В буфете полно посуды.

В спальне — полуоткрытый шифоньер. На полках аккуратно сложено белье. По всему видно, что сборы уезжавшей семьи были спешными.

— Семья ничего с собой не брала? — спросил я.

— Только летние вещи.

— Ты будешь что-нибудь отправлять в Севастополь?

Он посмотрел на меня удивленно.

— Распорядись, — что нужно, погрузят. Время еще есть, — сказал я серьезно, зная, как дороги бывают иные вещи, особенно те, к которым привык за долгие годы.

— Город оставляю… Целый город… А ты о вещах.

По старинному русскому обычаю мы молча посидели перед дальней дорогой.

Я впервые заметил, что лицо у Жукова сильно осунулось, посерело, под глазами мешки. Он встал, медленно вышел и, не закрыв дверь, тяжело зашагал вниз по лестнице…

Проезд к порту был запружен. Всё медленно двигалось вперед.

— А ведь это еще не главные силы отходят, — с тревогой сказал Жуков.

Когда мы наконец прибыли в порт, нас поразило невероятное скопление войск, боевой техники, машин, людей, лошадей. Казалось, в этом хаосе никто не сможет ни разобраться, ни тем более навести порядок. Но это только казалось. Везде шла интенсивная погрузка боевой техники, тылового имущества, посадка вспомогательных и тыловых подразделений.

Командиры частей заранее знали, к каким причалам им двигаться, на какие транспорты грузиться. Коменданты и комиссары эвакуационных участков, причалов, пристаней делали свое дело.

Жуков отправился на крейсер, стоявший вблизи выхода из порта, а я должен был еще встретиться с начальником инженерных войск Приморской армии полковником Г. П. Кедринским, на которого после ухода в Севастополь генерала Хренова была возложена подготовка к подрыву всех намеченных к уничтожению объектов.

Я пошел на КП базы, где меня ожидал Кедринский. Он стал докладывать о том, какие объекты уже подорваны. У меня еще было много дел, а времени оставалось очень мало. Увидев, что Кедринский точно исполняет возложенную на него обязанность, я прервал его, сказав:

— Подробности доложите на крейсере.

— Товарищ дивизионный комиссар, — ответил, волнуясь, Кедринский, — прошу выслушать меня сейчас: я должен немедленно ехать на электростанцию…

И тут я понял причину его волнения. Обстановка была такова, что с электростанции, куда Кедринский считал своим долгом ехать, он мог не вернуться. Сознавая опасность, он не хотел допустить, чтобы Военный совет остался не осведомленным в том, как выполнены решения об уничтожении наиболее важных объектов.

Закончив доклад, Кедринский четко повернулся и отправился туда, куда его вел долг. Я молча смотрел ему вслед, думая: какой враг может одолеть таких людей?..

С наступлением темноты я поднялся по трапу крейсера «Червона Украина».

Не пошел в каюту: хотелось постоять у борта, посмотреть на город. Я никогда раньше здесь не был. Ничто, казалось бы, не связывало меня с Одессой, кроме этих двух с половиной месяцев войны. А душа словно оставалась здесь, в порту, в домах горящего города, в окопах, в садах и на полях, щедро политых кровью. Одесса горела, далеко-далеко распространялся огонь.

Артиллерийский гул, глухие взрывы доносились до крейсера со стороны города. А на море, по носу крейсера, вдали видны были огненные зарницы и вслед за ними слышны громовые раскаты — это корабли вели огонь, обеспечивая отход частей с переднего края.

У Жукова я застал Воронина.

Яркий свет каюты после коптилок и свечей, обычных на фронте, ослеплял. Иллюминаторы были задраены и зашторены.

— Как в порту? — спросил Гавриил Васильевич.

— В порту кромешная тьма. Электроэнергии нет. Электрокраны не работают. Крылов грузит орудия в разобранном виде. Грузят вручную, в темноте. Подрыв намеченных объектов идет по плану. Кедринский выехал на электростанцию…

В каюту зашел связной.

— В порту загорелись склады, — сказал он тревожным голосом.

Мы сразу поняли, какую допустили ошибку: пустые склады оставили без охраны, и кто-то из враждебных элементов,

воспользовавшись нашей оплошностью, устроил иллюминацию во время налета вражеской авиации на порт.

К нашему счастью, ни транспорты, ни корабли не пострадали…

Жуков сообщил, что первый доклад Петрова — благоприятный.

— Читай! — Он протянул мне телефонограмму:

«Войска выполняют работу по плану. Большой затор на подходах к порту. Фронт спокоен. Петров».

— А вот и Николай Иванович доносит. — И Жуков передал вторую телефонограмму: «Выполнение плана продолжается. С теплохода «Грузия» снято 2000. Давления со стороны противника нет. Бомбили порт. Крылов».

Но вот вне всякой очереди пришла телефонограмма Петрова. Он доносил, что при отходе частей на участке 31-го полка 25-й дивизии и на участке 161-го полка 95-й дивизии противник пытался перейти в наступление в момент отхода наших частей; попытки отбиты. Потом, при встрече Иван Ефимович объяснил: запоздание с докладом получилось потому, что комдивы решили вначале отбить атаки, а потом донести.

Вскоре мы получили сообщение Кулешова, что управления, штабы и политотделы уже разместились на транспортах.

Эсминец «Шаумян» взял на буксир «Грузию» и в 19 часов вышел из гавани…

Когда нам сообщили, что в порт входят части переднего края и уже началась посадка, Жуков, Воронин и я поднялись на мостик крейсера. Там застали командира крейсера капитана 1 ранга Н. Е. Басистого: эти дни и ночи он не сходил с мостика.

Басистый сказал, что у причалов, освещенных пламенем горящих складов, в бинокль видны транспорты и прибывающие войска, остальные причалы скрыты темнотой.

Все мы думали об одном и том же: почему противник не мешает отходу наших частей? Не верит в свои силы? Считает отход перемещением, ловушкой? Накапливается на рубеже?..

Береговые батареи и 16-й зенитный дивизион должны были до последнего снаряда вести огонь, а потом подорвать материальную часть. Командующий эскадрой приказал крейсеру «Красный Кавказ» прекратить стрельбу по местам расположения противника, стоять на внешнем рейде и ждать арьергардные части, которые начали отход и будут прибывать в порт после часа ночи.

Крылов в 24 часа очередной телефонограммой донес: «Все идет по плану. Главные силы производят посадку. Арьергарды на подходе. Нажима со стороны противника нет. Осложнение в

порту с погрузкой боевой техники в связи с выходом из строя всех кранов. Приказал орудия грузить разобранными. С приходом транспорта «Большевик» постараемся крейсер не перегружать. В порту несколько пожаров».

Эти доклады, поступавшие ежечасно, ожидались с большой тревогой, и только после слов: «Все идет по плану» — на душе становилось легче.

Первые барказы с бойцами арьергардных частей подошли к борту крейсера после двух часов.

— Наконец-то, — услышал я рядом вздох облегчения. Жуков от радостного волнения взял меня за плечо.

Прошло более 20 лет. А я все еще ясно вижу, как идут и идут вверх по трапу молчаливые люди, так нагруженные боезапасом, что приходится удивляться, как может человек с такой ношей передвигаться.

А они шли не один километр, да еще ночью. Часть бойцов несла, кроме своего личного оружия, пулеметы и коробки с пулеметными лентами.

Перед ними была поставлена задача — прикрыть отход главных сил в случае, если противник раскроет наш замысел и попытается сорвать отход. Они брали с собой столько боеприпасов, сколько можно унести: знали, что рассчитывать придется только на то количество патронов, которое при них.

Некоторые бойцы не могли уже подняться на трап и под тяжестью груза оседали. Краснофлотцы и старшины, не ожидая приказания, помогали им подняться, перегрузив на свои плечи их оружие и снаряжение.

«Вот они, неприметные, истинные герои, — думал я. — Пока они есть, жива и будет жить Россия».

Они просили пить. Пили кружками воду, вытирали пилотками и бескозырками горячие лица и с чувством исполненного долга устало улыбались, не думая ни о том, что было, ни о том, что будет.

В 2 часа 50 минут контр-адмирал Кулешов донес, что береговые и зенитные батареи, прикрывавшие отход арьергардных частей, взорваны. Те, кто подрывали их, были доставлены в порт на машинах, большая же часть личного состава батарей ушла на шлюпках к поджидавшим на рейде шхунам.

Мужественно вели себя в эту ночь командир дивизиона Сологуб и комиссар Ламаш. Они сумели в ночное время при большом накате организовать быструю посадку личного состава на шлюпки и доставку на шхуны. Моряки взяли с собой снаряжение, личное оружие, снятые с оставленных машин моторы, скаты, приборы — все, что можно было взять.

На батареях оставалась матчасть и небольшое количество боезапаса для подрыва. Добрынин, Кузьмин, Пилевский, Безруков, Курбатов, Коптюха — все коммунисты и комсомольцы — добровольно взялись выполнить опасное задание.

Шлюпки сделали несколько рейсов, и около 5 часов утра четыре шхуны с бойцами 181, 162 и 163-й батарей, выйдя в море, взяли курс на Севастополь и Евпаторию.

В 5 часов 10 минут сигнальщики доложили о выходе из гавани последнего транспорта. К борту крейсера подошел тральщик. Командир дивизиона тральщиков капитан-лейтенант Леут доложил контр-адмиралу Владимирскому, что в порту людей не осталось, кроме командира ОВРа капитана 2 ранга Давыдова, который закончит постановку мин и уйдет последним.

5.30 — снимаемся с якоря. Мы стоит с Жуковым на левом борту. Молчим. Смотрим на горящую Одессу.

Когда рассвело, увидели армаду транспортов, кораблей и шхун, растянувшуюся на несколько десятков миль.

В семь утра мы подошли к теплоходу «Грузия». Командир эсминца «Шаумян» доложил командующему эскадрой, что буксировать «Грузию» больше не может: все буксиры порваны.

Комиссар теплохода старший политрук Кобелецкий предложил капитану Нечаеву вести «Грузию» без буксира, управляя двумя неповрежденными машинами.

— Без руля управлять невозможно, — ответил Нечаев. — Корабль будет крутиться на одном месте.

Кобелецкий мобилизовал экипаж — и теплоход с пятью тысячами бойцов на борту продолжал путь в Севастополь.

В 10 часов 20 минут сигнальщики заметили самолет противника, идущий курсом норд. Это был первый вражеский торпедоносец.

Корабли охранения и транспорты открыли огонь. Истребители, не считаясь с тем, что могут попасть под огонь своих же орудий, устремились на торпедоносец и не дали ему прицельно сбросить свой зловещий груз.

Вместо торпедоносца-неудачника противник выслал 50 бомбардировщиков Ю-88 и Ю-87 под прикрытием истребителей. Атаки врага и на этот раз были отбиты нашими истребителями, прикрывавшими переход, огнем кораблей охраны и транспортов.

Только истребители сбили во время перехода 16 вражеских бомбардировщиков. Мы потеряли 8 самолетов.

Сколько тысяч пар глаз с благодарностью смотрело тогда в небо, наблюдая за действиями героев-летчиков!

Заключение

«У меня чудное настроение. Капитан представил меня к награждению орденом «Румынская корона», — писал в дневнике в середине июля 1941 года младший офицер 89-го румынского пехотного полка. — Еще десять дней, и я впереди своих солдат войду в Одессу».

Но сбылась не эта радужная мечта кавалера «Румынской короны», а более реалистическое предчувствие, зафиксированное в том же дневнике несколько позже: «Наша гибель неизбежна… Число раненых и убитых растет с каждым днем. Русские самолеты и орудия заливают нас сталью. Кажется, я не дойду до Одессы… Проклятый город. Кто спасет нас?»

Так Одесса вразумляла фашистских захватчиков, вторгнувшихся на советскую землю. Она похоронила на подступах к городу не только десятки тысяч холопов Гитлера и Антонеску, но и сыграла немалую роль в срыве их планов «молниеносного» захвата Украины и Донбасса.

Защитники Одессы проявили изумительное мужество и начертали блистательную страницу в летописи борьбы советского народа за честь и независимость Родины.

Наряду с обороной города немеркнущим подвигом защитников Одессы и моряков Черноморского флота явилась эвакуация. «Впервые в истории войн многочисленная армия, оснащенная сложной техникой, скрытно от врага отошла с фронта, затем в течение нескольких часов погрузилась на корабли и без потерь была переброшена морем на другое направление». Таков факт, признанный историей. Историки говорят также, что эвакуация Одессы по искусству проведения и результатам осталась непревзойденной до конца второй мировой войны.

Теперь, по прошествии двадцати с лишним лет — срока, который отсеивает из памяти людей все малозначительное и закрепляет в ней все достойное истории, особенно радостно, что самоотверженный труд моряков Черноморского флота, воинов Приморской армии и частей, усиливших ее, рабочих, ополченцев и женщин Одессы получил такую высокую оценку.

* * *

Опасность, в течение двух с половиной месяцев висевшая над Одессой, сплотила десятки тысяч людей в одну боевую семью.

Падал сраженный пулей товарищ — будь то моряк, артиллерист, пехотинец, политрук или командир — на его место становился другой.

Скорбью отдавалась в сердцах каждая жертва. Но это не была скорбь отчаяния — она звала живых на подвиг во имя дела, за которое пал товарищ. Дружной семье своих защитников Одесса обязана бессмертной славой города-героя.

Мы оставили его, этот прекрасный город на черноморском берегу. Еще три с половиной года бушевала война. Людей, породнившихся в Одессе, она разбросала по разным широтам, по разным фронтам. Но и сейчас прошедшим через войну защитникам города-героя не забыть дней своего крещения огнем, не забыть друзей, с которыми свела суровая година.

* * *

…Осенью 1958 года мне предложили с группой работников Главного политического управления выехать на Черноморский флот для проверки состояния политработы. Я обрадовался возможности снова побывать в Одессе и в Севастополе, увидеть места, где сражались боевые друзья.

С трепетом спускался я по трапу самолета на родную землю Одессы. Не терпелось снова увидеть знакомые улицы. Я взял машину и поехал. Ничто не напоминало уже того, что происходило здесь 18 лет назад. Лишь в памяти вставали развороченные стены домов, баррикады на Пушкинской улице, рогатки и надолбы у Оперного театра. Ничего этого теперь не было. Не было крепости — Одесса снова стала мирным приморским городом, гостеприимно встречающим идущие к Воронцовскому маяку корабли.

Роняя пожелтевшие листья, шептались на улицах каштаны. Спокойно шли по тротуарам люди, раздавались гудки машин, лязгали трамваи.

Машина поворачивает на улицу Пастера. Памятный угол — здесь в помещении эвакуированного консервного института жили разведчики-моряки. Я взглянул на дом, где не раз приходилось бывать, провожая храбрецов на отчаянные дела. На сероватой стене выделяется светлый мраморный прямоугольник. Я вышел из машины, в глаза бросились знакомые фамилии: Алексеев Василий, Безбородько Олег, Зуц Арсений, Калина Алексей, Конвиссер Лазарь, Макушева Анна, Нестеренко Леон, Поженян Григорий, Рулев Константин, Сурнин Михаил, Твердохлебов Петр, Урбанский Георгий, Гура Иван…

Я долго не мог оторвать взгляд от этой скромной мемориальной доски. Запомнилось, как через минные поля, по лиманам и плавням друзья пронесли в Одессу тело Олега Безбородько.

Почти все они, как Олег, отдали свои молодые жизни в боях с врагом. Уцелели только Поженян, Аннушка Макушева и Арсений Зуц.

О том, что Аннушка живет в Одессе, я уже знал. Незадолго перед моей поездкой Григорий Поженян, вернувшийся оттуда, рассказал о судьбе славной разведчицы.

Тяжело раненную в последние дни обороны Севастополя, Макушеву захватили в плен фашисты. Морская форма, из-за которой в свое время Леонид Соболев принял Аннушку за краснофлотца, вызвала особую злобу гитлеровцев. Девушку истязали, а потом начался ее мученический путь по фашистским лагерям. Отважная разведчица совершила побег, но была поймана и брошена в тюрьму…

Вернувшись после тяжких злоключений в Одессу, Аннушка целовала камни родного города, обливалась слезами от счастья. Но… ее встретили жестокими вопросами: была ли на оккупированной территории? была ли во вражеском плену? была ли на службе у фашистов?

Нет, ее не лишили снова свободы, как случилось в недобрые времена культа личности Сталина со многими прошедшими через ужасы фашистских застенков. Она просто влачила жалкое существование, ютясь в сырой лачуге. И в это тяжелое в ее жизни время Аннушку случайно встретил приехавший для работы над сценарием кинофильма «Жажда» Григорий Поженян. Радостной и печальной была встреча двух боевых друзей.

Вернувшись в Москву, Григорий рассказал мне об этой встрече. Его рассказ меня ошеломил. Мы вместе поехали в редакцию «Литературной газеты», и через несколько дней, 22 декабря 1956 года, на ее страницах появилась корреспонденция Поженяна «Друг наш Аннушка». А потом я послал письмо секретарю Одесского обкома партии…

* * *

На другой день, освободившись от дел, связанных с командировкой, я захотел повидать Аннушку. Но прежде чем удалось ее разыскать, узнал, что в Одессе живет и капитан 2 ранга запаса Семен Иванович Бондаренко.

Мы вместе едем по Николаевской дороге к Чебанке, где

некогда стояла знаменитая 412-я батарея.

— Вот здесь шахтеры с гранатами выручали батарею, — показал Бондаренко рукой вправо, когда мы были в трех километрах от старой батареи.

С непокрытыми головами ходили мы по ровному, уже не раз вспаханному полю, где ничто больше не напоминало о минувших боях. А у меня стояло в ушах: «Ты знаешь, какой ценой мы выручали батарею?! Помнишь роту шахтеров с одними гранатами?!»

Мы шли туда, где когда-то меня удивили домики на орудиях. И там тоже ничто не выделялось над землей. Медленно вслед за нами шла к Чебанке машина.

И вот она, 412-я… Бывшая… Только гнезда бетонные. И входа в потерну нигде не найти. Земля… Бурьян…

Машина идет к Григорьевне — месту, где высаживался первый в истории Великой Отечественной войны морской десант.

Миновали Чебанку. Две молодые женщины, опустив на землю свои сумки, попросили подвезти до Григорьевки. Дорогой я спросил, помнят ли они, где высаживались моряки.

— А мы тут народ новый, — ответила одна.

— Говорят, тут крепко воевали, — показала свою осведомленность другая. — Григорьевка-то вся разбитая была. А кто воевал да где, откуда же знать?

Отпустив случайных попутчиц, мы проехали мимо свежевыбеленных домиков села, спустились на дамбу. Справа ровный песчаный пляж. Проехав немного, мы вышли из машины. Сели на омытую волнами каменную глыбу. Шумело море. Может быть, оно пело песню своим сынам-черноморцам, высаживавшимся здесь 22 сентября 1941 года…

Но расскажет ли море вот этим, не видевшим войны людям, как здесь с барказов бросались в холодную воду бойцы 3-го морского полка, как захватывали они стрелявшие по Одессе фашистские пушки, как падали под вражеским огнем и снова поднимались, идя в атаку?..

— Кто расскажет людям о том, что тут было? — произнес Бондаренко, задумчиво глядя на набегавшие волны.

— Святой наш долг, — ответил я. — Наш с вами долг, Семен Иванович… Долг живых…

И в ту минуту мысль — описать славные дела защитников Одессы, возникавшая и раньше, окончательно овладела всем моим сознанием. Чтоб люди знали, кому они обязаны счастьем мирных дней.

— А вы помните, Илья Ильич, подвижную батарею? — перебил мои мысли Бондаренко.

— Как же не помнить? Не раз был в гостях у Гусева. Хороший был командир, боевой артиллерист…

— А теперь моряк — штурман теплохода «Иван Богун», — спокойно произнес Семен Иванович. — Сейчас как раз здесь стоит.

Да, батарею эту я помнил хорошо. Взорвав 412-ю, мы лишились мощного огневого заслона у Чебанки. Тогда Военный совет создал в Восточном секторе шестиорудийную подвижную батарею, включив в ее состав четыре счетверенные пулеметные установки на полуторатонных машинах. Командиром ее был назначен лейтенант Е. В. Гусев. В первые же дни своего существования она подавила минометную и артиллерийскую батареи противника. Военный совет за это геройское дело объявил Гусеву и его подчиненным благодарность. Появляясь в самых неожиданных для противника местах, батарея открывала огонь прямой наводкой.

Как-то Осипов спросил Гусева, нельзя ли сбить вражеский наблюдательный пункт с силосной башни у Фонтанки — уж очень он мешает полку продвинуться вперед. Ночью в кусты неподалеку от башни артиллеристы затащили 76-миллиметровую пушку, и только занялся рассвет — пушка прямой наводкой не только сбила наблюдательный пункт с башни, но до основания снесла и самую башню.

Кому довелось бывать в боях, поймет то чувство, которое охватывает человека, узнавшего, что где-то недалеко от тебя старый фронтовой товарищ. Мне захотелось увидеть Гусева.

Вечером я поехал в порт и разыскал «Ивана Богуна». Матрос, встретивший у трапа, провел меня в каюту штурмана. Гусев, сидевший за столом, поднял глаза и на миг застыл, удивленный.

— Здравствуйте, Евгений Васильевич, — поздоровался я, сразу же узнав героя-артиллериста.

— Вот не ожидал-то, — растерявшись от неожиданности, проговорил Гусев и бросился ко мне, — Здравствуйте, товарищ адмирал!

Долго мы сидели в каюте, вспоминая дни обороны Одессы.

Во время нашей беседы вошел пожилой моряк — капитан теплохода. Узнав, что мы товарищи по фронту, он кивнул в сторону Гусева:

— Замечательный штурман! Экипаж влюблен в Евгения Васильевича.

На корабль, где мы остановились на время командировки, я вернулся поздно. Переполненный впечатлениями дня, долго не мог уснуть. А утром не удержался, чтоб не поделиться своими мыслями с В. М. Гришановым. С ним мы служили в 1950–1953

годах на Тихоокеанском флоте, а тремя годами раньше довелось и Василию Максимовичу служить там с Гавриилом Васильевичем. Вице-адмирал Жуков был тогда командующим Южно-морским районом Тихоокеанского флота. Так что мы оба хорошо знали Жукова. В последнее время он был начальником Военно-морского училища в Севастополе и, уйдя по болезни в отставку, жил в Одессе.

С вице-адмиралом Гришановым мы поехали на 2-е городское кладбище, где похоронен Гавриил Васильевич.

Мне рассказывали, как по окончании войны население Одессы встречало Жукова, возвращавшегося на свой прежний пост — командира базы. Он сам просил командование флота назначить его снова в Одессу. «Наш Жуков приехал», — говорили люди, встречавшие его на вокзале.

По всему чувствовалась неугасающая любовь одесситов к нему — главному организатору обороны города в 1941 году: мы проезжали по улице, носящей имя Жукова, в центре кладбища — мраморный надгробный памятник, у подножия цветы. Кто-то заботливо ухаживает за могилой, приносит и возлагает на нее букеты незабудок.

Мы поклонились праху доблестного воина.

* * *

И вот наконец я поднимаюсь на второй этаж нового дома на улице Подбельского. Дверь открывает женщина со строгим взглядом карих глаз — Аннушка! Минуту смотрит на меня с недоумением, как бы роясь в памяти.

— Аннушка! Вы узнаете меня? — спрашиваю я. Вместо ответа она бросается ко мне с распростертыми объятиями:

— Товарищ дивизионный комиссар… ой нет, вы же теперь адмирал… Ну, что же вы не входите? — и увлекает меня в чистенькую, скромно обставленную квартирку, знакомит с дочерью-школьницей и тетей.

— Как благодарна я вам и Грише-Угольку! Спасибо за ваши хлопоты обо мне.

Бросается к комоду, достает красную коробочку, дрожащими руками открывает ее — я вижу орден Ленина. На глазах у Аннушки — счастливые слезинки.

Много рассказала она мне в тот вечер. О страданиях, перенесенных в фашистских лагерях и тюрьмах, о неудавшемся побеге… Но, слушая ее рассказ, по непреклонному блеску глаз я узнавал в ней прежнюю отчаянно смелую разведчицу. Только вот

здоровье сильно сдало: перенесенные пытки и ранения дают себя знать.

— Но все это ничего, — бодро говорит Аннушка, — Теперь, как видите, и квартира — две комнаты, и пенсию получаю. Да и работаю, насколько силы позволяют. А потребуется — опять бушлат надену и — в разведку! Ведь я старшина второй статьи!

Увиделся я в Одессе с бывшим командиром бронепоезда «За Родину» М. Р. Чечельницким, комиссаром погибшей канлодки «Красная Армения» капитаном 2 ранга М. А. Серовым и другими славными защитниками Одессы.

* * *

В мае 1961 года журнал «Советский воин» поместил небольшой отрывок из моих воспоминаний, и вскоре редакция передала мне письмо из поселка Адрасман, Ленинабадской области.

«Дорогая редакция! — писал лейтенант запаса Глеб Захарович Волков. — В девятом номере журнала вице-адмирал Азаров рассказывает о действиях бронепоездов в обороне Одессы. Описывая действия бронепоезда «За Родину», он упоминает фамилии командира М. Р. Чечельницкого, рядовых С. П. Дикого и В. И. Мишкина. Я с большим волнением прочитал эту статью и вспомнил о славных боевых делах нашего бронепоезда в тяжелую для нашей Родины годину. У меня как самое дорогое хранятся фотографии старшины 1-й статьи С. Баранова, лейтенанта В. А. Синенкова, лейтенанта медслужбы Ф. Большаченко, чьи фамилии также упомянуты в статье. Ф. Большаченко мне дорог еще и потому, что в боях под Севастополем он оказал мне первую помощь и отправил в госпиталь… Статья т. Азарова является для меня ниточкой, с помощью которой я надеюсь установить связь с фронтовыми друзьями. Я обращаюсь к вам с просьбой найти адрес моего бывшего командира М. Р. Чечельницкого. Или дайте мне, пожалуйста, адрес И. И. Азарова».

И вот М. Р. Чечельницкий извещает меня: «Я получил очень радостное письмо от Волкова… Он мне пишет, что Синенков тоже жив и служит в рядах Советской Армии, подполковник; видимо, и его удастся разыскать…»

* * *

Итак, мои первые попытки найти людей, с которыми

пришлось встречаться в начале войны, оказались не бесплодными. Это приободрило — и, загоревшись желанием описать боевые дела на Черном море, свидетелем и участником которых довелось быть, я стал разыскивать других товарищей.

Читатель помнит краснофлотца Ивана Шатохина, который в канун войны получил отпуск и, услышав на вокзале тревожную весть, возвратился на свою батарею. Меня не переставал волновать этот случай. Захотелось узнать, что же стало потом с самоотверженным пареньком. Но как узнать? Нужны прежде всего сведения, откуда Шатохин родом. Связался со старым севастопольским минером А. И. Маловым. Тот навел в штабе флота справки и написал мне, что Шатохин призывался Аксайским райвоенкоматом, Ростовской области. На мой запрос из района ответили, что Шатохин Иван Иванович, инвалид войны, проживает в районе и работает в колхозе. У нас завязалась переписка. Я узнал, что в Севастополе он был до последнего дня обороны, попал в плен и перенес все ужасы гитлеровских концлагерей, но остался верным сыном Родины. А вскоре я получил от него письмо: Иван Иванович с радостью сообщал, что ему вручили медаль «За оборону Севастополя».

Вскоре мне пришлось быть в Севастополе. Там в это время проводилась конференция участников обороны. Приехал туда и генерал-полковник Хренов. Мы вспомнили с ним замечательного военного инженера полковника Кедринского. Организовав в последние часы эвакуации Одессы взрыв электростанции, он успел на какой-то из остававшихся еще у стенки катеров и прибыл в Севастополь. Он по-прежнему не берег себя, заботясь лишь о выполнении долга. В Севастополе и сложил свою голову. Мы поехали с Аркадием Федоровичем на кладбище Коммунаров и нашли его могилу.

Гранитный памятник. На нем четкая надпись: «Начальник инженерных войск Отдельной Приморской армии полковник Кедринский Г. П. погиб смертью храбрых при обороне города Севастополя. 1897–1942 гг.». Спи спокойно, наш дорогой товарищ…

Как много знакомых лиц увидел я в севастопольском Доме офицеров, где проходила конференция! Те — и не те. Седины, глубокие борозды морщин, шрамы…

С трудом узнаю Д. Г. Соколовского — начальника медико-санитарной службы Приморской армии. Был он тогда молодым энергичным врачом. Да ведь прошло почти двадцать лет с тех пор… Эта встреча многое вызвала в памяти.

Мне часто приходилось бывать в одесских госпиталях, и особенно в 44-м военно-морском. Я видел, с каким самозабвением

работали врачи, сестры, санитары. Бывало так, что главный хирург госпиталя В. И. Иванов, старшие сестры А. А. Чурикова и Н. В. Матвеева по суткам не отходили от операционного стола. Шприцы, ланцеты, скальпели играли в их руках. И ни на минуту, даже для того чтобы поесть, врачам и сестрам нельзя было оторваться от дела: они спасали жизнь людям. Выбрав подходящий момент, их товарищи подходили то к хирургу, то к сестре, вкладывали им в рот бутерброды, вливали из чашечки бульон, кофе. Работа продолжалась без перерывов.

До 30 операций в сутки делал Вениамин Иванович Иванов. Это он поднял на ноги политрука шахтерской роты Пронина, приговоренного, казалось, к смерти. «Какие люди, — говорил мне там же, в госпитале, спасенный Ивановым комиссар 1-го морского полка Митраков. — Когда только они отдыхают? Все время с нами».

— А Зеликов? Где Зеликов? — спросил я у Соколовского.

— Не увидите вы его, Илья Ильич. Расстреляли… В июне сорок второго года заболел. Предлагали эвакуироваться — ведь он сам стольких эвакуировал. Отказался Михаил Захарович. Больным его захватили в плен. Больного и расстреляли…

По окончании конференции пригласил меня к себе, на Северную сторону, Алексей Степанович Потапов. Весь израненный, несчетное число раз контуженный, он вскоре после войны вынужден был расстаться со службой.

Мы поехали на машине по Инкерманскому шоссе, обогнули бухту. Алексей Степанович остановил машину у густо обвитого виноградом домика. Мы сидели в саду. Потапов угощал персиками, выращенными своими руками.

Алексей Степанович рассказывал, как однажды ночью под Одессой он с одиннадцатью разведчиками был окружен ротой противника. Положение такое, что хуже трудно придумать. Но разведчики — народ смелый и находчивый. Они не только проложили дорогу из окружения, а прихватили еще и пленных. Особенно запомнились Потапову из этих разведчиков два храбреца — краснофлотцы Симонец и Сурнин. Я тоже знал Михаила Сурнина. Когда сказал Алексею Степановичу о мемориальной доске на улице Пастера в Одессе, на которой высечено и имя Сурнина, глаза его гордо блеснули, как будто фамилия на доске была его, Потапова.

— Вот тебе и Песочная… — углубившись в свои мысли, вдруг выдохнул он.

Я вопросительно взглянул на собеседника.

— Песочная, говорю… Двадцать пятого сентября… У братской могилы, когда хоронили товарищей, поклялся:

защищать будем подступы к Одессе, хотя бы это стоило жизни. Поклялся — исполнил клятву.

И хотя не был назван тот, о ком шла речь, я понял: Потапов говорит о своем комиссаре. Старший политрук С. Ф. Изус не раз сам водил бойцов в атаку. И погиб 25 сентября 1941 года в бою за высоту Песочная. А через два дня с поля боя вынесли тяжело раненного Потапова. Но через три месяца он вернулся в строй, и когда мы опять встретились в Новороссийске, полковник Потапов командовал бригадой морской пехоты.

* * *

Примерно года три назад на экранах страны появился фильм, о котором я уже упоминал, — «Жажда». Мало сказать, что этот фильм имеет отношение к Одессе. В нем показано, как боролись и умирали те разведчики, о подвигах которых напоминают золотые буквы мемориальной доски на улице Пастера. И снимала фильм Одесская киностудия по сценарию, написанному одесским разведчиком, которого звали друзья Угольком (наверно, потому, что был он маленький, юркий и черный). Только в фильме Уголек погибает, на самом деле он жив и пишет стихи, а иногда сценарии.

Среди зрителей фильма было, очевидно, много тех, кого он перенес в пылающую и сражающуюся Одессу, кому он напомнил близких, павших там, не вернувшихся с войны. Я был в числе этих зрителей, и «Жажда» меня взволновала, возбудила желание сказать о людях, послуживших прототипами героев экрана. Вот почему в «Литературной газете» 22 ноября 1960 года появилась моя заметка под заглавием «Вечно живые». А потом я получил письмо из Донбасса от женщины, которую фильм «Жажда» взволновал не меньше, и она смотрела потом картину не один и, может быть, не два раза.

«Когда я смотрела «Жажду» в первый раз, за слезами многое ушло из поля зрения. Посмотрев вторично, более спокойно, скажу вашими же словами: «Я видела живого Олега. Он тот и не тот, похож на себя и не похож». И мне было не только приятно — радостно было видеть его живым. И его слова из кадра фильма: «Если будете писать маме…», как будто действительно его слова, так как я у него одна, отца лишился 12 лет… В конце марта 1944 года один из моряков — друзей Олега сообщил нам письмом, что сын ушел добровольцем на защиту Одессы и в одной из операций в тылу врага был сражен миной и похоронен в районе Одессы… А как он море любил! Ведь он был льготником при призыве и на

действительную военную службу пошел тоже добровольцем, и только моряком».

Это писала Ольга Константиновна Безбородько.

* * *

Работая над воспоминаниями об осажденной Одессе, я хотел и наглядно показать наших людей в те грозные дни. В этом мне помогли фронтовые фотокорреспонденты Я. Н. Халип, Г. А. Зельма и А. В. Егоров.

Профессия фотографа и воина — какие, казалось бы, не связанные одно с другим понятия! Но воюют, оказывается, и с фотоаппаратами. Только невозможно учесть, сколько врагов уничтожили военные корреспонденты оружием снимков, расходившихся на фронте и в тылу с газетами, листовками, журналами. И рисковали жизнью эти фотоэнтузиасты не меньше, чем люди в танках и у лафетов орудий.

В конце августа 1941 года Константин Симонов с фотокорреспондентом Яковом Халипом отправился на позиции 287-го полка 25-й Чапаевской дивизии. С ними ходил по позициям комиссар полка Н. А. Балашов. Я воспользуюсь опубликованным дневником Симонова; он покажет, каким образом стало возможным появление некоторых сцен боевой жизни на фотографиях в этой книге.

«Румыны опять начали бить из минометов. Положение было довольно глупое, ибо минометчики (наши) сидели в окопе, но снимать их нужно было сверху, стоя на совершенно открытом месте. Однако ничего не оставалось делать. Яша, ворча, что неизвестно, какую ставить выдержку при такой погоде, стал их снимать, сначала с одной позиции, потом с другой. У меня появилось довольно отчетливое желание лечь на землю рядом с минометчиками или сесть к ним в окоп. Думаю, что такое же желание было и у Балашова. Но это, конечно, исключалось, ибо не могли же мы оставить на поверхности одного несчастного Яшу Халипа. В ответ на ворчание Яши, что при такой погоде неизвестно, какая нужна выдержка, я довольно нервно — мне тоже было не по себе — сказал ему, чтобы он снимал на «тик-так».

— На «тик-так»? — воззрился на меня Яша. — На «тик-так» я не могу: у меня руки дрожат, — и этим искренним признанием навсегда подкупил меня, ибо, несмотря на то, что ему было очень страшно, он все-таки продолжал снимать дрожащими руками и, по своей профессиональной привычке, снимал отвратительно

долго и тщательно.

Балашов, очевидно слышавший разговор, отозвал меня в сторону и сказал:

— Молодец!»

В Одессе, в Центральном парке культуры и отдыха имени Т. Г. Шевченко, есть площадка. С нее открывается безбрежная синь моря. Там стоит двадцатиметровый обелиск из красного гранита. Он опоясан четырьмя горельефами, которые запечатлевают подвиги русских моряков со времен Нахимова до славной обороны Одессы 1941 года. Вечный огонь горит у основания памятника. К нему со всех сторон ведут широкие асфальтированные аллеи с цветочными клумбами.

На открытии монумента в День Победы, 9 мая 1960 года, выступил участник обороны Одессы — бригадир слесарей судоремонтного завода В. С. Мирошниченко.

— Мира на земле — вот чего хотим мы, народы всех стран, — сказал он. — Рабочие нашего завода поручили мне здесь, у священного места — памятника Неизвестному матросу, — сказать, что мы отдадим весь жар своих сердец, всю свою энергию на то, чтобы солнце мира, радости и счастья всегда сияло над нами.

— Вечный огонь, зажженный сегодня, — сказала тогда же комсомолка джутовой фабрики Нина Борщ, — будет всегда напоминать нам и грядущим поколениям о бесстрашных героях, которые отдали самое дорогое — свою жизнь за свободу и счастье любимой Отчизны, за освобождение человечества от фашистского порабощения.

Памяти героев Одессы посвящаю и я эту книгу.

1958–1962